

Память сердца

Книга воспоминаний
жителей МО Пискаревка
Великой Отечественной войне

Санкт-Петербург
2006

Память сердца. Книга воспоминаний жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне. – СПб.: «Феникс», 2006 – 128 с. с ил.

- Редактор: Екатерина Осинская.
- Ответственная за выпуск: Антонина Бойкова.
- Составители: Екатерина Андреева, Марина Акатова, Антонина Бойкова, Леонид Рахалов, Анна Хазова.
- Консультант по вопросам истории СССР: Константин Михайлович Лебединский.
- Иллюстрации: Славяна Сейдокина.
- Фото: Марина Чистякова.
- Дизайн, верстка: Руслан Абдраимов.
- Редакционный совет: Соловей А.Ф., Самохвалова А.А., Николаева Н.М., Бухаркина С.Б., Малькевич А.А., Орлинская М.О., Сергеева В.В., Балакальчук Т.Ф.

В книге использованы иллюстрации и рисунки учащихся Дома детского и юношеского творчества Калининского района и фотографии из архива Владимира Никитина, и из книги «Война. Блокада. Победа».

Особая благодарность за помощь в издании книги:

Сенькину Виктору Евгеньевичу, генеральному директору ООО «Лента».
Какабадзе Бадри Давидовичу, члену Общественного совета Санкт-Петербурга.
Ишутину Алексею Ивановичу, члену политсовета Санкт-Петербургского отделения, председателю политсовета Калининского районного отделения политической партии «Единая Россия».

Отпечатано ООО «Феникс». 194156, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, 27
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Гарнитура Peterburg. Бумага глянцевая 170 г/кв.м. Заказ №278. Тираж 300 экз.

ISBN 5-98240-024-6

© Местная администрация муниципального образования
МО Пискаревка, 2006
© Оформление ООО «Феникс», 2006

Память сердца

Память сердца

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война,
Ведь эта память – наша совесть,
Она, как сила, нам нужна.*

Ю.Воронов

Дорогие читатели!

Нет ни одной семьи, которую Великая Отечественная обошла стороной. Война для нашего поколения – исторический рубеж. Она поделила нашу жизнь на довоенный и послевоенный периоды.

Вы держите в руках книгу, на страницах которой собраны воспоминания солдат, сражавшихся на фронте, и блокадников, жителей муниципального округа «Пискаревка».

Все мы, авторы этой книги, пережили и горечь утрат, и нужду, голод, страх. И все старались внести свой вклад в Победу.

Наше повествование просто и бесхитроно: говорим о том, что испытали сами, знаем не понаслышке. Фотографии из личных архивов. Боль, общее горе, большие свершения и незначительные по современным меркам, но столь важные тогда собы-

тия: прибавка нормы хлеба, письма с фронта, подарки детям... Здесь то, чем мы жили в незабываемое время войны.

Ни один официальный документ не в силах передать те беды и страдания, ту трагедию, что выпала на долю нашей страны в результате фашистского нашествия. А время беспощадно: чем дальше уходит война, тем меньше остается ее непосредственных участников и очевидцев. Многие безвозвратно исчезают из памяти.

Мы, ветераны, считаем, что идея сохранить на страницах книги свидетельства участников тех великих событий актуальна и полезна.

И благодарим депутатов муниципального округа «Пискаревка» за то, что эта идея стала реальностью.

*Совет ветеранов
муниципального округа Пискаревка*

Память сердца

Вера Владимировна СЕРГЕЕВА

Глава муниципального образования МО Пискаревка

«Уходит в прошлое война, а с ней героев имена»... Стихи Веры Инбер, как руководство к действию, к работе над книгой.

Приступая к этому замыслу, мы отчетливо понимали: период, когда героями войны считались лишь крупные военачальники, прошел.

Время, как известно, все расставляет на свои места. И сегодня, ничуть не умаляя роль полководцев, мы справедливо называем героями всех, кто в тылу и на фронте самоотверженно приближал светлый День Победы.

О них эта книга.

Тамара Федоровна БАЛАКАЛЬЧУК

Заместитель главы МО «Пискаревка»

Со школьных учебников истории знаем: победу обеспечило единство фронта и тыла. Действительно, это так. Но что стоит за этой фразой? Как осуществили это единство?

Читатели «Памяти сердца» найдут ответы на эти вопросы. Понимаешь и представляешь это единство зримо, отчетливо, объемно. История твоей Родины обретает живые черты.

Павел Владимирович МЕЗЕРИН

Глава местной администрации МО Пискаревка

Оглядываясь из послевоенной мирной жизни, на то великое для нашего города время, Ольга Берггольц написала: «Я никогда героем не была, не жаждала ни славы, ни награды. Дыша одним дыханием с Ленинградом, я не геройствовала, а жила».

Так и авторы нашей книги: не геройствовали, а жили... Эта книга – о жизни!

Память сердца

Маргарита Олеговна ОРЛИНСКАЯ
Депутат, председатель комиссии
по культуре и образованию

В этой книге собраны воспоминания и тех, кто жил и сражался в осажденном городе, и тех, кто далеко, за пределами нашей Родины с оружием в руках помогал сокрушать гитлеровскую Германию.

Один из разделов книги посвящен блокаде. Здесь собраны воспоминания людей, переживших ее. Мне особенно дороги эти страницы: ведь мой отец жил и работал в блокадном Ленинграде.

Алена Владимировна КУЛИК
Депутат, председатель комиссии
по муниципальному хозяйству

Я убеждена, что книгу «Память сердца» надо читать в семьях вслух. И обязательно с детьми.

Она не может не тронуть их сердца своей искренностью, невыдуманными делами, естественной, как дыхание, верой в нашу победу. И в силу нашей Родины.

Виктория Николаевна ЕВДОКИМОВА
Депутат, председатель комиссии
по финансам и бюджету

Горькая истина, известная всем, «У войны не женское лицо». Но война никого никогда не щадила. И в этой книге сегодняшней памятью своих сердец и мужеством пережитого в войну меня буквально потрясли рассказы женщин. Сколько же выпало на вашу долю, мамы наши дорогие, бабушки, жены – матери наших детей!..

Кланяемся вам низко!

Сергей Анатольевич РОМАНОВСКИЙ Депутат, председатель комиссии по безопасности и правопорядку

Хотелось бы, чтобы книга «Память сердца» помогла понять нам, нашему поколению, почему же Советский Союз победил в самой жестокой и кровопролитной войне в истории человечества. Я думаю, что дело в невиданной стойкости русских солдат, в патриотизме, который воспитывался в них с детства.

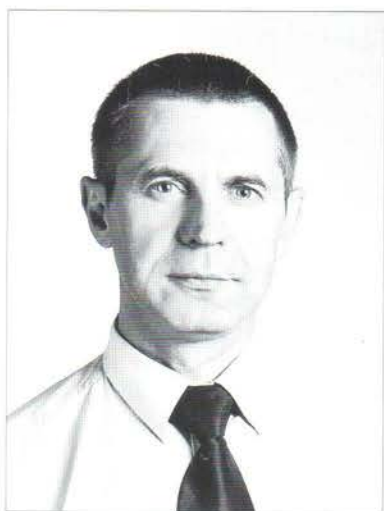
Мобильность, собранность, строжайшая дисциплина – все это востребовалось от граждан в дни Великой Отечественной войны. Поэтому сейчас, занимаясь партийной работой, невольно сравниваешь то поколение с нашим: многому можно у них поучиться.

Константин Юрьевич ПОПОВ Депутат

Детство, опаленное войной... Что может быть трагичнее, противоестественнее?! Но так было!

Вы найдете на этих страницах несколько картин из памяти детских сердечек. Они потрясающей эмоциональной силы, несмотря на мозаичность ребячьего восприятия. И дело не только в терпеливости, с которой дети выносили ужасы блокадного бытия. Нас, взрослых читателей, восхищает горячее желание помочь взрослым, недетская стойкость этих маленьких ленинградцев, о которых с полным основанием тоже можно сказать: «Защитники города».

Владимир Александрович ЗАХАРОВ Депутат

Подвиги имеют истинную цену только тогда, когда о них знают и помнят потомки. Эта книга – скромная попытка рассказать будущему поколению о ратных боях, и о тыловых, не менее героических, буднях, самоотверженном труде, патриотизме. Далекие военные сороковые пришлись на молодость и детство ее авторов. Каждая история по-своему уникальна. А вся книга говорит об одном – о силе духа военных и штатских защитниках Родины, которую всей гигантской мощью фашизма не удалось сломить.

Нина Владимировна ШУБИНА

Председатель Комитета по работе с исполнительными органами государственной власти и взаимодействию с органами местного самоуправления

Тема Великой Отечественной войны, героической обороны Ленинграда - она никогда не будет исчерпана, сколько бы о ней ни опубликовали книг.

Эту книгу написали ветераны тех незабываемых событий - каждый о своем, свои страницы, а вместе получилась народная летопись. Так и в Великую Отечественную: каждый из них находился на своем месте, делал свое дело, чтобы пришла долгожданная, одна на всех, как в песне сказано, Победа. Они, действительно, за цену не постояли...

Воспоминания, утверждают социологи, обычно бывают интересны самому широкому кругу читателей: историкам, современникам описываемых событий, любознательным людям... Вот и на этих страницах даже глубоко изучивший тему человек найдет множество бесценных сведений, фактов, деталей событий. Но думаю, что эта книга бу-

дет востребована и молодым поколением, потому что она рассказывает о славной молодости тех, кто с ними рядом, да и написана очень просто, без пафоса, с дневниковой точностью. Не раз читатели смахнут слезы с глаз. Этим слез не надо стесняться! В них - наша благодарность за подвиг.

Молодые могут завидовать старшему поколению - не тому, что ему довелось жить в эпоху героических испытаний, а мужеству, с которым они, тогда совсем юные, порой просто мальчишки и девчонки, сумели в этих испытаниях выстоять.

Каждая страница книги, которую вы держите в руках, дышит любовью к близким, к родному городу, к Родине, к жизни.

Эта любовь дала защитникам города твердую, не подвластную ни голоду, ни бомбежкам уверенность: отстоим родной Ленинград, отстоим родную страну.

Высокому чувству любви к Отечеству и вере в светлое его будущее тоже можно научиться у ветеранов.

Хорошо, что фотоснимки военной поры, эти драгоценности семейных архивов, дополнены рисунками ребят изостудии Дома детского и юношеского творчества Калининского района. Это очень искренний и волнующий отклик на события войны и блокады из сегодняшнего времени, отвоеванного в сорок пятом у фашизма.

Авторам этой книги я желаю от всего сердца: живите долго, будьте здоровыми, знайте, что подвигом блокадников и воинов Великой Отечественной страны всегда будет гордиться!

Михаил Михайлович Сафонов

Глава Администрации Калининского района Санкт-Петербурга

Уважаемые друзья!

Уважаемые ветераны, жители и труженики муниципального округа Пискаревка!

61 год назад закончилась самая страшная в истории человечества война. Война, за которую была заплачена непомерная цена и истинные масштабы зла которой до сих пор невозможно ни осознать, ни принять, ни примириться с ними.

Жестокость и сам замысел нацистской агрессии находятся за гранью человеческого понимания и являются одним из самых ужасных преступлений против человечества. И, понимая это, год от года мы все с большим волнением и с большим уважением чувствуем вас, дорогие ветераны. Преклоняемся перед вашим подвигом.

Для нас очевидно, что Великая Отечественная война была одновременно самым трагическим и самым героическим событием прошлого века. В борьбе с нацизмом были отвоеваны права людей на свободу, на саму жизнь, на самостоятельный выбор пути развития. А для потомков были сохра-

нены богатые многовековые традиции, духовная и нравственная культура многих народов Европы. Но главное – была одержана победа цивилизации над варварством в фашистском обличье.

Защитники, жители и труженики нашего города прочно вписали свои имена в летопись той страшной войны. 900 долгих дней и ночей, преодолевая голод и холод, на грани смерти и бессмертия защищали ленинградцы свой родной город. В составе дивизий народного ополчения героически сражались с врагом. Под непрерывными бомбежками и артобстрелами самоотверженно трудились на военных заводах. Именно отсюда, из Калининского района, 7 февраля 1943 года отправился по Дороге Победы первый поезд с отливками орудийных стволов, обработку которых завершили на Урале. В нашем районе расположен и самый скорбный памятник блокады – Пискаревский мемориал, в братских могилах которого покоятся почти полмиллиона ленинградцев. Ежегодно десятки тысяч сегодняшних жителей и гостей города приходят сюда отдать дань памяти повседневному мужеству и стойкости защитников города.

В сегодняшнюю непростую эпоху мы особенно остро осознаем и непомерную цену, и непреходящую ценность этой Победы. Отдаем долг каждому, кто освободил тогда мир, сделал это ценой своей жизни. Спустя вот уже шесть десятилетий нам по-прежнему важна и эта опаленная память, и проявленная народом сплоченность.

Мы, кому посчастливилось жить и работать под мирным небом, останемся навеки благодарны и павшим, и живым – как воювавшим, так и крепившим тыл. И сделаем все, чтобы жизнь ветеранов была достойной, а их сердца – спокойными за будущее детей и внуков.

Память сердца

Андрей Николаевич Черных

депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга
(11 избирательный округ)

Книга – это череда открытий: вот, какие они были, наши ветераны! На пору их молодости, юности, а у некоторых и детства пришлось тяжелейшие испытания. Они вынесли их с таким мужеством, с такой любовью к Ленинграду, к нашей стране, что всем другим поколениям можно учиться у них!

Сейчас мы редко произносим слово «патриотизм», оно считается очень громким. Но вот наши ветераны – герои и авторы этой книги – и есть настоящие патриоты. Чувство любви к родной земле – оно с ними навсегда: в послевоенные годы помогало поднимать город из руин, делать

его краше, воспитывать детей настоящими людьми. Поколение ветеранов создало высокий имидж жителя города, когда вся огромная страна уважительно говорила: «Это – ленинградец!»

И сегодня, несмотря на возраст, болезни, постоянные экономические трудности, их жизненная позиция всегда активна. Они приходят в муниципальный совет с предложениями и критикой, с радостями и печалью, с планами и делами. И никогда от них не услышишь фраз: «Мне какое дело?».

Ветераны назвали свою книгу «Память сердца». Теперь все, что написано в ней, и станет памятью наших сердец.

Гейдар Мамедович ИМАНОВ

Ректор Смольного университета

Символично, что в год, когда мы отмечаем скорбную дату 65-летия начала Великой Отечественной войны, вышла в свет жизнеутверждающая эта книга.

Символично и то, что авторы ее живут в округе, который называется «Пискаревка». Судьба неразрывно сплела их блокадную и сегодняшнюю жизнь с этим знаковым не только для ленинградцев – для всего антифашистского сообщества местом. «Мои друзья лежат на Пискаревке, мои друзья живут на Пискаревке. Дома, собой бывшее заслоня, глазами жизни смотрят на меня». Так написала в своих стихах поэтесса Надежда Полякова к одному из юбилеев Победы Великой Отечественной войны. Скромные обитатели этих домов, они же – героические защитники города делятся с нами своими воспоминаниями. Поблагодарим их за подвиг и сохраним книгу как частицу нашей с вами истории.

Алексей Иванович Ишутин

член политсовета Санкт-Петербургского
отделения, председатель политсовета
Калининского районного отделения
политической партии «Единая Россия»

Мы часто и много говорим о связи времен и воспитании патриотизма у нашей молодежи.

Работая с молодежью, часто убеждаюсь, что знания ее об истории, о людях, которыми гордится страна, весьма поверхностны. Поэтому нравственно-патриотическое воспитание – одно из ведущих направлений работы нашей партии.

А эта книга - пример подвига нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Ее страницы дают молодежи уникальную возможность сравнить ценности того времени с сегодняшними, понять и прочувствовать трагедию Второй мировой войны.

О чем мечтали их сверстники 65 лет назад? Какими они были?

Ответ – на страницах книги «Память сердца».

Разговор с прошлым, безусловно, вызовет интерес у читателей разных поколений и, конечно же, у молодежи.

Улица моя, дома мои...

История большого города складывается из истории его районов. Как только они ни назывались: и стороны, и части, и заставы, и районы...

На территории нашего Муниципального округа много интересных мест. Они известны не только в нашем городе, но и в мире. Большинство из них связано с основанием Санкт-Петербурга.

Одним из крупнейших частных земельных владений на территории Петербурга была Кушелевка. Имение сложилось к концу XVIII века. В него входили Спаская мыза (в районе современной площади Мужества), Большая и Малая Кушелевки. В конце XVIII – начале XIX века огромное имение Ивана Ивановича Кушелева простиралось от Выборгского шоссе до Пискаревки и от Полюстровского проспекта до Поклонной горы. От фамилии владельца и произошло название местности. Здесь находилась не только мыза владельцев, несколько деревень, но и большие участки земли, занятые парком, фруктовыми садами и лесом.

На месте деревни Малая Кушелевка в 1911-1913 годах во время прокладки соединительной ветки Финляндской железной дороги была построена железнодорожная станция Кушелевка.

Имение И.И. Кушелева граничило с территорией, которую горожане знают как Полюстрово. На этой территории выходят на поверхность минеральные источники. О пользе их окрестное население знало еще до основания города. Долгое время она принадлежала городу, но в конце XVIII века здесь стало создаваться имение. Вначале оно принадлежало известному вельможе Г.Н.Теплову, затем князю Александру

Безбородко, потом семье Кушелевых-Безбородко. В середине XIX века здесь был создан полуостровский курорт минеральных вод, пользовавшийся большим успехом во всей России и за границей. После пожара курорт пришел в упадок, и его земли стали распродаваться. На месте некогда огромного имения стали появляться промышленные предприятия и небольшие заводские поселки для рабочих. К середине XX века на этой территории началось массовое жилищное строительство.

Название Пискаревка произошло от фамилии купца И.И. Пискарева, который в начале XIX века владел на севере города большим земельным участком – своим «дачным городком». В начале XX века, после постройки окружной Финляндской железной дороги в этих краях появился разъезд Пискаревка, а затем и станция с таким же названием. В 1903 году недалеко от Пискаревки начали строить больничный городок имени Петра Великого, получивший позднее имя И.И. Мечникова. В годы блокады сюда в больницу подвозили раненых прямо на территорию. До сих пор между Брюсовской улицей и действующей железнодорожной линией сохранились рельсы, проложенные еще в 1939 году, на которых в годы войны стояли готовые к бою бронепоезда. Их орудия принимали участие в отражении воздушных налетов фашистских самолетов.

Еще один хорошо известный в городе район – это Сосновка. Эта часть сосновского лесопарка, в которую входили Лесной, Гражданка, Малая и Большая Кушелевки с конца XIX века считалась одной из самых здоровых дачных местностей. Современная Сосновка представляет со-

бой большой лесопарковый массив. И хотя через него проложены дорожки, а кое-где стоят скамеечки, он напоминает лес.

С Финляндского вокзала к Ладожскому озеру шли составы с эвакуируемыми на Большую Землю. И возвращались обратно груженные продуктами, снарядами, топливом... 29 августа 1941 года через уже разбитую бомбами станцию Мга успели проскочить два последних железнодорожных эвакопоезда. 30 августа 1941 года, когда пала Мга, полностью прекратилась железнодорожная связь Ленинграда со страной. И только та часть Финляндской железной дороги, которая проходила через наш район, связывала город с Большой Землей. Уже после войны вдоль железнодорожного полотна были установлены мемориальные столбы с указанными на них километрами до Ленинграда и до Ладожского озера. В блокадные дни работали предприятия и больницы, расположенные на территории округа. В школьных зданиях размещались госпитали, а дети учились в бомбоубежищах. Летом все кто мог, работали на полях совхоза «Красный Выборжец» (на четной стороне в конце Кондратьевского проспекта и питомников). Питомники существовали с XVIII века на месте современных парков имени академика Сахарова и Пионерского (между Пискаревским проспектом и улицей Замшина). А в теплицах, построенных на Кондратьевском проспекте еще в конце XIX века, всю блокаду выращивали не только рассаду для посадок, но и цветы. В первые два блокадных года цветы передавали в больницы и госпитали, а начиная с весны 1943 года цветочную рассаду снова стали высаживать в скверах, садах и парках блокадного Ленинграда.

В военной истории Выборгской стороны есть и такой эпизод: по правительственному решению от 18 февраля 1942 года «О

заготовке хвои и подвозу ее на предприятия, вырабатывающие настои, содержащие витамин С», как средства от цинги, здесь заготавливали хвою. Эти настои обязательно выдавали на заводах и фабриках, в больницах и детских домах, в школах и детских садах, на фронте.

Сколько бы ни говорили и ни писали о войне, нам никогда не составить ее полную летопись. Ведь у каждого, кто ее пережил, она своя. И собрать все воспоминания о ней просто невозможно. Кто-то не хочет или не может вспоминать, кого-то уже нет в живых. А скупые строки документов не позволяют почувствовать «живую» атмосферу тех дней. Эта книга – скромный вклад в летопись Великой Войны и Великой Победы.

Но не только люди и документы хранят память о войне.

На территории нашего Муниципального округа, кроме жилых кварталов, трех железнодорожных станций, промышленных предприятий, садов и парков, находятся два кладбища: Богословское и Пискаревское.

Богословское кладбище располагается в северной части города, в местности, известной под названием Пискаревка. В документах Санкт-Петербургской епархии говорится, что в первой половине XVIII века «кроме кладбища в ограде, церкви св.Сампсония принадлежит и другое кладбище с церковью Иоанна Богослова», расположенное в полутора верстах от нее. Более точно установить время возникновения первого Богословского кладбища трудно. Точные сведения появились со второй половины XVIII века, с того момента, «когда 21 августа 1774 года была отмежевана земля под кладбище от дачи тайного советника Г.Н.Теплова в количестве трех десятин и двух тысяч трехсот че-

тырех квадратных сажень». Вероятно, речь шла о расширении уже имевшегося пространства на Куликовском поле (у пересечения современных Арсенальной и Минеральной улиц). В первой трети XIX века на кладбище появился холерный участок, где хоронили только умерших от холеры.

Но к 1840-м годам кладбище оказалось переполнено, а расширить его снова не было возможности, поэтому к середине XIX века старое Богословское кладбище прекратило существование. Позднее почти на этом месте появятся 2 кладбища: Лютеранское и Католическое, не сохранившиеся до наших дней.

Весной 1841 года последовало высочайшее повеление об открытии нового Богословского кладбища на Выборгской стороне, существующего и поныне на всем нам известном месте. С этой целью город приобретает «земли у вдовы Мейер» – в количестве двадцати четырех тысяч квадратных сажень «в месте незаселенном, примерно в четырех верстах от ближайших Сампсониевской и Спасобочаринской церквей». Спасо-Бочаринская церковь находилась на пересечении улиц Комсомола и Михайлова, недалеко от современного Финляндского вокзала и была одной из старейших церквей города, появившейся в первой трети XVIII века.

Современное Богословское кладбище существует на этом месте уже более полутора веков, сейчас оно в основном представляет некрополь советского времени, площадью более 40 гектаров земли. Особый колорит этому некрополю придает множество берез.

В 1911 году к нему прирезали еще пять десятин земли. В 1914 году архитектор В.Н. Бобров разработал проект деревянного храма. Церковь заложили в мае 1915 года и строили как «...храм-памятник

в память воинов, павших в текущую войну...» (шла Первая мировая война). 26 ноября 1916 года епископ Ямбургский Анастасий освятил церковь святого Иоанна Богослова.

По документам в 1930 году кладбищенская церковь числилась действующей. Через четыре года она была разграблена, а в апреле 1938 года закрыта. Через месяц «помещение закрытой церкви Иоанна Богослова на Богословском кладбище снесено по причине его расположения в запретной зоне военной организации». Само кладбище продолжало действовать. На нем хоронили жителей не только окрестных районов, но и известных людей города.

Более десяти захоронений, не один десяток братских могил находятся на Богословском кладбище. Кроме больших по размеру захоронений, на нем есть и могилы, в которых похоронены экипажи боевых кораблей и самолетов, погибшие при защите города, десятки людей одного завода, погибшие под бомбежками. На Богословском кладбище погребено более ста тысяч ленинградцев, жертв блокады и героев обороны Ленинграда. В годы Советско-финской войны на Богословском кладбище появились первые братские захоронения солдат и офицеров, принимавших участие в боях на Карельском перешейке.

Одно из таких захоронений находится близ главной дорожки кладбища. В Великую Отечественную войну осажденный Ленинград оказался в тяжелейшем санитарном положении. Чтобы предотвратить угрожавшие городу эпидемии, необходимо было производить массовые захоронения. С этой целью были использованы песчаные карьеры возле некоторых кладбищ, в том числе и возле Богословского. Число похороненных здесь жителей города и во-

инов Ленинградского фронта превышает сто тысяч и уступает лишь Пискаревскому мемориалу.

Жители города приходят сюда поклониться таким известным людям, как академик, ботаник И.П. Бородин, астроном А.А. Иванов, хирург, один из основателей больницы им. Мечникова В.А. Оппель, академик, ученый-гидравлик и гидротехник Н.Н. Павловский, основатель вирусологии А.А. Смородинский, С.И. Подковыров и многим другим.

Но самым крупным захоронением военных лет стало Пискаревское кладбище.

На этом месте кладбище существовало задолго до начала войны. Небольшой сельский погост появился в этих местах примерно в середине XIX века. На нем хоронили местных жителей из близлежащих деревень.

В середине 1930-х годов Генеральным планом развития Ленинграда это кладбище было решено расширить и сделать городским. Первые крупные массовые захоронения здесь появились во время Советско-финской войны. Захоронений того времени на Пискаревском мемориальном кладбище сохранилось немного.

За одну блокадную зиму 1941-1942 годов Ленинград потерял больше, чем армии американцев и англичан за всю войну с гитлеровцами. Вымирали целыми семьями, целыми квартирами. И не было у людей сил хоронить родных и близких. Один из руководителей обороны города Д.В. Павлов в своей книге «Ленинград в блокаде» писал: «Рыть глубоко промерзшую землю не хватало сил. Команды МПВО взрывали землю и во вместительные могилы опускали десятки, а иногда и сотни трупов, не зная имен погребенных.

Да простят усопшие живым: не могли они в тех отчаянных условиях выполнить

свой долг до конца, хотя покойники были достойны лучшего обряда...».

Не было ни прощальных залпов, ни траурных венков, ни приспущенных знамен, ни надгробных речей. Не было и гробов: дерево в обледеневшем каменном городе должно было отдавать тепло живым. Но живые твердо знали: наступит день, и они вернут свой долг павшим. Надо только дожить до Победы.

С 15 февраля 1942 года по решению Ленгорисполкома в братские могилы стали хоронить в основном на Пискаревском кладбище.

В 1945 году в Ленинграде прошла целая серия конкурсов на проекты памятников защитникам города-героя. Победил проект архитектора и художника А.В. Васильева. Вместе с архитектором Е.А. Левинсоном он к 1948 году закончил проект.

Однако из-за «ленинградского дела» работы были на время приостановлены. Они возобновились вновь только в 1950 году.

На создание мемориала ушло десять лет.

В 1955 году на Пискаревское кладбище пришли рабочие, чтобы на его территории в 26 гектаров соорудить величественный памятник.

Сначала выровняли поле, подняли холмы братских могил. Первым строительным материалом стала земля. Для создания ансамбля потребовалось подсыпать 50 тысяч кубометров грунта. С украинских каменоломен привезли более 800 вагонов гранита. Уложили по центральной аллее, у входа и у памятника 10 тысяч квадратных метров каменных тесаных плит. Окружили братские могилы гранитным поребриком. Его длина составляет 45 километров. На территории кладбища высадили более тысячи деревьев различных пород и 10 тысяч кустов красных роз.

К 15-й годовщине со дня Победы мемориальный ансамбль был создан!

9 мая 1960 года тысячи ленинградцев пришли на Пискаревское кладбище на торжественное открытие мемориала. В нежно-голубое небо взлетели белые голуби – живые символы мира, завоеванного кровью. Начался митинг. А голуби все кружили в прозрачном воздухе, и люди следили за их беззаботным полетом, не разжимая скорбных губ, со слезами на глазах и молчали. Молчание нависло над холмами братских могил. Потом зазвучали взволнованные, идущие от самого сердца слова.

На Марсовом поле, в торжественной тишине рабочий Кировского заво-

да П.А. Зайченко зажег факел от Вечно-го огня и под звуки марша направился к машине. Его путь лежал через город на Выборгскую сторону. Автомобиль сопровождал почетный эскорт офицеров-мотоциклистов.

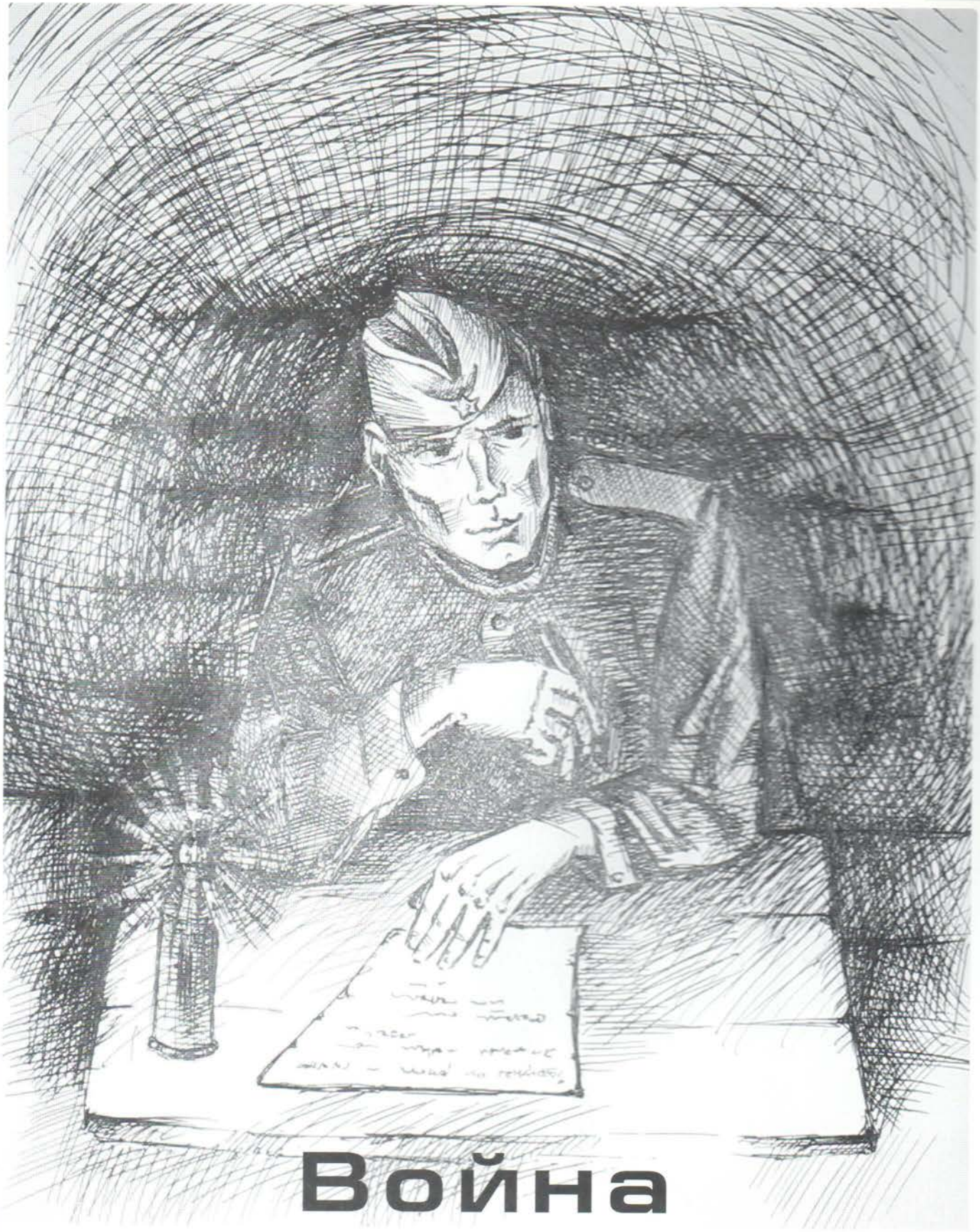
Минута молчания. Огонь с Марсова поля загорелся на Пискаревском мемориальном кладбище.

Под траурные звуки оркестра шли горожане торжественным шествием по аллеям кладбища к монументу Матери-Родины. И ложились венки и букеты живых цветов на зелень братских могил и к подножию монумента. Цветы покрывали всю территорию некрополя.

*Коренной житель Выборгской стороны
Историк-краевед
Елена Георгиевна Малышева*

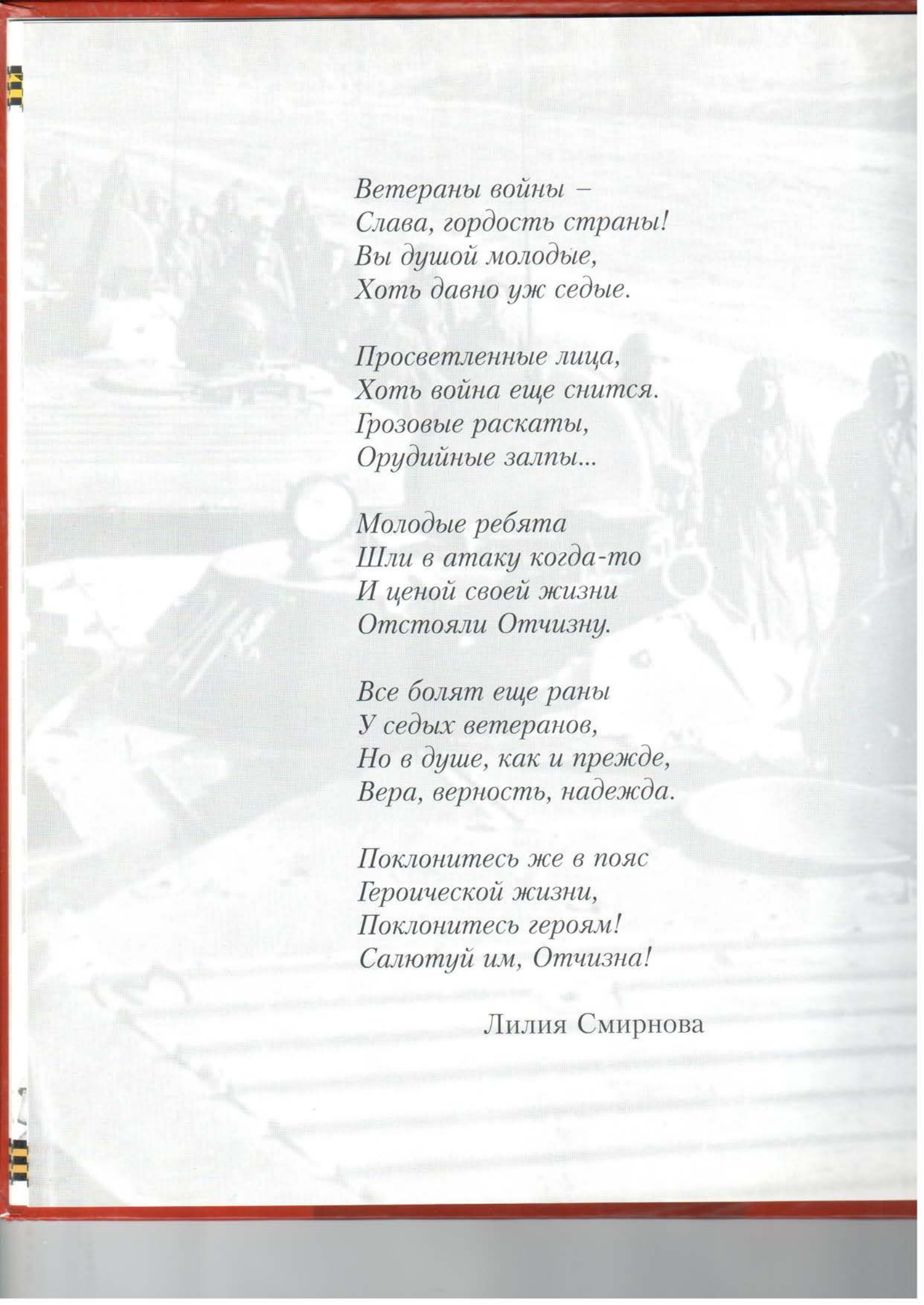

Война

Память сердца

*Ветераны войны –
Слава, гордость страны!
Вы душой молодые,
Хоть давно уж седые.*

*Просветленные лица,
Хоть война еще снится.
Грозовые раскаты,
Орудийные залпы...*

*Молодые ребята
Шли в атаку когда-то
И ценой своей жизни
Отстояли Отчизну.*

*Все болят еще раны
У седых ветеранов,
Но в душе, как и прежде,
Вера, верность, надежда.*

*Поклонитесь же в пояс
Героической жизни,
Поклонитесь героям!
Салютуй им, Отчизна!*

Лилия Смирнова

В тылу и на фронте

Василий Петрович АРАПОВ

В тот год, когда началась война, я окончил восемь классов средней школы в поселке городского типа Сонково Калининской области. Мне исполнилось шестнадцать лет. О дальнейшей учебе нечего было и думать.

По решению райисполкома нас, юношей 16-го возраста, военкомат мобилизовал в районо-истребительный батальон с целью оказания помощи по обнаружению шпионов, диверсантов и выявлению различного рода паникеров и провокаторов.

По ночам мы группами с оружием выходили в лес. Выслеживали немецких парашютистов. Нам всем в милиции выдали винтовки английского производства.

В дневное время мы проходили курс обучения противопожарному делу. Учились тушить зажигательные бомбы. Готовились к химической обороне в случае применения отравляющих газов.

По настоянию моего отца (он работал помощником машиниста на подъемном кране в восстановительном поезде) после окончания краткосрочных курсов я поступил на работу в депо паровозным кочегаром. Каменного угля не хватало, и паровозы отапливались дровами. От станции Синьково поезда отправлялись по четырем направлениям, и она имела для страны стратегическое значение. Мы везли составы с военной техникой, топливом, продовольствием в один конец от Сонкова до Бологое и по другой линии до Пестова. По этой же ветке шли эшелоны с войсками различных родов. Обрато везли эвакуированных и санитарные поезда с ранеными солдатами, офицерами. Часто попадали под бомбежку.

В 43-м году руководство депо направило меня в Ярославль учиться на помощника машиниста в дорожно-техническую школу.

Все работники железнодорожного транспорта в военное время освобождались от службы в армии. Но я придумал маленькую хитрость, для того чтобы получить характеристику от директора дорожно-технической школы. Она нужна была мне для поступления в военно-офицерское училище. Таким образом у меня появилась возможность через военкомат поступить в Ярославское пехотное училище им. генерал-лейтенанта Харитоновна, где я и проучился до августа 1943 года, хотя должен был завершить образование в феврале 44-го года. Но по приказу верховного главнокомандующего, все училища подняли по боевой тревоге и срочно отправили на Орловско-Курское направление для пополнения 336 стрелкового полка.

С августа 1944 года началась моя фронтовая жизнь. Я был определен в шестую роту первым номером ручного пулемета «РГД».

А эшелон двигался дальше

Нина Павловна АНАШКИНА (СОКОЛОВА)

22 июня 1941 года. Я – студентка второго курса института им. Лесгафта. Наша спортивная команда отправилась на соревнования в Зеленогорск. Но в дороге мы узнали, что началась война. Патриотизм был столь высок, что мы не могли оставаться в стороне. Поэтому сразу разъехались по военкоматам.

С первых дней формировалась 8-ая армия. Именно в нее я и была зачислена. Еще до войны я окончила техникум физической культуры на «отлично» и прошла курсы медсестер, поэтому мне доверили подготовку девушек-сандружинниц.

Нам выделили комнату в больнице Куйбышева, здесь и расположился наш штаб.

24 июня я провела первое занятие.

В ночь на 14 июля, после полного формирования дивизии мы были направлены в Стрельну. Расквартировались в общежитиях военнослужащих.

Мне доверили должность помощника командира санитарной роты. Но прослужила я в ней всего несколько дней.

Наш командир поехал в Ленинград получать оборудование. На обратном пути, уже на въезде в город, его настигла вражеская пуля. И хотя в нашей роте были более компетентные и образованные люди, меня назначили командиром.

Выделили помещение – здание школы. В кратчайшие сроки мы подготовили его к приему больных. Госпиталю присвоили номер – 53. В нашем распоряжении было несколько повозок и одна машина.

Мы оперировали раненых, оказывали посильную помощь, а самых тяжелых больных отправляли в Ленинград.

В августе немцы заняли Стрельну. Пришел приказ о переводе штаба. Это был страшный день. Немецкие танки подошли вплотную и стали бить прямой наводкой по нашему госпиталю. Переправлять раненых приходилось через окна и выбитые стены. Ходячие сами бросились наружу. Я уходила последней. Оставались те, кого мы не смогли забрать...

От Стрельны ползком, под обстрелами передвигались к своим войскам, к штабу армии, который тогда находился около Ораниенбаума.

На дороге были окопы. Раненых, которых не могли тащить дальше, мы вынуждены были оставить там. Меня задело осколком. Не сдалась, дотащила раненого до траншеи. Когда перевязала его, стала себя оцупывать. Ремень был перерезан сзади на две части, он-то меня и спас: осколок провалился в штанину. Обработала рану и вернулась на поле боя, сумела вытащить еще 17 раненых. Шесть из них были моими сандружинницами.

В Ленинград мы возвращались на барже. Стояла глубокая ночь, не переставая бомбили фашистские самолеты. Было очень холодно, не первые сутки шел снег.

На Малой Посадской, дом 22, в общежитии института связи, спешно развернули и оборудовали госпиталь. Уже на второй день он был готов к приему раненых. Здесь мы и проработали, пока не перевели нас в Борисову Гриву - до апреля 1943 года.

В Борисовой Гриве предстояло обслуживать Невский пятачок.

Развернули палаточный госпиталь. Стали принимать раненых.

Операционными были большие палатки. Сначала оперировали только днем, потому что не хватало света, приходилось даже верх палаток открывать. Потом нам привезли электростанцию, и оперировать стали и днем и ночью.

А в ноябре 1943 нас отправили на Большую Землю через вновь построенный мост. При переезде его бомбили. К счастью, пострадал только вагон с вещами!

Мы стали госпиталем на колесах, работали прямо в вагонах.

Первая длительная остановка – Полтава. На вокзале полно раненых. Трудились не покладая рук. Останавливались и на небольших станциях, подбирали раненых.

Был и такой эпизод. В поселке Кобыляки, развернув колоссальный госпиталь, мы должны были двинуться дальше, вслед за нашей армией, на Второй Украинский фронт. Но начальника госпиталя, Илью Владимировича Шеремета, вызвали в штаб армии. Вернулся он с приказом оказывать помощь немецким военнопленным. Мы расценили его практически как оскорбление, но ослушаться не могли.

Так работали около месяца. Потом подошел другой госпиталь. Мы передали все дела, а сами отправились дальше.

Начальник отобрал лучших работников, и по приказу командующего нас перебросили в Бухарест. В огромном комфортабельном доме престарелых с бассейном и лифтом, подарке румынского короля своим соотечественникам, а затем фашистском госпитале, теперь мы выхаживали наших бойцов. Война заканчивалась.

Настал день, когда из Бухареста с тяжелым больным я улетела на Родину. Предстояла посадка в Москве, откуда моего подопечного увозили на Украину.

Демобилизовалась я только 6 ноября 1945 года. Стоял канун праздника Октября – первого после Победы.

Антонина Бойкова

Эпизоды большой биографии

Евгения Петровна БОБРОВСКАЯ

НАЧАЛО. Евгения Бобровская родилась в 1905 году в Курской губернии, в районе Бобровских дворов, деревня Заломное. Стать врачом решила еще в детстве. Примером послужил отец, Петр Федорович, лекарь. В 1928 году окончила Воронежский медицинский институт.

Сразу начала работать участковым врачом в селе Можайское, где двадцатичетырехлетняя Евгения была единственным доктором на всю окрестность. Она лечила и оперировала, принимала роды...

В Ленинград приехала в 1930-м году. Участковый врач Бобровская работает много и интенсивно. Чутка и внимательна к больным. В ее трудовой книжке много благодарностей.

ВОЙНА. Стройная женщина в военной форме с маленьким чемоданчиком – первое детское воспоминание Лены о матери. На фронт Евгения Бобровская ушла добровольцем в 1941. Отец Лены, Карпушин Андрей

Иосифович, был осужден по 58-й статье, и в 40-ом году сослан, как многие политзаключенные, в лагерь в Инту. Дочке Евгении, маленькой Лене, тогда исполнилось только три года, поэтому родителей она не помнит. Она осталась в Ленинграде с бабушкой и братом Борей, ему девять.

Семья год прожила в блокадном городе. Эвакуировались в октябре 1942-го в Молотовскую область. Жили в совхозе, в деревне Большие Мулы. Туда и приехала зимой 43-го навестить детей Евгения Петровна. Посмотреть на капитана медицинской службы сбежалась вся деревня. В толпе кто-то крикнул:

– Война проклятая, дети родителей не знают!

Был новый год. И у Лены с Борей получился настоящий праздник. Они встречали его вместе с мамой и бабушкой. Пили чай с сахаром и сухариками. Детям купили кое-что из теплых вещей.

Эти незначительные, с точки зрения сегодняшнего дня события, тогда были настоящим чудом. Кроме того, всем жителям совхоза была оказана квалифицированная медицинская помощь. Настоящий врач на службе всегда! А через десять дней доктор Бобровская вернулась в свою дивизию на Ленинградский фронт. Где с марта 42-го командовала медико-санитарным батальоном.

Известие о победе застало Евгению Петровну в Латвии, в городе Резекне. Она командир госпитального взвода 56-й стрелковой дивизии. За плечами четыре тяжелых фронтовых года. Тысячи раненых, смерти товарищей.

А хуже всего, когда не знаешь ничего о судьбе близких. От мужа из лагеря письма приходили только раз в год.

МИРНОЕ ВРЕМЯ. В Ленинград семья вернулась в 1946 году. Лена пошла в первый класс, Борис – в седьмой. Евгения Петровна продолжила работать. Устроилась участковым терапевтом. Доктор Бобровская посвятила медицине больше тридцати лет, прошла Ленинградский фронт, освобождала Прибалтику. Пережитое сформировало характер, научило отличать главное от мишуры. Пациенты вспоминают ее как грамотного и очень ответственного специалиста, сказывалась фронтовая закалка. Воспитывая внучку, она старалась передать ей самые лучшие качества. Родные говорят: у Жени бабуш-

кин характер. И специальность она выбрала медицинскую, продолжая семейную традицию.

В домашнем архиве Бобровских ордена и медали Евгении Петровны, орден Красной звезды, медали «За отвагу», которую она получила в апреле 42-го, «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», грамоты и благодарности, письма Евгении Петровны от пациентов. А еще открытка, нарисованная Андреем Иосифовичем ко дню рождения дочери 31 мая 1952 года, отправленная из лагеря. Реабилитирован он был только в 1960-ом.

<p>Серия АА № 09008 Бобровская</p> <p>Евгения Петровна Бобровская (имя) (фамилия) (полное имя)</p> <p>Войсковой билет выдан 30 октября 48 г. Ленинградский фронт Ленинград</p> <p>За Бобровская Иосифовича (должность, звание, подпись)</p>	<p>Серия АА I. ВОЕННО-УЧЕТНЫЕ ДАННЫЕ</p> <p>1. Род войск (служба) <u>Медицинская</u> ВУС № <u>264</u></p> <p>2. Военное звание <u>Капитан мед. службы</u></p> <p>3. Запас <u>3</u> разряда _____ разряда _____ разряда</p> <p>4. Должность <u>Начальник терапевтического отделения</u></p> <p>5. Должен состоять на учете по 31 декабря 19<u>55</u> года</p>
--	--

Екатерина Мельникова

Память сердца

На тральщике — труженике моря

Владимир Иванович БОЙЦОВ

Владимир Иванович Бойцов раньше и не мечтал о флоте. Ведь родился он в крестьянской семье на Новгородчине. И как большинство мальчишек и девчонок, окончив семилетку, трудился в деревне.

На флот попал в 17 лет, когда был призван в армию. Владимира направили в Кронштадт в учебный отряд Краснознаменного Балтийского флота. Окончив школу рулевых, попадает в дивизион тральщиков Балтийского флота.

Началась война, и Бойцову приходилось под огнем врага участвовать в высадке десантов на побережье Ладоги, на острова Гогланд и Лавенсаари. А еще тральщик, на котором он воевал, доставлял боеприпасы и продовольствие нашим войскам.

— Однажды — вспоминает Владимир Иванович — осенью 1944 года наш тральщик

шел курсом на остров Лавенсаари. Я стоял на руле. Рядом находился командир корабля. Вдруг мы услышали резкий крик:

— Стоп, машина!

Мгновенно отреагировав на команду, молниеносно перевел рукоять машинного телеграфа на «Стоп». Через несколько секунд впереди, на расстоянии одного кабельтова (185 м), пересекая наш курс, прошла торпеда. Она была акустическая, то есть реагировала на звук работающей машины корабля. Этот эпизод был для всех нас вторым рождением.

— Приходит на память другой эпизод... В том же 1944 году мы находились в море. Я также стоял у руля. Плохая видимость, на море туман. Вдруг впереди по курсу сквозь просвет я увидел мину. Черный рогатый шар качался на волнах. Не раздумывая, переложил руль «право на борт». Тральщик резко накренился вправо, уходя в сторону от мины. Сразу последовал вопрос командира: «Рулевой, в чем дело?». Вкратце доложил ему суть.

После этой истории командование наградило Владимира медалью Ушакова.

Бойцов участвовал в тралении мин в районе Кронштадта, Ораниенбаума. Изо дня в день «утюжил» его тральщик акваторию Финского залива, подрывая и очищая пространство от мин.

После разгрома фашистской Германии, Владимир Иванович Бойцов был переведен на Тихоокеанский флот, где сражался с японскими захватчиками.

Но на этом его морские будни не закончились. Он командовал катером во Владивостоке. И только в 1951 году ушел в запас.

Леонид Рахалов

Как я стала ленинградкой

Антонина Васильевна БОРОДУЛИНА

Военизированная пожарная команда НКВД славилась своими девушками. Молодые, активные и очень ответственные – необходимые для комсомола качества. По воскресеньям всегда проводили политзанятия. Тонечка торопилась, боялась опоздать. У входа в часть ее встретил часовой.

– Знаешь, война началась! – сообщил он ужасную новость.

А потом все слушали выступление Молотова по радио. В этот же день пожарные перешли на новый режим работы – суточные дежурства.

В июле прошел слух об эвакуации части в Куйбышев. Однако указания так и не поступили.

31 августа 41-го года. Эту дату Антонина Васильевна помнит до сих пор. Во время дежурства телефонистка Тоня увидела в окне самолет. Немедленно позвонила в воинскую часть.

– Не знаете, где враг?

– Близко, в тридцати километрах от Саблино.

Нужно было уходить. Добирались до Ленинграда через Ивановский лес. Шли пешком. Понтонам пришлось стоять до 17 сентября. Там уже начались бои. Здесь Антонина приняла первое боевое крещение. Работала санитаркой.

Дорога в Ленинград вышла изнурительно долгой. По пути были потеряны товарищи. А в городе, в который прорывались с надеждой на спасение, уже сомкнулось кольцо блокады. Горожане падали и умирали на улицах, а в небе

ревели немецкие самолеты. Таким девушка впервые увидела город, в который еще недавно мечтала поехать учиться.

Зима для Антонины началась, как для большинства ленинградцев, оставшихся в осажденном городе. Связистка Антонина дежурила на фабрике «Пятилетка» сутки через сутки, а в промежутках между дежурством работала на проспекте Стачек. Подбирала раненых, вывозила умерших.

В 1942 году попала в краснознаменный отряд, прошла подготовку. Училась на радиста. Девушке очень нравилось отбивать морзянку. На фронт ее так и не призвали. Проработала в Ленинграде телефонисткой до конца войны, и поделила с ленинградцами все ее тяготы.

Когда родителям было по 20 лет...

Валентина Петровна БОГДАНОВА

Свой рассказ о Великой Отечественной войне хочу начать с воспоминаний моих близких. Ведь сами понимаете, что может вспомнить ребенок, которому в ту пору не было и года?!

Когда началась война, моему отцу было 20 лет. Он находился в армии. Под Москвой, где шли боевые действия, попал в окружение и оказался в плену. Прошел четыре концлагеря и отовсюду пытался бежать. Потом его взял к себе на работу хозяин. Но от него отец тоже убегал и, отчаявшись, хотел даже покончить с собой. Взял веревку, залез на дерево, просунул в петлю голову. Но вдруг услышал детский голос. По дороге бежала немецкая девочка и кому-то отчаянно кричала, она звала своего отца.

Эта девочка напомнила моему отцу обо мне. Мысль о самоубийстве сразу отпала, и он попытался убежать еще раз. Это ему удалось. Переплыв реку, оказался у своих. Войну папа закончил в Югославии и осенью 1945 года вернулся домой.

Как смотрели в Советском Союзе на бывших военнопленных объяснять не надо. Пришлось самому пробивать себе дорогу. Кем только отец ни работал.

При Санитарно-гигиеническом институте организовал с друзьями производственные мастерские, на базе которых создавались уникальные приборы. Но знаний не хватало, и все они, в свои 40 лет, пошли учиться в техникумы.

Мама окончила фельдшерские курсы при больнице Мечникова. Принимала участие в Польской и Финской кампаниях. Работала в санитарном поезде. С начала Второй мировой войны служила в дивизии НКВД, которая почти всегда находилась на передовой. Практически все ее бойцы погибли. Маму спасло то, что ее старались не посылать в самое пекло действий. Знали, что у нее маленькая дочурка. Жалели и переводили из одной части в другую.

Во время блокады мама следила за состоянием здоровья бойцов, охранявших городские военные объекты. Участок начинался на Васильевском острове и заканчивался Пороховыми. Ходила только пешком. Транспорт не работал. Шла по пустынным улицам, добираясь от одного объекта к другому. И только изредка встречала людей, везущих на саночках трупы.

Мы жили на Охте, в районе Большой Пороховской, в двухэтажном деревянном доме. Я очень боялась бомбежек и, когда они начинались, пряталась под кровать.

Было голодно. Бабушка сушила кусочки хлеба. Делала из них маленькие сухарики и давала их мне сосать. Маме на службе полагался паек. За ним ходила моя тетя. А потом не стало и бабушки: как-то раз она подошла к окну и увидела как во дворе воруют ее дрова. Выскочила раздетой, простудилась и вскоре умерла.

Память сердца

После смерти бабушки меня решили переправить через Ладогу.

Был конец ноября 1942 года. Мама часто сопровождала раненых на другой берег озера. Ей разрешили взять и меня с тетей.

На трассе Дороги жизни стояли палатки. В них подкармливали эвакуированных. Много машин ушло под лед. Нам повезло, проскочили. Я, видимо, была таким заморышем, что даже у видавших многое бойцов на глазах наворачивались слезы. Мне постоянно протягивали печенье, галеты, сахар, а я вцепилась в буханку хлеба, которую от меня с трудом отняли.

Потом мы сели на поезд. Там чуть не потеряли нашу тетю, которая наелась хлеба и заболела: после блокадного голода было смертельно опасно набрасываться на еду.

Нам пришел вызов в Ленинградский интернат, который находился под Казанью. Его директором был муж маминой сестры. Дети постоянно болели, а медиков не хватало. И мама со своим медицинским образованием была как нельзя кстати.

Нас поселили в татарскую семью в деревне Такермень. Там жила девочка Бишка. Я подружилась с ней и старалась общаться только по-татарски. Овладела языком в совершенстве, даже лучше, чем русским.

Постепенно мы начали приходить в себя, но все равно организм был ослаблен. Я заболела малярией. Лечили хиной. Видимо из-за этого, я почти потеряла слух.

Маме не сиделось в эвакуации. Она все время рвалась в Ленинград и попросила, что-

бы ей прислали вызов из больницы Мечникова, и вскоре получила его. В январе 1944 года мы вернулись на берега Невы. Детей в город пока не пускали, и мама везла меня в чемодане. В нем проделали дырки. Как только появлялся патруль, я тотчас пряталась в свое укрытие.

В Ленинграде мы остались без жилья. Наш дом сломали и, наверное, растащили на дрова. Пришлось поселиться у сестры отца в 24-м павильоне: в то время в больнице было четыре жилых дома, и она стала для нас малой родиной.

О детях здесь заботились. Мы имели свою библиотеку, каток, горку. Каждое воскресенье показывали детские фильмы или устраивали праздники.

Несмотря на огромное количество людей в доме, жили очень дружно. Все вместе встречали праздники. Я хорошо помню ряженных, коллективные пироги. Но все равно ощущение голода нас не покидало.

Я с мамой ходила перекапывать картошку. Вокруг больницы было подсобное хозяйство, и нам разрешили собирать остатки урожая. А позже выделили сто квадратных метров земли за воротами. Там мы сами сажали картошку.

В школу я пошла с восьми лет, так как не с кем было оставить младшую сестренку. А уже в мирное время продолжила обучение в Лесотехнической академии и окончила ее в 1966 году. Стала инженером-технологом целлюлозно-бумажного производства.

И пусть война останется только в воспоминаниях старшего поколения!

Это мой отец – Петр Бредис, на фотографии ему 18 лет.

Константин Васильевич БУХАРКИН

– Сейчас, в связи с юбилеем Великой Отечественной войны, много вспоминают о подвигах. Да, они были. Во время войны никто не задавал вопроса, почему я, а не он. Шли на фронт. А сейчас молодые люди не гордятся тем, что им доверяют великое, неповторимое – Родину защищать, мать, жену. А фронтовикам, потерявшим друзей на полях сражений и все-таки всегда верившим в Победу, невыносимо наблюдать подобное отношение к армии, к долгу, – сетует Константин Борисович.

Война ворвалась в его жизнь в тот момент, когда, казалось, что перед ним уже открыты все дороги. Только что закончил девятый класс, и в тот теплый летний вечер они с друзьями отправились гулять на Рыбинское водохранилище. По дороге домой он зашел к сыну коменданта полка, который в тот момент был в Рыбинске. Там и услышал – началась война!

Помимо дневной учебы в 10 классе по ночам работал на артиллерийском складе.

Готовил снаряды для фронта, для победы. А в мае 1942 года и сам ушел на фронт.

С продовольствием в то время было уже трудно, но родители приложили огромные усилия для того, чтобы собрать сыну как можно больше провизии в дорогу. Когда пришел на призывной пункт, прозвучал первый приказ: «Этой ночью всё должны съесть. Завтра – выкинем». (Даже сейчас, спустя годы, при воспоминаниях о напрасных родительских хлопотах на глаза Константина Васильевича наворачиваются слезы). И к утру все было съедено...

Константин попал на курсы младших лейтенантов саперных войск, ускоренно прошел их и сразу окунулся в боевую жизнь. Сражался в малых диверсионных отрядах. А через некоторое время получил ранение правой голени.

– В госпитале решили ногу ампутировать! Из Рыбинска вызвали родителей и сообщили им страшный диагноз. Спасло меня тогда чудо. Ночью пришел эшелон с тяжело

1982 г. Встреча ветеранов в День Победы.

ранеными, первый эшелон, который прибыл в Рыбинск. И все врачи были настолько заняты, что про Костю просто забыли. А когда всем вновь поступившим помощь была оказана и на Костю снова обратили внимание,

выяснилось – температура спала. Вместо 42, как она держалась все эти дни, градусник показал 37,2. Ампутацию отменили.

Целый год он проходил с палочкой, но зато после был зачислен на первый курс Высшего военно-морского инженерно-технического училища, эвакуированного из Ленинграда и расквартированного в поселке Красный Холм под Ярославлем. Именно тогда он получил морскую форму. С гордостью носил 40 лет.

Как и большинство ветеранов, бережно хранил ее до последнего часа. Курсантом привлекался к обеспечению базирования кораблей, выполнял аварийно-восстановительные работы, брался за самые тяжелые задания.

– В апреле 1945 прямо с фронта нас, принимавших участие в боевых операциях, направили в столицу для участия в параде 1 мая 1945 года. Мы прибыли. Маршируем перед наркомом Военно-морского флота Кузнецовым. Идем, а он нам показывает большой палец руки: хорошо, значит, себя показали. Потом поехали в Москву готовить овеянных и жизнью, и славой для Парада Победы 24 июня 1945 года.

А в 1995 нас призвали вновь, на этот раз на Парад ветеранов на Красной площади в честь пятидесятилетия Победы. И вот страшный факт: из 1000 человек, служивших в нашем полку, в живых к тому времени осталось всего 120...

Антонина Бойкова

Механик неба

Александр Тимофеевич ГРОМОВ

С самого детства Саша Громов любил спорт: получил второй разряд по гимнастике и значок Ворошиловского стрелка, тренировался в аэроклубе, с 12 лет занимался в планерной школе. Потом поступил в Высшее военно-морское авиационное училище города Молотова. В июне 1941 начались выпускные экзамены.

10 июня объявили боевую тревогу. Училище привели в состояние готовности номер один. Большинство курсантов сразу освободили от экзаменов и расквартировали по частям. Для оставшихся 22-го был назначен выпускной день. Утром ребята в праздничном настроении отправились на торжество в Кунгурту. Но праздник отменили: началась война. Всех вернули в училище. А следующее утро они встречали в эшелонах, уходящих на фронт.

Александра отправили на Дальний Восток, в авиационную эскадрилью. Дорога до Владивостока была долгой и мучительной. На фронт они прибыли только 10 июля.

Авиационный механик Громов со своей бригадой готовил самолеты к вылетам, устранял самые серьезные повреждения техники после выполнения боевых заданий.

В тяжелых условиях приходилось ремонтировать машины в самые кратчайшие сроки. Ведь после сигнала сирены самолет должен быть готов к взлету через 3 минуты!

Но даже не сражаясь непосредственно на передовой, механик совершал подвиги. Однажды в воздухе загорелся самолет. Летчик Вывозов совершил аварийную посадку.

Пожар на борту разгорался все сильнее. Александр бросился к самолету и успел вытащить пилота. Правда, награды за это он не получил. Начальство было недовольно тем, что не удалось спасти машину!

Военных действий на Дальневосточном фронте не велось. Война была скорее тактической: провокации противника, воздушные бои. Легкие маневренные И-16 наших войск уступали самолетам противника и в скоро-

Память сердца

сти, и в бронебойности пулеметов. А вот подготовленных аэродромов не было. Поэтому, управляя даже такой по тем временам совершенной техникой, летчики могли, приземляясь, перевернуться. Сажать машины приходилось и на лесные дороги и на опушки. Самолеты подпрыгивали на ямах и ухабах, цепляясь за землю то хвостом, то носом.

Солдаты готовили капоньеры – ангары, чтобы укрывать машины от противника, практически высекая их из камня. Толщина гранитного слоя на Дальнем Востоке местами доходит до 600 м.

Громов всем сердцем стремился оказаться в Ленинграде, хотел сам защищать свой

родной город. Наконец, его чаяния осуществились. Он был переведен в распоряжение Балтийского флота.

Ему довелось защищать Дорогу жизни, участвовать во многих битвах, ключевых для всей войны. Служил в первой эскадрильи 57-го штурмового авиаполка с такими прекрасными летчиками, как Челноков, Мазуренко, охранял вместе с ними Балтийский флот. И хотя кровь на передовой проливать не пришлось, он сумел внести свой вклад в победу нашей страны в одной из самых жестоких войн в истории. А в его семейном архиве до сих пор хранится благодарность от самого И. В. Сталина.

Антонина Бойкова

Медали за бой, медали за труд

Николай Григорьевич ВАСИЛЬЕВ

Николай Григорьевич Васильев имеет 17 правительственных наград. Медаль за разработки в области космической техники, серебряная медаль ВДНХ за изобретение камеры, с помощью которой можно снимать хирургические операции. И, конечно же, военные награды: Орден Отечественной войны второй степени и медаль «За оборону Ленинграда».

В Ленинград приехал с мамой в 1928 году к отцу, который работал на судостроительном заводе.

Здесь Николай заканчивает десятилетку и поступает в Ленинградский электротехнический институт имени Ульянова-Ленина. В 1941-м защищает диплом по специальности «инженер-электрик».

Молодым специалистом он пришел на Кировский завод. В трудное для нашей страны время предприятие перешло на выпуск военной продукции. Большинство работающих на заводе имели бронь. Но Николай не воспользовался этой льготой и в декабре 1941-го ушел на фронт добровольцем. Городской транспорт не ходил, и солдаты пешком добирались до линии фронта. Васильев был зачислен стрелком в 276 особый пулеметно-артиллерийский батальон, защищавший блокадный Ленинград.

В марте 1942-го при взрыве немецкого снаряда был контужен и два месяца провел в госпитале. А потом восстанавливал силы в батальоне для выздоравливающих. Помогал подтягивать мины на нейтралку. Там саперы устанавливали их буквально под самым носом у немцев.

В сентябре в батальон пришел представитель авиационной части. Присмотревшись, он отобрал трех человек, в числе которых был и Васильев.

С этого времени Васильев Николай Григорьевич служил электромехаником в авиаремонтной базе 13-й воздушной армии. До самого конца войны он ремонтировал и возвращал в строй поврежденные в боях машины.

Леонид Рахалов

Михаил Михайлович ИВАНОВ

Моховая улица, где мы жили с семьей, часто обстреливалась. У родителей нас было трое, я – старший. Учился в ремесленном училище. Мама работала сначала в детском саду, а во время блокады эвакуировала жителей из окруженного кольцом Ленинграда, после с младшими братом и сестрой тоже была эвакуирована. А я и отец остались в городе и стали работать на заводе №7. Но в 1942, не дожив до снятия кольца блокады, папа умер.

Этой страшной зимой 1943-1944-го я перенес обморожение ног, цингу и голод блокадного города. Потом меня взяли в танковое училище, и до попадания на фронт я копал рвы и тушил зажигалки, как и большинство моих сверстников, ленинградских мальчишек. Мне было 19, когда я оказался на поле боевых действий, служил в разных частях, в основном танковых. Мои военные

дороги проходили по нескольким фронтам. За годы войны пришлось пережить 2 ранения и контузию, не говоря уже о многочисленных госпиталях.

Война для меня закончилась в 30 км от Берлина, где я получил сильное ранение. Последовали бесконечные больничные койки. В октябре был демобилизован в Тамбов, а потом в сопровождении медсестры отправился в Ленинград. Долго лечился в самых различных клиниках СССР, от Москвы до Тбилиси. Оправившись от военных лишений и травм, пошел работать на завод “Ленинградская игрушка”, которому отдал больше 20 лет. На протяжении всей последующей жизни вел активную политическую деятельность.

За заслуги перед Отечеством имею не одну награду. Но, как известно, самая большая награда – это дети. А я могу сказать с гордостью: у меня уже четыре правнука!

В пехоте и в тяжелых танковых войсках

Николай Иванович ЛЕШТУКОВ

На фронт призван в 1942 году. Войну начал простым солдатом, будучи по натуре трудолюбивым и усердным, очень скоро стал младшим лейтенантом, командиром взвода автоматчиков. За его спиной остались Центральный и Белорусский фронт.

Проходил службу в пехотных, а затем в тяжелых танковых войсках. Дважды был ранен.

Пройдя Украину, Румынию, Бессарабию, Польшу и Германию, победу встретил в Берлине.

После окончания войны прослужил в Германии еще полтора года.

Демобилизован в августе 1946 года.

Жанна Николаевна МАСЛЕННИКОВА

– Пан лейтенант, что же ваше начальство смотрит, ведь война будет! – говорили моему отцу местные жители. Он, младший лейтенант-топограф, делал снимки под Брестом. А мы с мамой жили на окраине города. Первый артналет начался ночью. Что это такое, тогда еще никто не знал. Мама решила, что началось землетрясение. Схватила меня и босиком, в одной рубашке, выскочила на улицу.

Позже мама вспоминала поле, устланное трупами наших солдат. Ответить врагу тогда мы так и не смогли. Времени бойцам не было даже на то, чтобы добежать до оврага и занять огневую позицию. Под пулеметным огнем мама ползала от погибшего к погибшему, вытаскивая хоть какие-то документы наших солдат. Ее едва успели оттащить в овраг.

Со стороны Брестской крепости продолжалась пальба. Над ней кружились немецкие самолеты. В воздух поднялся только один наш самолет, да и тот подбили. И летчик тянул горящую машину над шоссе, пока она не взорвалась, врезавшись в немецкую колонну. Месяц шли мы вместе с бойцами отца по Пинским болотам. По ночам делали вылазки, чтобы добыть оружие. Мама едва стояла на ногах. У нее был гнойный плеврит и миокардит. А меня, годовалого ребенка, завернув в полу шинели, нес на руках солдат Володя. Наконец добрались до станции. Отца отправили на Южный фронт. Солдат, с которыми мы шли, в отряды на передовую. Нас с мамой, изможденных и исхудавших, посадили в эшелон с ранеными и отправили в тыл. После войны мама пыталась разыскать наших солдат. Тщетно. Вероятно никто из них не вернулся домой. О Володе мы тоже ничего не смогли узнать.

Позже отец работал в Кара-Кумах. Учился в академии в Москве. А мы жили под Москвой в деревне Набережной. Помню го-

лод, звуки воздушной тревоги, промерзший старый дом, буржуйку, окопы и землянку в огороде. Бравых, веселых летчиков в орденках, стоящих у нас на постое (рядом был аэродром). Ваня, курносый и кудрявый крепыш, молоденький летчик, показывал мне самолеты. Почти на всех нарисованы звездочки (сбитые самолеты врага) и лозунги. А на одном даже картина. Мужественный улыбающийся наш летчик поставил ногу и уперся мечом в тигра с головой Гитлера.

Морозная погода и ощущение счастья. В тяжелое военное время – в Москве детский праздник. Елка! Ирина Бугримова со львами, Карандаш, мандарины. А на обратном пути мы опоздали на «кукушку» (поезд). Но нам повезло. Мимо проходила теплушка, из которой махали руками, предлагая подвезти. На ходу они подхватили нас и втянули за руки. Ехала горная кавалерийская часть.

Мы увидели лошадей. Белозубые, чернобровые, усатые люди в бурках хлопали в ладоши. Кто-то играл на маленькой гармошке. И я, укутанная в платок, в валенках пустилась в пляс. Окончилась война. Много бед принесла она и нашей семье, а о подвигах моих родственников писали во фронтовых газетах.

Под Москвой стоит обелиск на могиле летчика Владимира Климовского – моего дяди. Поэтому День Победы для меня не только праздник. Память бережно хранит 9 мая 1945 года. Папа, молодой красивый, в военной форме (после парада) и такой счастливый! Он подхватывает меня на руки, кружится со мной и мамой. Тащит нас на улицу смотреть салют. Наша деревня стояла на высоком берегу реки Клязьмы.

За горизонтом Москва, и вдали бесконечно вспыхивало разноцветное зарево. Мама плакала от радости, и у папы на глаза, наворачивались слезы.

Не расстанусь с морем

Владимир Иванович МОИСЕЕВ

Осень сорок первого года. Кронштадт, где прошло мое детство и юность, бомбили жестоко.

В то время я с братом и мамой жил в доме номер тридцать девять по проспекту Ленина. Все знали этот дом. В нем размещался клуб морского завода.

Наша квартира выходила на две стороны. В окна, которые глядели на юг, мы наблюдали за кораблями. Они приходили на большой Кронштадтский рейд из боевых походов.

Из окон на север просматривался берег: Териоки (Зеленогорск) и гора. За ними Куоккала, нынешнее Репино, где дом-музей художника.

У нас, ребят из дома тридцать девять, общий наблюдательный пункт – крыша. Отсюда видны гавань, Усть-Рогатка, возле которой швартовались крупные корабли. Но мы выходили на этот пост не только ради любопытства. Немцы сбрасывали на наш город тысячи зажигательных бомб, «зажигалок», как их тогда называли. Дети лезли

на крышу спасать свой дом от огня. Правда взрослые гнали нас оттуда, боялись, что заденет осколком.

Но особенно я вспоминаю 23 сентября 1941 года. По-моему, это самый тяжелый день. Мы уже несколько часов сидели в бомбоубежище. Воздушная тревога все не кончалась. Где-то наверху грохотали взрывы и вы стрелы... А мы вынуждены бездействовать.

Вдруг земля страшно содрогнулась. С потолка посыпалась штукатурка, и в дальнейшем углу заплакал ребенок.

– Никак в наш дом!

После отбоя воздушной тревоги мы узнали: фашисты разбомбили линейный корабль «Марат».

Нам не хотелось в это верить. И мы тут же побежали в Петровский парк. Картина жуткая. Наш любимый «Марат» стоял у Усть-Рогатки без носовой башни и фокмачты, без трубы. Мы, мальчишки, плакали навзрыд. А в марте 1942-го я поступил

Память сердца

работать в цех, в котором ремонтировали торпедное оружие с надводных кораблей и с подводных лодок. В основном трудились мальчишки, еще не получившие паспорта. В цехе было холодно. Мы грелись по очереди у маленькой жаровни. Так шли дни и недели. Пришла весна, а за ней лето.

В ноябре 1942 года прошел слух о наборе добровольцев-юнг. Несколько наших ребят ушло по этому набору. Я тоже решил попытать счастья. И о чудо! Меня взяли!

1 мая 1942-го я принял военную присягу. Ребят 1924 года рождения расписали по кораблям. А нас оставили в школе юнг. Но на корабли мы все-таки попали. На практику, на канонерскую лодку «Москва».

Наконец, учеба закончена, и мне присвоили звание старшего матроса.

После сборов мы разошлись по своим школам. Меня назначили помощником командира взвода. А когда начались занятия – инструктором по сигнальному делу к рулевым.

Прошло совсем немного времени. Курсанты закончили учебу, сдали экзамены и были расписаны по кораблям. Вместе с ними и я ушел на канонерскую лодку «Кама». На ней прослужил до окончания Великой Отечественной войны, принимал участие в боевых операциях. После Победы была сформирована бригада, которая плавала на тральщиках. Мы очищали от мин воды Балтики.

В марте 1950 года я ушел в запас. Работал в Ленинградском морском торговом порту. Был рядовым стрелком в охране, докером, стивидором. И все время учился. Закончил семилетку. Поступил в Ленинградское речное училище и с отличием его окончил. Меня назначили старшим диспетчером порта второго района. Дослужился до начальника 1-го участка в том же втором районе. Это терминал. Здесь обрабатывались судаконтейнеровозы.

Тот, кто вырос в Кронштадте, знает: с морем не расстаются!

В. Моисеев в верхнем ряду первый слева.

В восемь на Поцелуевом мосту

Владимир Аркадьевич НЕЖЕНКОВ

Этот снимок, по словам Владимира Аркадьевича, сделан «для солидности». Такую фотографию Владимир в качестве розыгрыша отправил домой.

Флотом Володя восхищался с детства. Совсем мальчишкой пришел в Ленинградский яхт-клуб. А к шестнадцати годам уже был боцманом крейсерской яхты.

Экипаж ушел в рейс в субботнюю ночь. Вернувшись в воскресенье утром, мальчишки узнали: началась война.

Команда долго и возбужденно обсуждала это страшное известие. Случившееся не испугало ребят, а скорее укрепило их боевой дух.

– Мы, мальчишки, все тогда хотели стать героями, – вспоминает Владимир Аркадьевич.

События развивались стремительно быстро, и в июле мальчишек отправили на Лужский рубеж. А в сентябре сомкнулось блокадное кольцо...

Володе было только шестнадцать, на фронт его не взяли. Как и все его сверстни-

ки, дежурил на крышах домов. Вывозил трупы с Кондратьевского проспекта. Устроился работать на завод «Арсенал», был слесарем-электриком на сборке пушек.

В череде изматывающих осадных будней судьбоносной оказалась одна встреча. Блокадной зимой Владимир неожиданно увидел на улице капитана из яхт-клуба. Человека из прошлой, мирной, беззаботной мальчишеской жизни!

– Живой! – обрадовался капитан. – На флот хочешь? Вот что, жду тебя утром в восемь на Поцелуевом мосту!

Ребят собрали в казармы морского экипажа. Провели первичный медосмотр и беседу. Потом перебросили в город Иваново, где будущих матросиков поселили на фабрике Балашова. Провели повторный медицинский осмотр и начали учить морскому делу.

Потом последовала переброска на Русский остров.

Память сердца

А спустя некоторое время Владимира отправили под Курск, и он начал работать радистом.

Когда опыта и знаний стало больше, захотелось получить еще одну специальность – переквалифицировался в гидроакустика. Впереди его ждали Курильские острова, Дальний восток...

За долгие годы, отданные флоту, Владимир Неженков награжден медалью адмирала Нахимова. В названии этой награды – слава и гордость России. Очень высоко она почитается среди тех, кто служит Родине и флоту.

Екатерина Мельникова

В рубке гидроакустики.

С моряками своего корабля.

На капитанском мостике.

На боевой морской службе

Павел Сергеевич ПОДКАПАЕВ

Обстановка на Дальнем Востоке в период войны с фашистской Германией была тревожной и непредсказуемой. Возникали локальные стычки из-за нарушения японскими военными кораблями и самолетами территориальных вод и воздушного пространства нашей страны. Японские милитаристы выжидали удобный момент для нападения на Советский Союз.

Вот в таких условиях мне и моим однопольчанам приходилось проводить противодесантную оборону, охранять рубежи Родины. Сложность этих задач заключалась в том, что сравнительно небольшие силы нашего Тихоокеанского флота должны были обеспечить оборону рубежей на протяжении двух тысяч миль (3 600 километров). Необходимо была тщательно разработанная система обороны дальневосточных границ страны и особая бдительность при выполнении боевых заданий.

Учитывая происходящие события на Дальне-Восточном фронте, И.В. Сталин от-

дал приказ наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову тщательно проверить готовность к отражению возможной агрессии японцев. В результате были приняты дополнительные меры, повышена боеготовность. Перешли к позиционной службе на море, привлекли лучшие подводные корабли.

Лодка, на которой довелось служить мне – «Щ-135», была одной из передовых в соединении тихоокеанских подводных сил.

21 августа 1942 года лодка вышла в Японское море. Нашей задачей было следить за продвижением иностранных кораблей, полетом самолетов, информировать о ситуации в нашем родном районе командование флота.

Лодка погрузилась на глубину, позволяющую производить зарядку аккумуляторной батареи. С 20-25-метрового погружения лодка периодически всплывала, чтобы прослушать эфир и осмотреть поверхность. По шумам водной среды гидроакустическая служба определяла скорость и направление движения судов. А условия, в которых осуществлялись эти ответственные задачи, соответствовали и военному времени, и всем тяготам нелегкой флотской службы.

Обходы состава и отсеков показывали, что матросы измождены. Нужно поднять боевой дух ребятам! Как военком я понимал: продумать систему жизнеобеспечения и воспитания матросов и старшин – моя задача!

Работу и движение личного состава решено было сократить до минимума. После напряженного труда подводники с радостью и облегчением слышали долгожданный приказ «Продуть балласт!», и лодка наполнялась шипящими звуками... Радист использовал такие моменты для приема сообщений Совинформбюро. Помню, как весь личный состав с тревогой следил за начавшейся под Сталинградом битвой.

А морская стихия все время преподносила свои сюрпризы.

Однажды, когда в Японском море бушевал шторм, наша лодка всплыла: нужно было зарядить батареи. На нас обрушилась жуткая волна, которая дошла до капитанского мостика. Шестой отсек залило водой. Началась резкая килевая и бортовая качка. Лодка наполнилась влажным горячим воздухом.

За этим эпизодом последовал другой, он тоже произошел во время шторма. Из-за падения уровня масла в цистерне произошел отказ гидро-системы и перестал переключаться руль глубины. Работать в море могут только самоотверженные люди. Команда под руководством инженера-механика С. Родюкова действовала четко и слаженно и повреждение устранила. И корабль вновь мог погружаться и всплывать!

А 9 сентября 1942 года произошел еще один поучительный случай. Командир лод-

ки А. Котрехов в перископную трубу обнаружил отряд неизвестных кораблей, они следовали кильватерным строем к советским берегам. Была объявлена боевая тревога и срочное погружение. Однако при повторном осмотре горизонта было установлено: на поверхности моря просматриваются не силуэты японских кораблей, а кучевые облака сложной причудливой формы. На центральном посту и в отсеках вздохнули с облегчением!

Позже, вспоминая эту историю, – а произошла она в самом конце плавания, которое длилось более двадцати суток, – командиры и матросы оценили ее как поучительный пример: да, в боевых условиях надо быть предельно внимательным!

В целом же командование флота дало высокую оценку нашей боевой службе. Отряд подводных лодок основную задачу похода выполнил!

В разгроме милитаристской Японии во второй мировой войне вклад моряков-подводников Тихоокеанского флота был значительным. Рассматривался он как составная часть общей победы.

Сегодня, отмечая 100-летие подводных сил России, наблюдая, как возрастает их мощь в связи с техническим обновлением, мы вспоминаем героические страницы прошлого и радуемся, что внесли в них свою лепту.

Молодежь, которая сегодня несет службу на морских рубежах Родины, должна знать славную историю нашего флота. На этой основе и формируется верность Отечеству, патриотическое сознание – от уважения к государственной символике до безусловного выполнения гражданского долга.

Военная профессия Тамары Охупкиной

Тамара Михайловна ОХУПКИНА (АКСЕНОВА)

Когда Тамара Михайловна рассказывает о войне, слушаешь – не оторваться или, как часто говорят про ораторов, зал держит. Это и не удивительно: ведь Тамара Михайловна по специальности учитель истории, педагог по призванию.

Преподавала в школе, читала лекции в Калининградском университете, активно занимаясь общественной работой, организовывала и проводила встречи школьников и студентов с ветеранами.

Но есть у историка Охупкиной еще одна специальность, а осваивала она ее в далеком 42-ом.

ДЕВУШКА С ХАРАКТЕРОМ

Тамарочка Аксенова, настойчивая и старательная ученица, блестяще заканчивает школу. Как отличницу, ее без экзаменов принимают в Ленинградский Первый медицинский институт.

Счастливая студентка возвращается домой в Хвойное под Москвой, до начала

учебного года почти три месяца. Есть время собраться с мыслями и помечтать о грядущей работе. Ах как хочется поскорее стать доктором! Томочка – внимательная к людям и крайне решительная девушка. Родные уверены: с таким характером у нее все получится, станет хорошим специалистом, замечательным доктором.

Но война нарушила все планы.

К медицинской работе пришлось приступить сразу в деле, минуя теоретическую часть. Рядом с домом развернули госпиталь. И с самых первых дней войны в него поступали раненые прямо с фронта. Большинство бойцов имели тяжелые ранения, за такими больными Тамара ухаживала, не страшась самой грязной работы. Но такой уж у Аксеновой характер, никак не могла она оставаться в тылу: ведь многие молодые люди и девушки сражаются на фронте. И твердо решила, что там от нее пользы будет больше!

Тамара пошла в военкомат, но ей отказали, в добровольцы девушку не записали.

За первым визитом в военкомат последовал еще один и еще... И вот наконец в 1942 году ее отправили на метеостанцию как вольнонаемную. В это время формировался батальон аэродромного обслуживания – 843 БАО. Были нужны метеонаблюдатели. Девушку снабдили книгами по специальности. Необходимо в короткие сроки научиться принимать и наносить на карту данные метеосводок.

А зимой 1942 года Тамара Аксенова отправилась на фронт в составе 843 БАО.

НАЗЛО ВРАГАМ

“Шифры меняли два раза в неделю, чтобы фашисты не могли разгадать наши прогнозы”, – вспоминает Тамара Михайловна. А я слушаю ее рассказ и думаю, какие уникальные девушки были в их батальоне! Мужественные и сильные. Фашисты не только прогнозы разгадать не могли, но и оценить всю силу патриотизма были не в силах!

Батальон шел впереди боевых летных полков. А на местах базирования чем только не приходилось заниматься. Девушки роют землянки, помогают маскировать аэродромы, расчищают снег... Ведь от того, насколько слаженно и четко отработает батальон, зависит судьба летчиков.

После передачи прогнозов дежурный метеоролог всегда волнуется: его работа – это основа, по которой в штабе полка готовят боевые действия. И вот оно, долгожданное

известие! Летчики вернулись – задание выполнено успешно.

Незабываемое воспоминание для Тамары Михайловны – прорыв блокады. Погода была нелетная. Как справились, сейчас

представить невозможно. Назло врагам и ветрам все равно самолеты поднимались в небо! О фронтовых дорогах 843 батальона аэродромного обслуживания у историка Охапкиной собран огромный материал. Можно проследить на карте все пути следования батальона.

Вместе со своим батальоном капитан Аксенова прошла сотни километров военных дорог. Сражалась в Прибалтике, видела разрушенные немецкие города. Однажды аэродром базировался в маленькой деревеньке где-то под Псковом. Перед глазами до сих пор встает

жуткая картина: сожженные дома, сторевшая школа, куда фашисты согнали всех жителей. Из всех чудом уцелела одна старушка, она плакала от счастья, когда увидела своих, советских солдат.

Батальон Аксеновой встречался и переписывался все послевоенные годы. Этот материал уникален фотографиями с мест базирования батальона.

Военный в длинной серой шинели, с аккуратно подобранными в прическу волосами, задорно улыбается – это метеоролог Аксенова, лейтенант.

Сразу видно – девушка с характером!

Екатерина Мельникова

На фронтовой дороге.

Главное, чтобы взяли на фронт

Леонид Силантьевич РАХАЛОВ

Героя моего рассказа, Леонида Силантьевича Рахалова, читатели еще не раз встретят на страницах этого сборника. Не как участника военных событий, а как автора публикации о своих товарищах, о фронтовиках...

Безоблачное кронштадтское детство рано кончилось: репрессии близких родственников, переезды из города в город. Не сумев вынести всего этого, отец оставил семью. Мама одна растила и воспитывала сына. В ноябре 1940 года семья переехали в Таллинн, где мама снова вышла замуж. Отчим, офицер, служил на флоте. Юноша сразу поступил на работу, естественно в морскую организацию.

Однажды ночью Леонид проснулся от страшного грохота. Он поспешно оделся и выбежал на улицу. Там уже собралось довольно много народа. Бомбили склады. От одного к другому, от человека к человеку, по цепочке страшное известие: война! Полной неожиданностью оно не стало, войну ждали. Не думали только, что так скоро.

Сразу началась эвакуация: заводы, фабрики, офицерский состав... Уехали и мама с отчимом. Леонид остался работать.

Но в июле он тоже отправился в эвакуацию со своей организацией. Так Леня оказался в Ленинграде, вокруг которого уже начало смыкаться кольцо блокады. По пути следования в районе Нарвы автоколонна подверглась нападению воздушного десанта противника. В упорной схватке его удалось ликвидировать, а Леонид принял первое боевое крещение.

Жизнь в Ленинграде к тому времени становилась все тяжелее. Не желая оставаться в стороне, 31 июля 1941 года юноша отправился в военкомат. Мечтал стать моряком или танкистом. Главное, чтобы взяли на фронт. А ведь у него астигматизм: могут и не допустить к службе!

В призывном пункте стояла очередь. С одним из мальчишек Леонид договорился, чтобы при медосмотре тот подменил его у окулиста. Но этого не потребовалось.

Память сердца

Вошел в кабинет назвал, свою фамилию...

За столом сидело несколько человек.

– Ваш военный билет, – попросил один из них.

– Потерял.

– Здоровы?

– Здоров.

– Ну, тогда приходите в понедельник с вещами.

Леонид Рахалов стал пехотинцем. Прошел всю войну в составе действующей Армии.

Рассказывать о своих военных заслугах Рахалов не любит. И не потому, что много страшного и тяжелого связано с ней. Считает: таких, как он, ветеранов, много, и несправедливым выделить его судьбу, как исключительную.

В совете ветеранов, где трудится Леонид Силантьевич, вот уже двенадцать лет его по праву называют неутомимым.

Привлекает фронтовиков к общественной работе, «отрывая их от одиночества». Активно сотрудничает с газетами. Более 300 публикаций, 3 книги стихов, и все это, несмотря на то, что никакого специального литературного образования у автора нет. А

писать он начал уже на пенсии. Этот удивительно сильный человек заражает своим неиссякаемым оптимизмом, поражает масштабами кипучей деятельности.

Антонина Бойкова

Гвардии младший сержант

Юрий Борисович МЕРЗЛЮТИН

Стояла прекрасная летняя погода. Настроение приподнятое. Юрий Борисович, а тогда просто Юра, уже строил планы на предстоящие каникулы. Ведь оставалось сдать всего два экзамена за третий курс в Ленинградском электротехническом институте (теперь Петербургский электротехнический университет).

Но планам не удалось сбыться.

22 июня он услышал по радио, что немцы перешли границу нашей Родины. Началась Великая Отечественная война. Об экзаменах пришлось позабыть. И уже через три дня Юрий трудился в районе Лемболовских озер на строительстве оборонительных сооружений.

А 3 июля в Лемболово приехал заместитель секретаря комитета комсомола института и сообщил, что началась запись в армию народного ополчения. И Мерзлютин, не задумываясь, вступил в нее.

– Нас никто не гнал палками в армию. Но многие мои сокурсники ушли на фронт, – вспоминает Юрий Борисович.

Нелегко был путь солдата. Где только ни приходилось сражаться. До сих пор в памяти бои на знаменитом Ораниенбаумском плацдарме в окружении немцев, где он воевал вместе с товарищами в составе зенитно-артиллерийского дивизиона.

В конце осени их перебросили под Шлиссельбург. Бойцы были ослаблены. Ведь в день получали всего 150 г хлеба, 75 г сухарей и один раз в два-три дня баланду. Но они держались изо всех сил. Знали, что всем сейчас нелегко.

Шел 1942-й год – самое тяжелое время. Ленинград находился в кольце блокады. Вскоре Юрий вместе со своими однополча-

нами был передислоцирован через Ладогу в Кобону.

В 1942 году подразделение, в котором служил Юрий Борисович, было выведено из 80-й стрелковой дивизии и вошло в 216-й дивизион, вскоре переименованный в зенитно-артиллерийский.

А уже в 1943 году дивизион стал гвардейским и принимал участие в снятии блокады Ленинграда.

Дальше шли бои на Вуоксе, под Кингисеппом, Нарвой, Тарту. Кем только ни был Юрий Борисович: электромехаником, командиром расчета... Завершил службу в звании младшего сержанта и в октябре 1945 года демобилизовался.

Казалось, что все невзгоды позади. Но не тут-то было! В Ленинграде, в доме, где он жил до войны, ему сообщили, что его мать умерла, а сам он числится погибшим. Пришлось обращаться к прокурору и доказывать свое право на жизнь.

– Я изложил все на бумаге и рассказал о том, как защищал Родину. И справедливость восторжествовала!

– Но когда переступил порог квартиры, то увидел жалкое зрелище. Единственное, что оставили грабители, – диван, рояль и трюмо, – вспоминает ветеран.

Но, несмотря на это, сердце переполнялось радостью. Ведь он жив! Над ним мирное небо. Можно наконец-то закончить учебу в институте. Сдал те самые два экзамена и восстановился на четвертый курс ЛЭТИ. В 1948 году завершил учебу и остался работать преподавателем. Сам для себя он считает: главное в жизни – это исполнить свой долг перед Родиной.

Леонид Рахалов

На пороге славного юбилея

Василий Васильевич ПРЕСНОВ

Василий Васильевич родом из крестьян. С восьми лет пас коров, зарабатывая на кусок хлеба. Ведь семья была большая – 9 человек. И все хотели есть. От голода умерли братья.

Отец, Василий Иванович, работал зеркалащиком в городе. Но трудиться в полную силу он не мог, давало о себе знать ранение. А вскоре, в 1919 году, отца не стало.

Надо было выживать. Где только ни приходилось в ту пору работать Василию Васильевичу, пока в 1937 году он не поступил на Ижорский завод. Там закончил кадровые курсы и стал токарем по металлу.

В конце 1937-го Преснова взяли в армию. Служил в войсках НКВД на границе с Польшей. Потом его перебросили в Карпаты, на границу с Венгрией. В 1940-м он вошел в Дзержинский погранотряд.

Великая Отечественная война застала Василия Васильевича в Белоруссии. Под Минском был контужен и ранен в правый бок. Вот тогда-то он и попал в плен и ока-

зался в лагере под Мюнхеном. Здесь приходилось выполнять самые грязные работы. Жили под открытым небом и маленькую буханочку хлеба делили на 5 человек.

Работали на аэродроме, в составе команды из четырехсот военнопленных. Норма: выкопать канаву 2 м длиной, 80 см шириной и 2 м глубиной. Не выполнишь – останешься в канаве. Зимой аэродром расчищали от снега. О побеге даже и не думали, ведь на ногах были тяжелые колодки.

Освобождение пришло только в конце войны. Союзные войска переправили пленных на русскую сторону. А потом два месяца держали за колючей проволокой. Когда завершилась проверка, отпустили на Родину.

Вернувшись в Ленинград, работал токарем на Ижорском заводе. В дальнейшем выучился на ма-

шиниста железнодорожного крана. Трудился машинистом в порту на плавучем кране, затем на ЛМЗ. Сейчас Василий Васильевич приближается к столетнему юбилею.

Леонид Рахалов

Авиация — судьба его

Михаил Аникеевич РОМАНЮК

Поступив в двадцатые годы в ленинградскую школу летчиков, Михаил Аникеевич остался верен авиации в военные послевоенные годы.

В самом начале войны была сформирована транспортно-разведывательная эскадрилья. Вместе с фронтом двигалась на запад. Занималась переброской стратегически важной продукции с Украины в Москву, перегоняли боевые самолеты из Иркутска в Крым. Позже была сформирована 17-ая воздушная армия. Она известна тем, что участвовала в боях от Сталинграда до Вены. В ней и довелось воевать Михаилу Аникеевичу.

Всю войну смелый авиатор на транспортных самолетах доставлял на фронт продовольствие, боеприпасы, письма. Перенес два ранения.

— Повезло, — считает пилот, — По какой-то счастливой случайности я оставался цел. Ведь наши полеты сопровождались постоянными обстрелами немцев. Часто летящий рядом самолет подбивали, летчик оказывал-

ся смертельно ранен, а я волей судьбы - невредим. Погибали друзья. А я должен был продолжать путь. Ведь там люди, которые ждут. Для них долечу я или нет — вопрос жизни и смерти. Мысль об этом помогала пройти сквозь вражеский огонь, переборов страх. Всем доставалось вдоволь, и жалеть себя не приходилось.

Тогда Михаил, пролетая километры, не думал, что в 1946 получит почетный знак «За безаварийный полет 1000000 км».

Конечно, это не единственная награда летчика. Орден Красной Звезды, Орден Ле-

1942 год. Романюк Миша с товарищами.

Память сердца

нина. Весной 1945 года награжден медалью «За взятие Будапешта», медалью «За Победу над Германией».

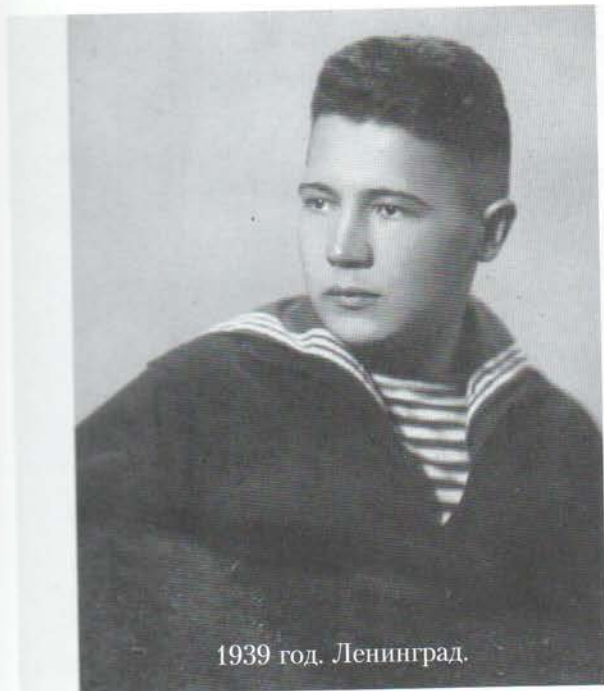
Конечно, это не единственная награда летчика. Орден Красной Звезды, орден Ленина и множество медалей... Из всех этих наград для человека, преданного небу, знак «За безаварийный полет 1000000 км» – самый дорогой. Позже медаль была передана в музей гражданской авиации при Академии.

Мирное время не уменьшило пристрастия к полетам. Даже когда возраст вынудил покинуть службу, Михаил Аникеевич не смог расстаться с авиацией и стал работать в Академии гражданской авиации на кафедре аэродинамики и конструкции летательных аппаратов.

Марина Акатова

Владимир Ефимович СМИРНОВ

1939 год. Ленинград.

Не думал, не гадал я, что стану подводником. 17-летним пареньком приехал из Костромской области в Москву, к брату, работающему на военном заводе в Мытищах. Выучился на слесаря. Там же, при заводе, и жить стал, как многие рабочие, в бараках. А через два года, в 38-ом, меня призвали в армию. Сразу же попал на флот, в ленинградский учебный отряд подплава. Уже мотористом был направлен на подлодку «М-73», участвовал в Финской кампании на Балтике: корабль доставлял боеприпасы, десант, поддерживал наших огнем зенитной установки.

Начало Великой Отечественной я встретил на новейшей по тем временам подлодке «С-15» в должности командира отделения мотористов. Нашу лодку нужно было еще доводить до кондиции, около года мы на Каспийском море проверяли все системы и механизмы. Хотя на Каспии не шли бои, но и там было тревожно. Особенно беспокоили налеты вражеской авиации, которые

прекратились только после победы наших войск в Сталинграде.

И вот «С-15» после длительного перехода на базе «Полярная» в Баренцевом море. И начались непрерывные походы: разведка, высадки десантов на побережье Норвегии.

Мне особенно памятно 25 мая 1944 года, когда наша субмарина маневрировала в районе мыса Нордик. И вдруг уже поздним вечером радист доложил командиру корабля капитан-лейтенанту Васильеву, что от самолета разведчика получена радиограмма о движении крупного вражеского конвоя. Пять транспортов, шесть сторожевиков, четыре тральщика и целых десять сторожевых катеров. В другой радиограмме – приказ комбрига атаковать противника.

Расчетное время и место встречи с врагом – мыс Харбакен. Это далеко, а противника надо обогнать. На полную мощь заработали дизели.

1955 год. Владивосток. С женой Надеждой, сыном Виталием и дочкой Таней.

От этого в отсеке образовался почти вакуум, дышать от жары было не в состоянии. Но мы знали, что теперь все зависит от нас, мотористов.

Пять часов полным ходом «С-15» шла в надводном положении. В 20 милях от берега погрузилась и, держа скорость в три узла, пошла через заминтованное пространство.

У подводников сжималось сердце от скребущих по корпусу лодки минрепов.

Наконец мины позади. Всплыли – и в перископ увидели мачты кораблей. Командир объявил торпедную атаку. Траверсное расстояние до колонны – 20-25 кабельтовых.

Легли на контркурс и поднырнули под корабли охранения. Над головой – шум их винтов. Снова на пять-шесть секунд подняли перископ. Этого было достаточно, чтобы рассчитать точный удар.

Из четырех выпущенных торпед три попали в огромный транспорт «Сюльвикен». Нужно было всплыть на перископную глубину, чтобы узнать результат атаки. Только подняли перископ, как увидели рядом два сторожевика. Прозвучала команда: «Срочное погружение!». Но удача отворачивалась от нас: вышло из строя электрическое управление горизонтальными рулями. И пока переходили на ручное, создался дифферент тридцать градусов на корму. Вздернутый нос нашей субмарины показался на поверхности. Фашисты немедленно открыли по нам огонь. А один из вражеских сторожевиков пошел на таран. И только четкая слаженная работа трюмной команды спасла лодку в той ситуации. В считанные минуты «С-15» ушла на глубину 40 метров. Посыпались глубинные бомбы, но лодка погружалась, пока не легла на грунт. Глубина – 113 метров. Бомбы рвались непрерывно.

Сентябрь 1954 года. Владивостокский порт. Н. Хрушев, Н. Буганин и Н. Кузнецов осматривают новые подлодки, совершившие переход по Северному пути.

Мы насчитали около ста взрывов, пока противник не решил, что с нами покончено. От взрывов разошлась часть сваренных швов, повывлетали заклепки, и несколько тонн солярки вылилось в море. Но мы, лежащие на огромной глубине, в полутьме, были живы и не собирались сдаваться, хотя у многих глаза затуманили слезы. Вспоминали детство, своих самых близких, мучили дурные мысли.

...Пять часов прошло после атаки. Казалось, судьба снизошла к нам. Отремонтировали гирокомпас и горизонтальные рули, восстановили нормальное освещение. И всплыли. Шестьдесят два серьезных повреждения корабль получил в этом бою.

Когда вернулись, отсалютовали о победе. На пирсе нас встречал сам командующий флотом адмирал Головкин. Он поздравил всех со вторым рождением. Весь экипаж субмарины был представлен к наградам. Мне вручили орден Отечественной войны I степени.

Сто глубинных бомб – сто смертей – прошли мимо.

Жизнь прожить - не поле перейти

Александр Федорович СОЛОВЕЙ

В народе говорят: чтобы понять жизнь не обязательно долго прожить, достаточно перестрадать. На пороге своего 80-летия Александр Федорович Соловей может смело сказать, что он познал и первое, и второе.

В 1933 году пережил страшную голодовку на Украине.

Не понаслышке узнал, что такое война. В свои восемнадцать лет уже был разведчиком двести двадцатого саперного батальона Третьего Белорусского фронта. Почти каждую ночь выходил на задания добывать ценные сведения о расположении противника, взрывать огнеметные точки врага, а порой и брать языка. Главное в этом не только захватить пленного, но и сделать это бесшумно и незаметно.

— При масштабных операциях нам на подмогу разрешали привлекать штрафников. Они с удовольствием соглашались. Ведь даже за незначительное ранение их амнистировали, независимо от тяжести преступления.

А война, как ни назови, она война и есть: штурмы, атаки и неизбежные потери. Стреляют, подрываются на фугасках. В одной из очередных операций, под Кенигсбергом, в январе 1945 года Александр Федорович получил четыре сквозных ранения в ноги, два из них тяжелые. Его фронтовая жизнь на этом закончилась.

Соловей оказался на больничной койке. Медики боролись за его жизнь и срочно должны были приступить к переливанию крови, но нужной группы в запасе не оказалось. Пришли к выводу, что организм молодой, должен выдержать. Что и произошло.

— Я проспал больше полумесяца. Будили только на перевязки, завтрак, обед и ужин.

А.Ф. Соловей пролежал в госпитале до осени 1945 года. День Победы ему пришлось встречать на больничной койке.

Но такой уж у Соловья характер. Едва оправившись, продолжит свою службу в военно-восстановительном управлении Министерства обороны. Успехи Александра

Память сердца

Федоровича, тогда просто Александра, по службе и верность солдатскому делу заметил командир части подполковник Селявин. И отправил учиться молодого солдата. Ведь наступило мирное время, и нужно было наверстывать отнятые войной годы, пришлось много учиться и работать.

1962 г. На курсах переподготовки в полку правительственной связи.

Три года учебы в вечерней школе и шесть лет в институте дались нелегко. При росте 180 см он весил всего 60 кг. Но пережитые трудности только закалили характер. Научили выделять главное.

Соловей много и плодотворно трудился. Начинал техником на радиопункте в Ольгино. После окончания института работал инструктором, а потом заместителем заведующего промышленным отделом Выборгского райкома. В октябре 1963 года его утвердили инструктором отдела оборонной промышленности Ленинградского обкома КПСС.

А в 1967 году он возглавил Управление проектно-монтажных работ.

И где бы Александр Федорович ни трудился (брал самые отстающие коллективы), предприятия возрождались и выходили в передовики. Так было и с предприятием «Орион», и с Северным головным монтажным технологическим предприятием. Подполковник Селявин, безусловно, мог бы гор-

диться своим солдатом, который пришел в часть молодым человеком в тяжелое послевоенное время и стал крупным специалистом, кандидатом технических наук, доцентом созданной им кафедры.

Сейчас Александр Федорович Соловей возглавляет Совет ветеранов МО. Пользуется большим авторитетом у таких же как и он фронтовиков.

Над нами мирное небо, но та военная пора нет-нет, да и приходит ему во сне, возвращает его на передовую. И традиционно, накануне праздника Великой Октябрьской революции, пьет фронтовые сто грамм за Победу, в которую и он вложил немало сил, храбро сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны.

Самые дорогие награды: Орден Отечественной войны 1 степени, Орден Славы 3 степени, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Белоруси». Отличился он и в послевоенное

время. Два ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской революции. А еще он Почетный радист СССР.

Его внуки могут по праву гордиться своим дедом. А деду подсказывает интуиция, что из парней вырастут настоящие мужчины, достойные защитники Отечества.

Анна Хазова

Год призыва — 1941

Николай Емельянович СИДОРЕНКО

1941 год для Николая Сидоренко стал призывным.

– Буквально вчера закончилась война с финнами, и опять вокруг все стали говорить о войне. По ходу событий в Европе мы чувствовали, что совсем скоро она дойдет и до нас. Мы знали, что это неизбежно. От этого становилось страшно.

Ждать долго не пришлось. Николай в то время был призывником. Будущим защитникам Отечества приходилось сдавать на «Ворошиловский значок» и, несмотря ни на что, зимой проходить за указанное время на лыжах 10 километров. Энтузиазму ребят можно было только позавидовать.

– Помню первый вражеский самолет. Он пролетел настолько низко, что я хорошо рассмотрел огромный черный крест на корпусе. На головы горожан посыпались листовки. На нас грозились сбросить бомбы, если мы не прекратим рыть противотанковые рвы. Об этом не могло быть и речи! И мы ни на минуту не приостанавливали ра-

боты: ведь враг был совсем близко. В своих воспоминаниях ветеран отмечает неуловимость немецких ракетчиков, которые подавали самолетам сигналы. Они обозначали места предстоящей бомбежки.

– Мы, как заметим откуда ракету пустили, сразу мигом туда, а их и след простыл.

Николай с приятелем ходили в военкомат и просили, чтобы их взяли на фронт добровольцами.

– Не спешите, ребята, и ваша очередь придет, – отвечали им и советовали поберечь силы.

Совсем скоро пришла повестка. Призывников собрали у военкомата, и тогда будущий солдат подумал: интересно, конечно, люди устроены, война идет, а они на гармонии играют и танцуют, прощаясь с призывниками.

Уже в поезде ребята сидели и старались угадать, куда их везут, а солдат Сидоренко встал и громко заявил:

– На войну! – в воздухе повисла пауза.

Но тогда их поезд не доехал до фронта. Немцы преградили путь, и состав вернулся обратно в Чернигов. А вскоре пришел еще один приказ.

– Нас отправили в Полтаву, в роту танкистов, которая занималась передвижением тяжелой техники. Во время бомбежек мы прятались в церкви, но, казалось, для немцев нет ничего святого.

В первый бой было не по себе, как говорится, не обстреляны, пороху не нюхали. Врага встретили огнем, слева – «Максим», справа – ручной пулемет и миномет, и мы с винтовками. Атака немцев тогда была остановлена, и это приободрило солдат. Но разведка доложила: немцы пошли в обход.

Нас повели на другой рубеж. Повсюду затишье, как перед грозой. Вдруг стрельба и взрывы справа.

– Там тоже наши, – подумал Николай. А потом опять тишина. Лейтенант отправил меня на правый фланг, где только что стреляли, разведать обстановку. Когда подошел, то увидел пустые окопы и несколько трупов. Я с тревогой огляделся вокруг и пошел обратно. Теперь стрельба доносилась оттуда, где стояли мы.

Когда Николай Емельянович вернулся, никого не было. Его охватил страх... Он очутился один в тылу врага. Встретив по пути раненого солдата, дошел с ним до хутора. Остановились на ночлег. А утром в дом постучались немцы. Николай Емельянович попал в плен. Но ему удалось бежать.

За время войны Сидоренко был трижды ранен и воевал на нескольких фронтах. Первое ранение он получил в боях за Днепр. В апреле 1944 Николая Емельяновича отправили на Ленинградский фронт, под Пулков. Окончив школу младших командиров,

стал сержантом. Сразу был назначен помощником командира взвода. А после гибели командира и сам стал выполнять его обязанности.

Потом шли бои за Прибалтику, где он опять был ранен и едва не лишился жизни. После очередного боя солдаты хоронили своих товарищей и уже стали закапывать яму, как вдруг заметили, что кто-то шевелится. Вытащили бойца. Им оказался сержант Сидоренко. Чуть не погребенный заживо, Николай Емельянович был отправлен в госпиталь в Тарту. Мать получила похоронку: «Ваш сын, сержант Сидоренко Н.Е. проявил героизм и мужество. Был убит в Латвийской ССР и похоронен в 50 метрах от деревни Заболотный».

А сын ее, Коля, в это время уже снова был на фронте. На сей раз, сражался с Курляндской группировкой. Здесь он стал командиром роты.

Марина Акатова

Под Таллином встретил Победу

Вацлав Болеславович САВИЦКИЙ

Участник Великой Отечественной войны. Призван в армию 6 августа 1941 года.

Воевал на Ленинградском фронте, под Лугой, в Тихвине, охранял Дорогу жизни.

Зимой 41-го с обморожением ног поступил в госпиталь в городе Череповец. Пролежал три долгих месяца.

В марте 42-го направлен в строевую часть города Череповца.

Войну заканчивал в Эстонии, где строил военный аэродром. Там же под Таллином встретил победу.

В декабре 1946 года демобилизовался.

За труд в Великой Отечественной войне Вацлав Болеславович награжден «Орденом Отечественной войны», «Знаком Почета» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945».

Вера Ивановна СТЕПАНОВА

Уже в самом начале войны фашисты появились на территории Пскова. Веру забрали из родной деревни Бадаево в лагерь к немцам, копать окопы и траншеи.

Лагерь надежно охранялся солдатами с автоматами и овчарками.

– Нас не били, не издевались над нами, но им было все равно, живы мы или нет.

Однажды привезли новых пленных. Те так смеялись и пели песни, что охранникам стало интересно, и они пошли посмотреть на весельчаков. В этот момент мне и еще двум

девчонкам удалось пролезть под колючей проволокой и бежать, куда глаза глядят. Но нас почуяли собаки и подняли лай. Охрана стала стрелять в темноту.

Пробирались по болотам, сквозь ночной лес. Останавливались, прислушивались, нет ли погони, Тихо. Двигались дальше. Шли довольно долго.

Неожиданно, как в сказке, увидели светящиеся окошки маленького домика. Это был хутор. Хозяева нам сразу сообщили, что у них немцев нет. Там и переночевали. А на утро пошли дальше искать свою деревню.

Деревня была разграблена и сожжена, а большинство ее жителей расстреляны. К счастью, мои родственники выжили. С этого момента я приняла решение: уйду в партизаны.

Но очень скоро партизаны сами пришли и освободили деревню.

В конце войны нас, девочек 15-16 лет, отправили на курсы. После месячного обучения мы стали минерами, разминировали поля и дороги.

Сперва было нестрашно, но только до того момента, пока на наших глазах не стали подрываться люди. Приходилось обезвреживать противотанковые и противопехотные мины. Нами, юными минерами, была очищена большая часть Псковской области и все окрестности города Остров.

«Настоящей вернусь...»

Оксана Семеновна ШВЕЦОВА

В тот страшный день, когда началась война, Оксана собиралась поехать с подругами в Петергоф. А вместо загородной прогулки отправилась на призывной пункт. Ушла на Ленинградский фронт медсестрой. Попала в дивизию народного ополчения, формировавшуюся в здании Ветеринарной академии. Отчаянная храбрость, свойственная молодости, не позволяла девушке оставаться в стороне, когда все сражались. Она всегда была на передовой, помогая раненым.

Шел бой. Девушка со своей подругой Лилией ползла вперед, перевязывая пострадавших, все ближе и ближе к самому месту битвы. Раненых много, и перевязочный материал – бинты, шины – быстро заканчивались. Тут Оксана увидела солдата с переломами. Поднялась и побежала к кустам, чтобы наломать веток для шины. И вдруг, что-то сильно стукнуло ей в грудь. Санитарка Лилия испуганно шепчет: «Да ты вся в крови!».

– Я удивилась, – вспоминает Оксана Семеновна, – боялась ранения, думала, больно

будет, а тут просто как удар. Санитарочка скорей потащила меня в госпиталь. Врачи сказали: «Счастливица, пуля рядом с сердцем прошла, еще бы чуть-чуть...»

Из госпиталя девушку хотели эвакуировать вместе со всеми больными, но Оксана расплакалась: «Не поеду! Вернусь на фронт!». А когда стала выздоравливать, заболела брюшным тифом.

– Хотели домой отправить, но я уперлась: «Такой домой не вернусь, умру, но вернусь настоящей...»

В январе 1942 года, как только оправилась, вернулась, но не домой. В госпиталь, расквартированный в районе Ладоги. Стала там палатной сестрой, ухаживала за лежащими больными.

Однажды пять лучших работниц госпиталя наградили, отпустили посмотреть Ленинград, поведать родственникам.

– Мы принарядились, рассказывает Оксана Семеновна, – надели офицерские ремни, которые по форме были не положены. Тут нас и поймали: мол, не по форме одеты! И весь день мы провели в комендатуре, занимались строевой подготовкой! Отпустили нас только поздно вечером.

Радостную весть о прорыве блокады Оксана узнала в госпитале на Синявинских болотах, к тому времени она была операционной сестрой, отвечала за переливание крови.

Затем последовала переброска на Первый Украинский фронт. «Киев тогда только-только освободили, раненых было очень много. Вшей у них было столько, что, кажется, бинтуешь не рану, а муравейник. Бинты сжигали. Стирать было невозможно».

Оксана дошла с госпиталем до самого Баден-Бадена. Там ее и застала долгожданная весть о Победе.

Антонина Бойкова

Память сердца

На Дальнем Востоке

Николай Дмитриевич ШИПИН

12 мая 1949 г. Даурия. Этот снимок сделан в последний день перед демобилизацией.

В армию меня призвали в августе 1942 года. Я оставил дом, семью, девушку и отправился под Москву в город Ногинск проходить военную подготовку.

Через три месяца всех новичков собрали и велели идти на станцию.

Помню, когда шли маршем по городу, женщины выбежали на улицу прощаться. Они плакали, думали, что мы на фронт.

Моя застава.

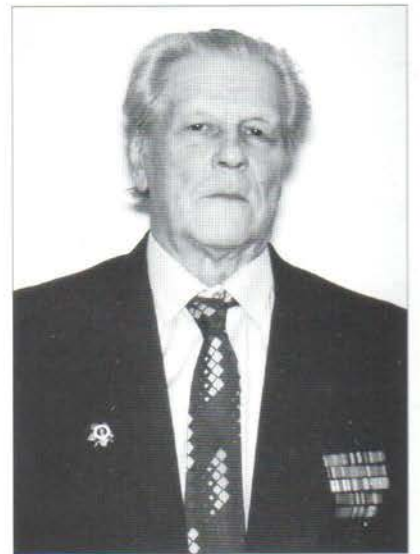
Нашу роту погрузили в товарные вагоны и заперли. Так мы ехали несколько дней до Красноярска. В городе нас выпустили и отвели в баню. Рядом на вокзале стоял поезд. Он направлялся в Сталинград.

Наш начальник Федосеев уже сказал, что никто из бойцов, что ехали в том поезде, не вернулся после Сталинградской битвы. Когда прибыли на станцию Даурия, нас направили на заставу в Среднеаргунский погранотряд.

Служили по 10-12 часов в сутки. Вся работу выполняли сами. Свободного времени не было. Нас усиленно готовили на случай, если нападут японцы.

На заставе я прослужил до мая 1945 года. После армии собирался поехать в Ленинград, к дяде. Но пришло письмо от девушки. Она просила меня заехать к ней домой. Я выполнил просьбу: приехал и... увез любимую в город на Неве.

А в 50-м году мы поженились. Так по сей день и живем вместе.

Я согласна с Михаилом Дудиным

Наталия Михайловна КЛОПКОВА

На улице Комсомола в военкомате выдали обмундирование, там же и подстригли. И вот я уже не просто медицинский работник. Я – военный фельдшер!

Направили в больницу Фореля, там развернут госпиталь. Совсем близко Пулковские высоты. Там уже враги, и «берга» с Вороньей горы в упор расстреливает Ленинград. Стало ясно: не место здесь, на окраине города, раненым, беспомощным людям!

Госпиталь перевели в центр Ленинграда, в гостиницу «Англетер».

Другие, стало быть, на фронт, а я – сиди в гостинице! Рвалась в армию всеми силами. И добилась: попала в состав противотанкового и противопехотного дивизиона 23-ей армии. А немного спустя была уже в 838-ом артполку, в 3-ем дивизионе. Гатчина, Печоры, Псков, жуткие бои под Красным Бором... Мы постоянно на передовой.

В сорок втором меня срочно посылают в Юкки. Оказалось – для вручения медали «За оборону Ленинграда». Я, тогда совсем девчонка, получаю правительственную награду! Как я была горда!

Мы спасаем раненых, но пули не щадят и нас. По дороге на Псков попадаем в фашистское полукольцо, меня ранят в грудь. На чужой самоходке везут в чужой медсанбат. Оперируют – спасибо коллегам! Надо отлежаться, но, как из-под земли, появляется наш лейтенант Костя Кощей: дивизион уходит, если останешься – нас уже не найдешь! Конечно, я не остаюсь.

Одно из необычных для войны воспоминаний связано у меня с освобождением Эстонии. Спешно покидая один из особняков,

его хозяева бросают множество чемоданов. А в них – роскошные платья! Вся женская часть личного состава не преминула примерить их, и, увы, не без грусти: так захотелось в прежнюю мирную довоенную жизнь, так захотелось на танцы, на праздник в ЦПКиО, в театр!

Кое-кто любит говорить, что на фронте отношения между людьми были грубыми и примитивными, мол, война все спишет. Будь это так, мы бы никогда не победили!

1942 год. г. Сестрорецк.

Наш Волховский фронт гордился тем, что, соединившись с Ленинградским, он уничтожил блокадное кольцо. В нашем дивизионе служили в основном ленинградцы. Наш командир Александр Львович Крендель был не только блестящим руководителем, но и отличным товарищем.

Война в 1942-ом подарила мне подругу – Ларису (Кочерегину) Григорян. Мы познакомились в Колпино, где стояла ее 291-я дивизия народного ополчения. Нашей дружбе уже 64 года!

Поэт Михаил Дудин когда-то сказал, что в войну люди взяли несметное количество «вершин человеческого духа».

Вот какую оценку Великой Отечественной я горячо разделяю!

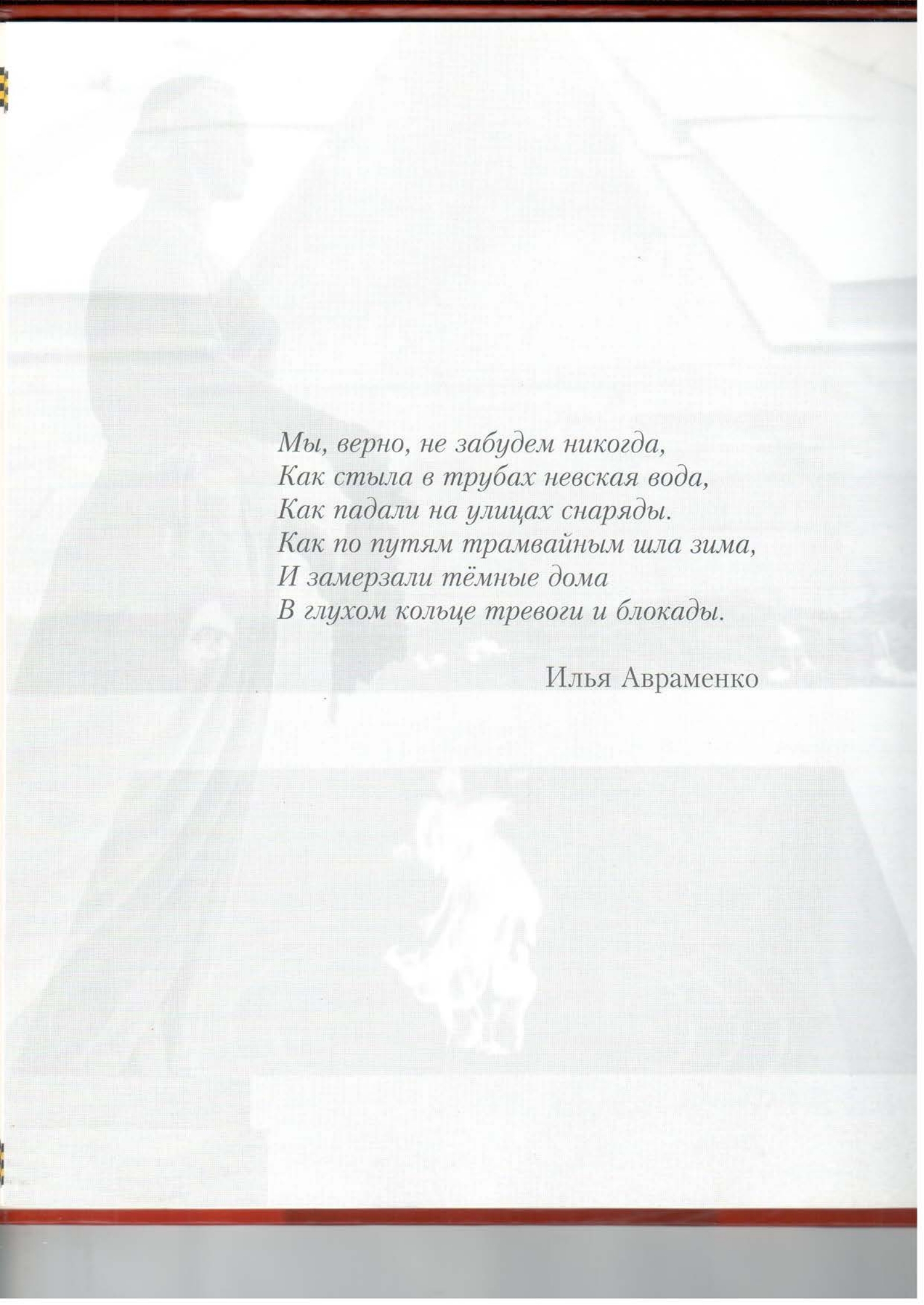
Память сердца

Блокада

Память сердца

*Мы, верно, не забудем никогда,
Как стыла в трубах невская вода,
Как падали на улицах снаряды.
Как по путям трамвайным шла зима,
И замерзали тёмные дома
В глухом кольце тревоги и блокады.*

Илья Авраменко

Маленький монтерик

Марина Федоровна БАЛЯСНИКОВА

На заводе «Красногвардеец» Марину Федоровну знают все, ведь на предприятии Баясникова трудилась 30 лет. Была телефонисткой, электромонтером, контролером-испытателем медицинской техники.

Для Марины все началось в далеком 1941-ом. «Красногвардеец» тогда выпускал все для победы детали к пулеметам, штыки, ножи-финки. На производстве трудились отец и сестра Марины. Но какую работу может выполнять пятнадцатилетняя девочка? Так уж воспитывали детей в семье Баясниковых, что белоручек среди них не было, а Марина обладала еще и редким для девушки качеством – не боялась электричества, умело и быстро исправляла технические неполадки. Все эти слагаемые убедили руководство завода, и ее приняли на должность электромонтера. Хрупкой и изящной Мариночке выдали огромный рабочий комбинезон и резиновые галоши. Комбинезон она сразу перешила, подогнала по фигуре, а галоши... с ними пришлось смириться!

На заводе работает только один цех и кузница. В Мариной бригаде еще два человека, трудятся посменно, дежурят сутками. Марина – самая юная, сослуживцы любовно прозвали ее Монтериска. Мальчишки кокетничали и поддразнивали ее. Однажды они специально выключили станок и позвали мастера для ремонта. Когда Марина прибежала, выяснилось, что тревога ложная, ребятам просто хотелось посмотреть, как выглядит новенькая.

Летом 1944 заводскую бригаду отправили на лесозаготовки. Вместе с Баясниковой ее подруга. Девушки колют дрова, занимаются погрузочными работами, живут в землянках. Домой вернулись уже поздней осенью.

– Тяжело, конечно, было, но, знаете, молодым многое по плечу. Мы старались быть веселыми, несмотря ни на что. А девушкам хочу сказать: не бойтесь неженских профессий, если ты будешь стараться, то обязательно справишься!

Екатерина Андреева

Память сердца

Награда за пережитое

Татьяна Дмитриевна БЕЛАНОВСКАЯ

В раннем детстве Таня приобщилась к книге. Уже в 4 года научилась читать. Это помогло ей успешно учиться в школе. Дипломатство тому – аттестат с отличием. Перед Таней открылись все дороги. Она выбрала исторический факультет Ленинградского государственного университета. Учеба давалась ей легко, поэтому в зачетке стояли только хорошие отметки. Увлечлась археологией, которая стала делом всей ее жизни.

И вот наступили счастливые мгновения. Сдан последний экзамен в ЛГУ. Получено распределение на работу в Киев, и одновременно Тане предложили остаться в аспирантуре. Но все перечеркнула война. Прием в аспирантуру был прекращен, а Киев к тому времени заняли немцы.

В финскую кампанию исторический факультет шефствовал над военным госпи-

талем, и Татьяна проводила в нем все свободное время: писала под диктовку письма, ухаживала за ранеными. Поэтому, когда началась война, не раздумывая, устроилась в военный госпиталь (ныне клиника им. Отта на Васильевском острове) клиническим лаборантом. Как вольнонаемная, питалась по продовольственной карточке. Дополнительного пайка не получала.

Транспорт уже не ходил. С Васильевского острова до проспекта Огородникова (ныне Рижский) добиралась пешком в свою холодную квартиру.

На ее глазах от холода и голода умирали люди. Не лучше было и на рабочем месте. Постоянные стоны раненых, операции, гнойные и окровавленные повязки, боль и горе, полуголодные,двигающиеся словно тени коллеги.

Татьяна не выдержала. В результате – дистрофия и цинга. Продолжать работать лаборанткой она больше не могла. Не было сил ходить по палатам. И ее перевели на сидячую работу – бухгалтером.

В 1944 году снята блокада Ленинграда. Война ушла на запад. И Татьяна Белановская без отрыва от службы поступила на вечерние курсы английского языка. Из эвакуации стали возвращаться преподаватели ЛГУ, и она поступает в аспирантуру. Остается преподавать на кафедре археологии. Сначала ассистентом, а затем доцентом.

Ученая степень, ученое звание, правительственные медали, записанные в трудовой книжке поощрения – вот далеко не полный перечень ее заслуг.

Но особенно дорога Татьяне Дмитриевне медаль «За оборону Ленинграда». Награда за пережитые ею страшные годы.

Леонид Рахалов

Чтобы не было войны

Серафима Борисовна БУХАРКИНА

Прекрасно помню тяжелые дни блокады, мне тогда исполнилось 10 лет. Жила я на углу Газовой и Левашевского проспекта.

Вот только несколько эпизодов тех лет. Зимой, в феврале 1942 года закрыли нашу школу. Из-за морозов и голода посещаемость была низкая, ведь помещения не отапливались. Да и писать было нечем, чернила замерзали. И школу переоборудовали под военный госпиталь.

Маму видела редко. Она находилась на казарменном положении при заводе «Вулкан». Отпускали ее только раз в неделю. Приносила хлебные карточки и деньги, ведь я жила одна. Отец с первых дней войны ушел на фронт. И мне самой приходилось

добывать топливо для буржуйки. Ломала и жгла мебель. А еще ходила с 2-х литровым бидончиком на Неву за водой. И, конечно, как все дети (если не было обстрела), бродила возле госпиталя. Высматривала, нет ли среди раненых моего отца.

Меня заметили и привели в госпиталь. Выдали халат, который был до пола. В мои обязанности входило присматривать за ранеными. Я старалась. Выносила «утки», подметала и мыла пол, меняла постельное белье, переодевала раненых, стирала бинты, писала письма родственникам.

Хорошо помню, как один раненый дядечка погладил меня по головке и сказал: «Ты мне очень напоминаешь дочь». Он попросил меня прилечь рядом с ним на постели. Прижал и заплакал. Мы уснули, обнявшись. А потом оказалось, что я обнимаю умершего. Вот так я утешила солдата в последние минуты его жизни. Номер госпиталя не помню, но работа в нем помогла мне выжить. Ведь я получала там дополнительную миску похлебки. В детстве была непоседой. Любила лазать по крышам. Забиралась на них и вместе с взрослыми тушила зажигалки.

В отряде «зеленые цепочки» участвовала в операциях по выявлению шпионов-сигнальщиков. Однако пробыла там недолго. Свалили водянка и дистрофия.

Но работать я не перестала, наверное, это мне и помогло выжить. Движение – это жизнь. Так что будьте активнее, мое молодое поколение, и больше двигайтесь!

А самое главное чтобы не было войны.

Давайте, вспомним о войне!

Всеволод Васильевич Воробьев

*Как мало память сохранила
Из тех далеких, страшных лет.
Про что-то мама говорила.
Про что-то брат, отец, сосед...
Прочтя «Зеленые цепочки»*,
Вдруг вспомнил я: «Конечно, да!
Ведь той блокадной, жуткой ночью,
Когда пришла ко мне беда,
Я видел сквозь огонь пожара,
Как из-под крыши с чердака
Ушла ракет зеленых пара...
Туда, где был завод...
А дальше – визг авиабомбы,
Огонь и грохот, темнота,
И мать под сломанным забором,
Беспамятство и немота...
Вернулась память постепенно,
И где-то там на полпути
Корабль стоял у нас военный
С названьем, как завод – «Марти».
И он зенитками так щелкал,
Так пулеметами трещал,
Что вылетали в окнах стекла,
И долго звон в ушах стоял.
Но самолеты плыли мимо,
А бомбы падали в Неву...»*

Да, действительно, очень трудно теперь, по прошествии шестидесяти лет, восстановить в памяти детские впечатления тех страшных дней. И все-таки...

Начало войны застало нас в пригороде Харькова, куда отец отправил отдыхать меня с братом и матерью к давнему приятелю. Выбраться оттуда в Ленинград самостоятельно мы не смогли бы, поскольку железнодорожное сообщение стало недоступным для обычных граждан. Неизвестно, что бы было с нами, но выручил случай. Рядом с селом, где отдыхала наша семья, находился военный аэродром. Среди летчиков ока-

залось несколько ленинградцев. Они и помогли нам оформить документы. С великим трудом пробирались мы в течение двух недель в Ленинград. Навстречу шли составы с войсками и вооружением. Ближе к городу стали попадаться поезда с людьми, эвакуированными из Ленинграда. Так, пересаживаясь из эшелона в эшелон, под непрерывными бомбежками мы добрались до дома.

Родной город встретил военными патрулями на улицах, зенитными батареями на площадях, заклеенными и зашторенными окнами домов. Кольцо блокады смыкалось.

Полным ходом шла эвакуация. Мать, насмотревшаяся за дорогу на ужасы и разрушения, уезжать категорически отказалась. Заявив, что если станет уж совсем плохо, так умирать лучше дома. Старшего брата, поскольку он был уже школьником, эвакуировали в Калининскую область. А маму мобилизовали. Всю войну она проработала комендантом ведомственных домов завода имени Свердлова. Организовывала рабочие посты и бригады для борьбы с пожарами, патрулирования дворов и улиц, заготовки дров. Помогала больным и ослабевшим от голода.

А тем временем началась блокада...

*Ну, что я помню о войне? –
Куски, клочки, обрывки ниток...
Аэростаты в вышине
И дробный, злобный лязг зениток.*

Мой отец, трудясь на ответственной работе, имел бронь. Так называли тогда документ об освобождении от воинской обязанности. И все-таки он пошел в военкомат и заявил, что хочет сам защищать своих сыновей. Его зачислили в ополчение писарем. Сначала их часть стояла где-то под Красным Селом, и в первую, самую трудную для ле-

* повесть Германа Матвеева.

нинградцев зиму у него была возможность навещать нас. Привозил нам какие-то продукты, сэкономленные от своего пайка. Отец закончил войну в звании капитана, имел боевые награды.

Город продолжал жить. Были в этой жизни и горе, и потери, мечты и надежды, радости и даже маленькие торжества.

*Не сломила война Ленинград!
Хоть и пережил море страданья,
За три года пройдя через ад...
У голодных усталых людей
Ни сердца не черствели, ни души,
И они, зова совести слушаясь,
Помогали друг другу в беде.
Даже этой суровой порой
Молодые влюблялись, женились
И, бывало, детей заводили,
Так в блокадные дни боевые
У меня появилась сестра.*

Детей в городе оставалось совсем немного. Насколько мне помнится, ленинградские блокадные ребята не только играли в войну. Несмотря на запреты взрослых, они удирали во время бомбежек из укрытий, забирались на чердаки и старались хоть чем-то помочь. Самим бороться с «зажигалками», так звали тогда маленькие зажигательные бомбы, нам не разрешали. Но мы могли принести и подать специальные щипцы, притащить ведро с песком или водой.

Еще одно важное дело, с которым мы справлялись не хуже старших, – заготовка дров. Паровое отопление вышло из строя после первых бомбежек. Город отапливался буржуйками.

На дрова шло все: оконные рамы и двери из разрушенных домов, любые доски, разломанная мебель, даже книги.

Мы, жители набережных, имели большое преимущество. Наша родная Нева да-

Жвакин Глеб. Школа №146.

вала нам не только воду. С ее берегов мы, пацаны, ловили рыбу. Иногда глушеную, плывущую по течению после бомбежек и артобстрелов.

Вспоминаются и трагические эпизоды. Весной 43-го года на Неве стоял потемневший, разбухший от солнечных лучей лед. Артобстрелы и бомбежки города по-прежнему продолжались. Однажды утром началась бомбежка. Одна из бомб упала в Неву, недалеко от берега, прямо напротив проходной завода Свердлова. Взрывной волной на лед выбросило мелкую рыбу, то ли корюшку, то ли уклейку. Ее, прыгающую по льду, было хорошо видно с набережной. Молодой рабочий, увидев такую желанную пищу, пополз по непрочному льду с пустой противогазной сумкой. Его товарищи с берега кричали, чтобы он вернулся.

С высоты набережной хорошо было видно растрескавшийся от взрыва лед. Но рыба так манила! Он уже дополз до края полыньи и начал собирать ее в сумку. И тут случилось то, чего все боялись... Человек оказался в полынье, и течением его затянуло под лед. Нас, мальчишек, только что выбравшихся из «щели», (так называли в народе примитив-

ные бомбоубежища) и не раз уже видевших смерть, – эта, такая нелепая и трагическая, буквально потрясла!

Долго, еще очень долго война давала о себе знать. Даже после того, как отзвучали залпы Победного салюта...

Много лет спустя, работая начальником Военно-спортивного клуба «РВС» («Ребята Выборгской Стороны») для трудных подростков, я частенько рассказывал мальчишкам о военных и блокадных днях. Готовясь к ежегодному слету военно-спортивных клубов Ленинграда, написал песню о Пискаревском кладбище.

Ее разучили и исполнили на концерте самодеятельности мои подопечные. Это была маленькая дань и благодарность тем, кого моя мать в дни блокады провожала в последний путь.

Здесь всегда тишина

и всегда здесь открыто,

И в любую погоду здесь

встретишь людей,

Здесь никто не забыт

и ничто не забыто –

Эти все девятьсот героических дней...

Ираида Яковлевна ЕВСТИГНЕЕВА

... Я опять не принесла хлеба, не дают третий день. Только дрова для буржуйки. Варю клей. Бросаю лавровый лист и перец, больше ничего нет. Совсем. Сегодня видела, как горит госпиталь. Как тащат раненых. Просто стояла и смотрела.

Умер брат. Только вчера мы навещали его в больнице. А сегодня его нет. Туберкулез.

Мама не может встать. Я побежала к тетке, на Васильевский. А в голове постоянно звучит: «Мама плохая! Толя умер...» Мне

приходится быть сильной, терпеть. Не всегда получается, но я стараюсь.

Живем теперь на Васильевском. Тетя помогла перевезти к ней маму.

Февраль. Умерла мама. В детский дом не берут: у меня потеряны документы. Я работаю в городе, как многие дети, а живу у тетки. В итоге взяли, правда, при помощи знакомого завхоза.

Нас эвакуировали. Стало легче, конечно, но все равно тяжело. Но хотя бы еда есть.

Ужасно, когда война забирает детство...

Дежурство длиною в войну

Зоя Александровна ВОРОБЬЕВА

Трудно и невозможно сравнивать заслуги и мужество людей, прошедших через такое страшное испытание, как война. Каждый старался сделать что-то, хоть на шаг приближающее к победе. Не ради славы и звания героя, ради спасения своей страны. И, конечно же, медики, врачи и сестры города-фронта – то звено, без которого Ленинград не победил бы.

Зоя Воробьева, практикантка больницы Мечникова, заступила на очередное дежурство, она палатная медсестра.

В больнице разнеслась страшная новость – война! Но тогда она не напугала Зою. – Ну война, и война – подумала девушка. – Вот финов разбили и сейчас победим! Но когда раненых начали привозить эшелонами, я поняла: теперь это горе близко коснулось и меня – вспоминает Зоя Александровна.

В этот же день старшая медицинская сестра привела Зою к военкому оформлять на работу в госпиталь. Тот посмотрел на де-

вушку и вздохнул: «Восемнадцать!» – но на работу взял.

Итак, Зоя – сотрудник эвакогоспиталя. Что такое медицинская сестра во время войны? Это изнурительная круглосуточная работа, постоянный поток больных, поступают солдаты с фронта, население после бомбежек, истощенные, умирающие люди. Находясь на казарменном положении, госпиталь не покидала. Работать и жить приходилось в жутких условиях: страшно холодно, нет воды, нет света. На столиках у медсестер стоят маленькие коптилки, с этим светом заполняют документы, лечат, оперируют.

Зоя получает блокадную норму хлеба и маленькую мисочку похлебки в столовой. Паек скудный, но даже им приходилось делиться, чтобы не дать умереть своим подругам по цеху.

С прорывом блокады раненых стало больше. Однажды, заполняя бумаги вновь

С ранеными в госпитале.

поступивших, Зоя увидела знакомый адрес, именно на эту почту она отправляла письма отцу. Тогда она пошла к комиссару и попросила его сделать официальный запрос. Так она узнала, что отец, Александр Константинович Баранов, погиб.

В 44-ом молодых специалистов-медиков, среди них и Зою, отправили в Германию за Ленинградским фронтом, на военно-санитарном поезде.

– А по дороге чего только не пришлось делать, даже роды принимать. Сейчас бы я ни за что не справилась, несмотря на весь опыт работы. А тогда сумела. А я ведь акушерскому делу не училась.

Послевоенные годы Зоя Александровна осталась верна профессии. В ее семье еще два медика. Дочка – врач, внук заканчивает ординатуру по хирургии.

1944 г. На этой фотографии с подругой Аней.
Вместе мы прошли всю войну.

Интуиция медика и сердце бабушки подсказывает: из него вырастет хороший специалист.

– В этой работе главное – себя не жалеть.

Марина Акатова

За трудовую доблесть

Галина Васильевна ГАНТИНОВА

Родственники курсантов военного танкового училища стояли у ворот и ждали, когда им позволят увидеться со своими детьми, братьями, любимыми. Было утро, 22 июня 1941 года. Собралось довольно много людей, некоторые приехали издалека. Наконец, вышли два офицера. «Началась война!» – сообщил один из них. Женщины заплакали, все были удивлены, огорчены, испуганы.

На свидание курсантов так и не отпустили, позволили только промаршировать строем мимо ворот и помахать родным рукой.

Александр искал глазами в толпе мать и сестру, еще не подозревая, что впереди 4 долгих года тяжелой войны, которую ему предстоит пройти полностью и закончить в чине капитана.

На следующий день Галя Никитина с мамой вернулись в Ленинград. За эти сутки город изменился: бумажные полосы на окнах, колонны солдат, уходящих на фронт.

Девушка сразу включилась в работу по обороне. Под руководством управдома ло-

мали деревянные конструкции на чердаках, помогали устраивать противобомбовые и противогазовые убежища.

Галю и ее товарища Костю вызвали в райсовет. Там они прошли короткие курсы гражданской обороны – учились тушить зажигалки, оказывать первую медицинскую помощь. Потом стали дежурить на чердаке своего дома, следили за тем, чтобы там всегда были песок или вода, тушить пожары. Каждый день обходили квартиры, проверяли, все ли живы, сносили умерших в подвал. С питанием было трудно, ходили в ближайшие поля, искали картошку, травы.

В конце марта 1942 года сестре Галины Зое предложили эвакуироваться с ее двухлетней дочерью. «Возьми с собой Галю!» – попросила мать. Сестра согласилась.

Путь по Дороге жизни был нелегким: бомбежки, холод, страх. Галина настолько замерзла, что практически не чувствовала ног. Наконец остановились у церкви, девушку укутали, обогрели.

Память сердца

Дальше они решили ехать к родственникам отца, в Пензенскую область. Добирались в эшелонах-теплушках. В дороге Галина подхватила рожистое воспаление. К счастью, в том же вагоне ехал врач. Она обработала пораженное место, наложила повязку.

От железнодорожной станции, на которой они сошли, до дома родственников надо было ехать еще 60 километров. Один мужчина согласился их подвезти. По приезду девушка сразу устроилась в колхоз счетоводом и проработала там 2 года.

А в апреле 1944 года они вернулись в Ленинград. Как только сняли блокаду, мама сразу прислала дочерям вызов.

Галина устроилась в Школу киномехаников, сначала библиотекарем, а потом заведующим учебной частью, где трудилась вплоть до 1948 года.

Немало сил и времени она отдала и работам по восстановлению города, за свой неустанный труд получила медаль «За трудовую доблесть».

Антонина Бойкова

Школа киномехаников – на воспитательных работах. 1944 г.
Третья слева – Галина Гантинова, тогда Никитина.

Молодость, отданная за Победу

Евгений Алексеевич ДАВЫДОВ

*Вам, что служили Матери-Отчизне
Под бомбами, со старшими в ряду...*

Всеволод Азаров

Однажды ночью солдаты установили зенитное орудие на перекрестке Сергиевской и Митрофановской улиц и окопались. Проснувшиеся утром мальчишки были поражены. До этого пулемет они видели только на картинках. Этот пугающий силуэт стал для Жени символом начала войны. Шел июль 1941 года.

Отец Евгения ушел из типографии «Искра», где был заведующим производством и устроился на завод «Северный пресс», который сразу стал работать на оборону города. Женя тем временем копал траншеи, окопы и дежурил с другими мальчишками на чердаке родного дома.

Однажды утром немецкий летчик захватил наш самолет и перелетел на нем линию фронта. Сверху на город полетели листовки с насмешливым, издевательским текстом:

«Ленинградские дамочки, не копайте ямочки, наши танчики поедут и раздавят ямочки!» Женя и другие мальчишки долго кричали и махали кулаками вслед машине, пока она не скрылась из поля зрения.

А потом пришел голод.

У Давыдовых рядом с домом был огородик. Урожай с него удалось собрать совсем небольшой, но и это было существенным подспорьем. Ходили за провизией в Кудрово на совхозные поля – 5 километров от дома. В промерзшей земле выискивали прошлогоднюю картошку, получали немного пресованных жмыхов для дуранды. До самых холодов собирали траву – лебеду, чертополох.

Когда в городе закончились дрова, стали ломать деревянные дома. Так исчез дом Жениной семьи. Удалось получить ордер на переезд, дали комнату на улице Красной Связи. Но прожили они там недолго. Переехали к тетушке в отдельную квартиру на Сергиевской.

Тетушкин муж работал на железной дороге. К тому времени многие участки путей разбирали, чтобы они не достались противнику, а шпалы раздавали работникам, и те топили ими свои дома. Мерзнуть семья Давыдовых перестала, но от голода по-прежнему было никуда не деться. Он преследовал, душил, доводил до крайностей.

Друг Евгения настолько оголодал, что, стоя в булочной у прилавка, умолял дать ему хоть кусочек хлеба. Но все были глухи к его просьбам. Вдруг, не выдержав, он подскочил к девушке. Схватил кусочек, упал на пол и стал торопливо жевать хлеб. Девушка, плача, застучала ему по спине ладошкой. Внезапно мальчик подавился и стал задыхаться. Буквально через несколько минут он умер. А девушка еще долго плакала и просила у него, уже не слышащего, прощения.

Память сердца

Следуя примеру отца, Женя устроился на завод «Северный пресс».

Сразу начались тяжелые трудовые смены. Подчас не хватало времени и сил даже на то, чтобы уйти домой. Многие так и ночевали в цехах. Но все же стало чуть легче с продовольствием: появилась рабочая карточка. Помогали и заводские подсобные хозяйства в Мяглово и Йоксолово: урожаи распределялись между рабочими. Отстоять смену – тяжкий труд. В цехе холодно. Чтобы не оконечеть, приходилось идти в кузницу и приносить оттуда горячие кирпичи. Стоя на них, и трудились.

Однажды вечером Евгений зашел в раздевалку и увидел: на тумбочке лежат чьи-то продовольственные карточки на неделю. Он сунул их в карман рабочего комбинезона и пошел к проходной. Навстречу, плача,

бежала женщина. Юноша сразу понял, кому принадлежит его находка. «Подождите!», – крикнул он, но женщина продолжала бежать, ничего не замечая. С трудом догнав ее, юноша вернул карточки.

А однажды в заводскую трубу попал снаряд, и, чтобы производство не встало, пришлось работать всю ночь, восстанавливая ее. Утром, когда все уже падали от усталости, прибежала Женина мама. Она боялась, что завод разбомбили, а ее сын ранен или погиб.

Много всего произошло за эти годы, грустного, тяжелого, страшного. Много бессонных ночей провел Евгений на трудовом посту во имя того, чтобы новое поколение выросло в свободной стране, не зная тягот и лишений войны.

Антонина Бойкова

«За Невской водой». Никитина Даша. ДДИУТ Калининского района.

Детство, опаленное войной

Зинаида Михайловна ИВАНОВА

*Надолго в людях остаются войны
И болью ран и горечью утрат.
Я до сих пор сплю чутко, беспокойно,
Во мне живет блокадный Ленинград.
Мне с вечера забыться не мешает,
Ни шум машин, ни августовский гром,
Но каждый стук мгновенно пробуждает,
Как некогда тревожный метроном.*

Анатолий Молчанов

Мне было около трех лет, когда началась война. Я жила с родителями. Отец трудился на Кировском заводе помощником кузнеца, а мама до войны не работала.

И хоть я была совсем маленькая, но хорошо помню, как в самом начале войны разбомбили наш дом. Он стоял в Автово на том месте, где проходит трамвайная линия. И нам предложили переселиться на Петроградскую сторону. Одну из свободных комнат (это напротив дачи Жданова) мы и заняли. К сожалению, втроем мы прожили там не-

долго. Отец хотел идти на фронт, но его не отпустили на заводе. Так он и работал там, пока мог ходить. В 1942 году 2 января отца не стало. Умер от голода. Похоронили его на Серафимовском кладбище в братской могиле, хотя мама привезла его в гробу.

После смерти папы мама пошла работать на Ждановский завод. Меня же отдали в круглосуточный детский сад.

Иногда мама приходила домой, но меня забирала из детсада очень редко, так как возвращалась поздно, только для того, чтобы немного поспать. Чаще всего шла пешком с Кировского района на Петроградскую сторону. Ведь тогда никакой транспорт не ходил. Да к тому же очень часто бомбили.

В детском саду нас будили почти каждую ночь. Мы быстро одевались, шли в бомбоубежище. Оно находилось в соседнем доме. Шли молча, разговаривать громко не разрешали.

А еще помню черное круглое радио. Оно все время работало. И как в этой тарелке раздавалось шелканье, громкий мужской голос объявлял:

- Граждане, воздушная тревога!

Окна все время были закрыты шторами, свет никогда не зажигали.

Обстановка в городе ухудшалась. Шел 1942 год. И наш детсад решили переправить через Ладогу. Но мы так никуда и не уехали, потому что перед нами несколько машин провалилось под лед.

Было ли мне страшно в то время, не помню. Но сейчас, когда в музее блокады Ленинграда вижу ту самую черную тарелку и слышу голос диктора: «Граждане, воздушная тревога!», то к горлу подступает комок, и на глаза наворачиваются слезы. Ведь я была очевидцем этих событий и прожила все 900 дней в блокадном городе.

Память сердца

На помощь Ленинграду

Нина Захаровна ИВАНОВА

Когда началась война, Нине было всего 13 лет. Старший брат Владимир уже четвертый год служил на флоте. Гордился своей профессией, ведь он сражается с врагами, защищает любимый Ленинград.

В самом начале войны экипаж его судна, проявив беспримерную храбрость, сумел потопить подводную лодку противника. Весь бортовой состав за эту операцию был представлен к награде.

Нелегкое военное время не давало никаких передышек, сразу получили новое задание. Но вражеские бомбы подбили судно, и оно затонуло. Все, находившиеся на нем, погибли. Только сухое официальное извещение «Похоронен в Финском заливе» рассказало родным о судьбе сына и брата. Второй брат, Анатолий, остался в городе вывозить тела умерших.

Страшный голод сковал Ленинград своими тисками. Достать продукты стало очень тяжело. Нина ходила в школу. Ученикам давали соевый творог, шроты, соевое молоко. Тогда и эта еда казалась очень вкусной. При том, что мама работала, продуктов все равно не хватало. Брат страшно похудел, ему поставили диагноз – дистрофия. Родные уже не верили в то, что его жизнь удастся спасти. Несмотря на сильную физическую изможденность, молодой человек пришел в военкомат и попросился на фронт. Его отправили в часть. Домой по окончании войны он вернулся живым и здоровым.

А Нина участвовала в работах по обороне города, насколько хватало сил помогала родному городу. Прямо через дорогу от ее дома располагался госпиталь, расквартированный в здании школы. Как только появлялась свободная минутка, она бежала туда, помогала медсестрам. Вместе со своим классом ездила в совхоз, расположенный рядом с больницей Мечникова, работала на прополке грядок.

Страшно было от постоянных бомбежек. Чтобы дети не так боялись, у двери мама поставила шкаф, а перину, на которой вся семья спала, постелила за ним. Нине тогда казалось, что шкаф способен уберечь их от беды.

А самыми светлыми, самыми праздничными в воспоминаниях девочки остались те редкие дни, когда они всей семьей ходили в Выборгский дом культуры смотреть театральные постановки. Эти счастливые мгновения навсегда запечатлелись в ее памяти, и она до сих пор вспоминает тех, кто в холодном и голодном городе готовил эти представления, с огромной благодарностью.

Антонина Бойкова

Лидия Ивановна ИВАНОВА

1940 год. На этой карточке я с родителями.
Моя мама Клавдия Павловна
и отец Владимир Петрович Сергеевы.

В трудовой книжке моей мамы в 41-ом году появилась новая запись: «Принята на должность прессовщицы по найму». На этой должности, в прачечной при воинской части, она и проработала до самого конца войны.

Воинская часть расположена в нескольких корпусах, все знают друг друга, это как одна большая семья. Вспоминаю то время, события, первые яркие детские впечатления как свидетельство начала войны.

Мы дежурием на крыше. Красный ящик, огромные щипцы и ведра с песком.

Моя медицинская карточка с диагнозом: «дистрофик сорок первого года».

За этими картинками всплывает еще одна, светлая, добрая — лицо доктора. Маленькая, плотная, ей за сорок. Скольким детям она помогла! Могу с уверенностью сказать: в наших корпусах — всем! Доктор всех нас знает поименно! Может остановить на улице и спросить: «Как твои уши?». От доктора мы получаем рыбий жир, а наших мам она учит, с чем его смешивать, чтобы жарить

— это было спасительное средство для нас, исхудавших. Имя ее в моей памяти на всю жизнь — Александра Степановна Британ.

Все женщины из нашего корпуса заняты работой в прачечной, что же касается нас, детей, то и мы без дела не сидим. Специальными маленькими щеточками обрабатываем швы одежды от вшей.

Прачечная — наш теплый остров. Здесь мы отогреваемся в самую суровую блокадную зиму. А на огромном чердаке, соединяющем корпуса, бегаем, играем в «Двенадцать палочек» и «Сорок разбойников». Точный сюжет этой игры воспроизвести не могу, но она нам очень нравилась!

О тех днях можно вспомнить много страшного и поистине кошмарного. Помню, как долго и зловеще, целую неделю, горит двенадцатый корпус. А в дальнейшем именно в него свозят трупы, и весь он наполнен мертвыми телами.

Но все-таки у памяти есть позитивное свойство, особенно если речь идет о ребенке.

Как оттепель, воспоминание о школе. Парты таскаем сами из разбомбленной школы через баррикаду на улице Жукова.

Как ответить на вопрос «Какими мы были, дети блокады?» Задиристые, рано повзрослевшие, шпана. И в то же время — добрые и отзывчивые, и ранимые. Кинотеатр «Гигант» восстанавливали пленные немцы, совсем недавние наши враги. У них были колодки на ногах, нам их жалко. И мы, дети чьи отцы погибли в этой войне, подкармливали пленных...

Еще один эпизод: мы, школьники, помогаем детскому дому. Работаем на огородах. А детишки, для которых мы трудимся, чуть младше нас... Ключевая улица давно застроена новыми домами, но место, где распола-

гался детский дом, где мы поднимали огороды, помню.

Дети и война. Не существует научных трудов, где анализировалось влияние блокадного детства на выбор профессии, но вот какая любопытная статистика: из тех ре-

бят, кто пережил блокаду вместе со мной, в корпусах на Кондратьевском, подавляющее большинство стало педагогами. Мои подруги по блокаде: Мая Живцова, Тамара Большакова, Лариса Купч...

Я не являюсь исключением.

История моей семьи

Наталья Федоровна ИСАЕВА

Я родилась в Ленинграде на Петроградской стороне. Когда началась война, мне не было еще и 2-х лет, брату Борису исполнилось девять, старшей сестре Александре – 15.

Летом 1941 мы вместе с мамой, Еленой Сергеевной, были на даче в Вырице. Оттуда, по рассказам мамы, в конце июня с трудом выехали последней электричкой в Ленинград. Немцы были уже близко!

Всю блокаду мы так и прожили в Ленинграде, на Петроградской.

Отец мой, Федор Андреевич Исаев, по профессии строитель. В конце 1941 года он был направлен в Узбекистан, в Фергану. Хотел сначала сам устроиться, а потом вызвать нас с мамой. Но от него долго не было вестей. И только в октябре 1942-го получили письмо из Ферганы. Из письма мы узнали, что отец, приехав туда, вскоре заболел и умер.

Весной 1942 года умирает наша бабушка. И мама с дядей везут ее на саночках с Пет-

роградской стороны на Шуваловское кладбище.

Моего брата Бориса, которому в этот год исполнилось 10 лет, обязывают эвакуироваться. На Ладожском озере уже действовала Дорога жизни. Но мама не дала согласия на эвакуацию, сказав: «что будет, то будет».

– Умрем, так все здесь, в Ленинграде!

Весной 1943 года мою сестру Александру приняли в фабрично-заводское училище при хлебозаводе, расположенном на улице Сердобольской. Через полгода она стала выпекать хлеб. А с сентября 1944-го училась в школе рабочей молодежи. И несмотря на то, что ей всего 18 лет, она, как и мама, уже была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Для нас война закончилась благополучно. Мы все остались живы.

Сестра Александра поступила в Институт мясной и молочной промышленности, и окончив его, работала в Калининграде. А затем, в течение 25 лет, руководила компрессорным цехом I-го молочного завода.

Брат Борис стал токарем и трудился на «Вулкане», в объединении им. Свердлова.

Я закончила Институт холодильной промышленности. На 4-м молочном заводе (ныне «Пискаревский») была технологом лаборатории, председателем профкома, начальником отдела кадров.

Сейчас в живых остались только брат Борис и я. Вот уже 40 лет я с семьей живу на Пискаревке. А в квартире на Петроградской подрастает третье поколение Исаевых.

Под дымовой завесой

Вера Николаевна КЕДРИЧ

Во время войны я с мамой и сестрой Валей жила на Васильевском острове. Мы, дети, выходили на улицу и смотрели, как с залива летят немецкие самолеты. Они были словно стая черных ворон, сбрасывающих бомбы на город. Шум стоял ужасный, все небо грохотало.

Помню, как над городом стоял дым. Горели Бадаевские склады.

Когда начался голод, хлеба давали по 125 грамм. Мама работала на 1-ой меховой фабрике и, чтобы хоть как-то подкормить нас, приносила оттуда в ведерке рыбий жир. Мы макали в него хлеб и ели. Такими были для нас первые месяцы войны.

В октябре работниц фабрики отправили на три месяца на Ладогу на лесозаготовки. С ними уехала и мама.

А нас с сестрой оставила под присмотром своей подруги – тети Шуры. Мы жили вчетвером в крохотной комнате. Я, Валя и тетя Шура со своим грудным сынишкой.

Каждое утро я ходила на Голодай в столовую, за соевым супом и молоком для маленького Алика. Мама оставила нам свою продовольственную карточку. Но все равно она не спасла ни Алика, ни тетю Шуру. Они умерли от истощения.

Работа на заготовках была завершена, мама хотела вернуться в город, но ее не отпустили. Она очень просила, говорила, что у нее дети, а в ответ слышала: «Ну и что, а у нас инженеры умирают, ученые».

Тогда ей пришлось уйти в самоволку. Помог водитель, ехавший в это время в город. Добирались по льду Ладоги.

Когда мама появилась в квартире, она увидела страшную картину. В углу лежал труп. Нам некого было попросить вынести его на улицу.

Нашу семью эвакуировали весной 1943 года. Катер, перевозивший людей перед нами, разбомбили, и тот, который шел следом – тоже. А нас противник не заметил из-за клубов дыма.

Я хочу сказать, в блокадном Ленинграде умирало очень много людей, далеко не все они были ученые и инженеры. Спасибо всем, кто погиб ради того, чтобы мы могли жить!

Людмила Никитична КОЛОНИЦКАЯ

Блокаду помню с того дня, когда напротив нашего дома упала и не взорвалась фугасная бомба. Мне было тогда семь лет. Мы жили на улице Чайковского. Около нашего дома в школе находился госпиталь.

Бомба лежала на газоне. Тетеньки в противогазах выводили нас через проходной двор на улицу Петра Лаврова, а на следующий день из окна мы с сестрой наблюдали, как грузили эту пятисот-килограммовую бомбу и укладывали в машину, которая потихоньку тронулась.

Наступила суровая зима. Она принесла много горя нашей семье. Сначала умерла мама, а через две недели мы потеряли папу. Повестка, которая пришла ему в ополчение, уже не понадобилась.

Я же никак не могла поверить в то, что отца не стало. Пыталась открыть спящему папе глаза, но они почему-то не открывались. И только когда с работы пришла старшая сестра, я поняла, что его не стало.

Так мы остались без родителей. Старшая сестра работала в Большом доме на Литейном. Приходила поздно. Нас устроила в детский сад на Кирочной. Мы с воспитательницей ходили гулять к Преображенскому собору. В детской памяти сохранились трупы, завернутые в половики и простыни, они лежали за оградой.

Обстановка в городе ухудшалась. Поступило распоряжение вывезти из Ленинграда как можно больше детей. Сестра перевела нас в детсад №33 на углу Чайковского и Чернышевского, с которым мы и уехали в эвакуацию.

Хорошо помню нашу заведующую Хаю Марковну. Мы ее очень любили. Облепим, бывало, со всех сторон, схватимся за подол юбки, а она гладит нас по головам.

После войны, приехав в Ленинград, я пошла в наш бывший детский сад. Хая Марковна узнала меня. Обрадовалась, что мы с сестренкой выжили. Она даже вспомнила мое имя.

Помню наш отъезд. Нас посадили в автобусы. А потом предстояло переправиться на барже. Каждому дали в дорогу по полплитки шоколада. Нам повезло. Мы добрались до железнодорожной станции. На поезде доехали до Тихвина. Было страшно. Кругом низко-низко летали вражеские самолеты и стреляли, поэтому нас высадили, и мы бегом побежали прятаться в кусты. Оттуда наблюдали, как пылают вагоны. Когда кончился налет, нас опять погрузили в уцелевший состав и накормили булкой с джемом.

Наконец прибыли в Омскую область, Молотовский район, село Ермоловка. Началась наша новая жизнь. Хорошо, что нас не разлучили с сестренкой!

В Ермоловке я пошла в первый класс. Тетрадей не было. И мы писали на газетах, на белых полосках.

Запомнился один смешной эпизод. Учительница в классе спросила меня, почему я не пишу. А в ответ услышала, что у меня нет вставочки. Она никак не могла понять, о чем я говорю. Оказалось – это ручка. Учительница меня ругала, а мне было смешно. Ведь она не знала, что так называют ручку только в Ленинграде!

Мы собирали в поле колоски, а зимой выкапывали из-под снега картошку. Жевали ее, а потом выплевывали. Она была сладкой. А еще нам давали молоко. Мы наливали его в миски и выставляли на ночь в снег на крышу. Утром у нас получалось очень вкусное «мороженое».

Жили мы в бараках. В одной половине спали, а в другой учились. У нас была нянечка, тетя Катя Кирсанова, заменившая нам маму. Когда мы ложились спать, она подходила к каждому, ласкала, поправляла одеяла. А потом садилась у входа и расска-

зывала сказки. Тетя Катя вернулась вместе с нами в Ленинград.

В конце войны нас переименовали в детский дом № 33, потому что многие дети остались без родителей.

Кончилась война. И все жители бежали, размахивая, кто чем мог, и кричали:

«Война кончилась!!!»

Мы тоже радовались вместе со взрослыми. А затем нам устроили настоящий праздник. Мы пели, танцевали, пили чай с печеньем. Половину детей (кому не прислали вызов) увезли в Омск, в детский дом, остальные вернулись в Ленинград уже в августе. Перед отъездом всем нам выдали красивые американские платяца и туфельки.

В 1960 году по роду своей деятельности (я топограф) оказалась в Омске. Попыталась отыскать свой детский дом, но тщетно. Не было уже ни Молотовского района, ни села Ермоловки.

Страницы военного быта

Клавдия Никандровна КОЛОСОВА

Клавдия Никандровна Колосова, как и многие жители нашего города, пережила все тяготы войны, блокаду. Вот только четыре эпизода тех военных лет. А сколько их было!

Эпизод первый

Летом в июле сорок первого всех людей, свободных от работы, отправили под Лугу копать противотанковые рвы. Об этом хорошо написано в книге А. Чаковского «Блокада».

Вот и мы, как в книге, копали рвы. Жили и ночевали прямо на земле, в небольшом лесочке. А однажды женщина, работавшая вместе с нами, пригласила на ночлег в трехэтажный каменный дом.

На следующее утро мы, как всегда, отправились на работу. Но не нашли нашу бригаду! Мы недоумевали, куда мог подеваться весь народ? Но вскоре все прояснилось. К нам подбежал военный и стал кричать. Мы же ничего не могли понять. И, плача, показывали на дом, в котором ночевали.

– Бегите, догоняйте колонну. Фашисты совсем близко!

Мы бросились бежать вдоль железнодорожного полотна, а там уже шла перестрелка. Страх не было. Была только цель – догнать колонну. И мы ее догнали!

Под раскаты взрывов и свист шрапнели добежали до станции Толмачево, откуда отправлялся последний поезд.

Эпизод второй

После поездки под Лугу нас, 17-летних девочек, начальник штаба противовоздушной обороны ЖЭК-21, Анастасия Ивановна Иванова, послала учиться на улицу Халтурина в институт на двухмесячные курсы химической обороны.

После их окончания меня назначили командиром звена химической обороны. В

него входило 3 бойца. Все девушки. Одна дежурила в прачечной. Вторая – у рельса, подвешенного во дворе на площадке. Третья заняла пост у входа в прачечную. Я же находилась в штабе.

После отбоя воздушной тревоги отпустила бойцов по домам, а сама опять отправилась в штаб. Вдруг раздался взрыв. Дом содрогнулся от удара. Следом еще один взрыв. Это прорвался немецкий самолет и сбросил три бомбы. Первая взорвалась в кочегарке. Вторая не взорвалась. А вот третья попала на территорию тюрьмы. Там мы обнаружили погибшего часового.

Наш дом по Нижегородской улице (ныне Лебедева) находился как раз напротив тюрьмы. В это время мы были в штабе. Начальник Иванова безошибочно определила, что бомба попала в наш дом. Она послала меня и Олю узнать, так ли это.

Да, бомба прошла как раз через нашу квартиру. Хорошо, что у нас в коридоре на сундуке лежал мешок с дровами. Его волной втянуло в пробоину. И когда из комнат выходили жильцы, в их числе и моя мама, то сразу натыкались на мешок с дровами. Получилось так, что мешок спас многие жизни.

А бомба не взорвалась. Она застряла между третьим и вторым этажами. Срочно были вызваны саперы. Всех людей эвакуировали. А бомбу извлекли, погрузили на грузовик и вывезли. И только после этого жители снова вернулись домой.

Эпизод третий

Тетя Оля (мамина сестра) лежит опухшая от голода. Она уже потеряла шестимесячную дочь Галю. А пятилетняя Раечка плачет и, растягивая слова, просит есть.

В соседней комнате жила женщина с тремя детьми. Мальчик девяти лет умер от

голода, а пятилетняя Инга тоже плачет и просит есть. Мать ничем не может помочь своему ребенку. Она тупо смотрит на труп сына. В нашей квартире стоял такой холод, что покойники не разлагались.

Тетя Оля умерла. Раю эвакуировали вместе с отцом. В апреле 42-го уехала и соседка с двумя детьми. В это же время и нам прислали повестки на эвакуацию.

Эпизод четвертый

Шел 1943 год. Мы с сестрой в эвакуации в Омской области, в деревне Крупянка. К нашей знакомой в отпуск приехал брат – летчик. За разговором мы вспоминаем, что где-то в Псковской области есть родной нам человек. Летчик решил помочь и дал адрес партизанского отряда. Он когда-то сбрасывал им продукты. И, о чудо! На письмо получаем ответ. Оказывается, подруга жива и она в этом отряде.

«Блокадный ужин». Жульцева Ирина. Школа №619.

Никогда не встречайтесь с войной!

Ольга Петровна КОНДРАТЬЕВА

Я не назову точные даты тех событий, которые опишу, а спросить у родных не могу, так как все они уже ушли из жизни.

Помню, что нас, ребят, брали с собой взрослые дежурить на крышу дома. Жили мы тогда на Петроградской стороне: улица Рыбацкая, дом 15. Бомбежек не боялись, наверное, быстро привыкли к ним. Я даже не знала, где находится наше бомбоубежище. Во время очередного обстрела мы просто выходили в парадный подъезд. Однажды у нас на глазах дом напротив рассыпался, как карточный: в него попала бомба. И только на одной оставшейся стене висело чудом уцелевшее зеркало.

Школа не работала, света и воды уже не было. Наш дворник дядя Леша больше не метет улицу, теперь он подбирает трупы и увозит их куда-то.

Но дома у нас было все не так и плохо. Мы жили в тепле, так как отопление было печное. Из четырех комнат перебрались в одну, чтобы расходовать меньше дров.

Зимой к нам зашел управдом с людьми в военной форме. Из наших комнат сделали боевой плацдарм. Рамы из окон, выходящих на Малый проспект, были выставлены, проемы заделаны кирпичной кладкой с бойницами. Закатили пушки. Ожидали уличных боев.

А нашей семье предложили занять любую пустующую квартиру. Но мама отказалась. Мы перенесли все вещи в кухню, закрыли ее на висячий замок. И переехали к тете в Шувалово.

Теперь за хлебом приходилось ходить очень далеко.

Булочная была где-то за озером. Ходили мы вместе с братом Женькой. Вдвоем не так страшно. Я прятала хлеб под пальто и несла его на груди. Он брал с собой топорик, боялся, что на нас нападут и отнимут драгоценный груз.

Родители делали все, чтобы не дать нам погибнуть. Папа служил командиром огнеметной точки на Средней Рогатке. Там на полях под снегом оставались капустные кочерыжки, которые он собирал для нас. Помню, как мама с саночками из Шувалова шла пешком к нему, чтобы забрать эту скудную провизию. День туда, день обратно. Приходила едва живая и падала в кровать.

Однажды мама привезла мешок жмыхов и отходы от сыромятных ремней. Из всего этого варили жуткую бурду и заправляли олифой. Шикарное подспорье к блокадной норме – 125 грамм хлеба.

Правда, наши взрослые были полными дистрофиками с опухшими лицами и раздутыми ногами. У всех шатались зубы: началась цинга. В моих роскошных волосах завелись вши. Выбора не было, и косу пришлось обстричь.

В семье нас было семь человек: бабушка и две ее дочки, мамыны сестры, мои тетуш-

ки. И два моих брата, двоюродному, старшему Евгению было пятнадцать лет, родному младшему, Юрочке, только два, мне – десять. Но всю работу по дому выполняли мы с Женей. Ходили за водой, кололи и пилили дрова, топили плиту и печку.

Вечером нас закутывали в одеяла, к ногам ставили раскаленные чугунные утюги (они долго остывали), а мы согревались и слушали, как старшие читают книги. Комнату освещала коптилка, так брат при этой коптилке за зиму вышил портьеры! А я научилась вязать на крючке и спицах.

Пришла весна, и мы стали готовиться к огородным работам. Вместо сожженного забора натянули колючую проволоку. Посадили свеклу, морковку и еще какую-то зелень.

Это мы с братом Женей и нашей любимой кошкой Кутькой, которую мы съели в блокаду.

А пока все это росло, собирали и ели крапиву, лебеду, мяту. После снятия блокады мы могли вернуться в свою квартиру. Все вещи сохранились, а вот полы были проломлены колесами орудий, и из-за лопнувших труб

Дом в Шувалово на улице Корякова. В этом доме наша семья пережила блокаду.

было сыро и грязно. Переехала только мама и сразу стала приводить дом в порядок, а я осталась в Шувалово.

День Победы я встретила ученицей 7-го класса. Какое было ликование! Я никогда больше не видела таких счастливых людей, рыдающих и смеющихся одновременно. А вечером был салют невероятной красоты.

Как могла жить наша семья после войны? Как и многие семьи, у которых погибли все мужчины.

Зимой 1942 года погиб мой отец, а в июле старший брат попал под трамвай. Мои тетушки, как и мама, тоже овдовели.

Благодаря дружбе и единству, в нашей семье я и Юрий выучились, получили высшее образование. Сейчас мне 74 года, из них 44 – мой трудовой стаж. Я начинала свой трудовой путь с рядового экономиста, а на пенсию ушла в 69, с должности заместителя директора по экономическим вопросам крупной мебельной фабрики. И в своих сотрудниках ценила патриотизм и преданность делу.

От всей души желаю нынешнему поколению никогда не встречаться с войной и с теми ужасами, которые ей сопутствуют!

Лилия Васильевна КОННОВА

Все 900 дней и ночей Лилия Коннова про- жила в блокадном городе. Фашистские само- леты сбрасывали на него огромное количест- во листовок. Все они были на русском языке и призывали переходить на сторону немцев, говорили, что город со дня на день будет взят. Она подбирала эти листовки и выбра- сывала.

В памяти школьницы отпечатывались одно за другим события тех дней. Именно в это время девочка решила: закончится вой- на – поступлю в Театральный институт.

Артисты, выступавшие зимой 1942 года в Театре музыкальной комедии, потрясли Лилию. Эти самоотверженные люди вселяли надежду в ленинградцев.

Поздее многие годы она играла на сцене Театра музыкальной комедии.

Свои воспоминания о войне Лилия Васи- льевна отразила на бумаге, написав, как она говорит, блокадный дневник.

****

Воды нет, дров нет, еды тоже. Мы с ма- мой ходим на Неву. Там прорубь, люди опус- каются на колени и черпают оттуда воду. Некоторые падают, не в силах подняться. Все помогают друг другу. Обрато мы идем осторожно и сосредоточенно. Несем бидон- чик и кастрюльку. Главное – не пролить ни капли.

****

Двор нашего дома, проспект Шаумяна, 2. Там траншея. В ней прячемся от обстрелов. Темно, сыро и жутковато.

Я села на что-то мягкое. А когда кончи- лась бомбежка и стало светать, увидела, что сижу на трупе, завернутом в одеяло.

****

Весь хлеб у нас «забран». Съели на три дня вперед. Бегала, искала булочную. На- шла на Суворовском. Когда выходила, ко мне подбежала женщина, выхватила у меня хлеб, а это – 250 граммов! Она упала на зем- лю и стала жадно есть. Люди набросились на нее, били, а она все равно не отдавала мой кусок, терпела и ела, ела. Я заплакала от го- лода и от обиды.

****

Казалось бы, никто ничего не боится. Мысли все о еде. Голод заставляет совершать поступки, на которые сытый человек никог- да бы не осмелился. Но ведь в это тяжелое время работает Театр музыкальной комедии. Выступает Клавдия Шульженко. На сцене стройная, очень красивая блондинка, испол- няет песню «Синий платочек». Точно реши- ла: стану актрисой!

****

Теперь я и мои одноклассницы выступаем в госпитале. Читаем раненым стихи и поем песни. Особенно хорошо у меня получается «Катюша».

****

Война закончилась. На нашей улице работают немцы. Ходят по квартирам, предлагают вещи, сделанные своими руками.

У одного из них мы, жильцы огромной коммуналки, покупаем доски для стирки белья. Взрослые угощают его папиросами, подкармливают супом и хлебом, а он открывает свое портмоне и показывает фотографию жены и детей. Это снимок семьи – все, что осталось от прежней жизни.

Ненависти к этому человеку я не испытываю, хотя мой папа, командир роты, погиб в 1942 на Ленинградском фронте.

Марина Акатова

В то страшное время

Галина Прохоровна КОЗЛОВА

Ленинград в кольце блокады. У нас на руках повестка на эвакуацию.

Ладога. Знаменитая дорога жизни. На берегу толпа народа. Мы с мамой тоже ждем своей очереди. Только что отошла баржа с детьми.

И вдруг – обстрел! В воздухе режут немецкие самолеты. Мгновение, и на воде плавают только детские панамки. Женщины, стоявшие на берегу, замерли от ужаса. Мама прижимает меня к груди.

– Мы остаемся. Умирать – так у себя дома!

Началось наступление немцев. Наша поселковая улица во Всеволожске постепенно опустела. Хозяева покидали свои дома. В некоторые из них вселились новые жильцы – беженцы из Прибалтики.

У нас в доме большая собака-водолаз и кошка Катя. По соседству жила женщина с маленьким сыночком. Когда ей стало нечем

кормить ребенка, она упросила маму отдать ей собаку. Малыш выжил, а его мать умерла. Ребенка мы определили в детский дом. После войны вернулся с фронта отец мальчика и забрал сына.

Кошку Катю тоже хотели съесть. Чего только за нее ни предлагали – даже елочные игрушки. Но Катю я никому не отдала. А через некоторое время кошка все равно пропала. Это было в самом начале страшного голода.

Как и у всех блокадных ребят – детства у нас не было. Я вместе со своими подругами, Люсей и Зоей, пережила немало ужасных и страшных дней. Холод. Голод. Постоянные бомбежки. Смерть близких.

Зоя росла в большой семье – четверо детей. Из всех выжила только она. Люсю привезли во Всеволожск к тете, ее мама умерла.

Вспоминаю кошмарную историю. Март. Мы, девчонки, вышли погулять. Это куда приятнее, чем сидеть в вымерзшем доме. И вот мы идем по дороге. Снег тает и тут же подмерзает снова. Навстречу мужчина и женщина. По их разговору мы поняли, что они хотят на нас напасть. Совсем невесомые, еле передвигая ноги по скользкой дороге, мы все-таки сумели убежать.

После этого случая мама пошла в школу и упросила учительницу принять меня в класс. Оставлять одну страшно.

Так я в шесть лет блокадной весной стала школьницей. А в самые холодные дни мы с подругами ходили заниматься к учительнице домой.

Теперь мы живем далеко друг от друга. Но все послевоенные годы мы продолжаем встречаться. Вспоминая то страшное время, всегда плачем, хотя в жизни люди крепкого характера.

Мы были комсомольцами

Зинаида Тихоновна КОЛЕСОВА

В августе 1939 года я приехала в Ленинград из Калининской области и поступила в ФЗУ при фабрике Рот-Фронт.

Но началась война, и нас выпустили из училища досрочно. Требовались рабочие руки. Мне в ту пору не было и 18-ти. Мы кроили комбинезоны для летчиков. За брак очень наказывали. В первые дни войны ездили рыть окопы к Волкову кладбищу. Когда начались бомбежки, готовили у Литейного моста казармы под госпиталь.

В октябре нас отправили на лесозаготовку. Вначале в поселок Рахья, а затем на станцию Проба. В декабре-январе стояли сильные морозы. Люди умирали от холода и голода. Военные отказались нас кормить, они предложили тем, кто может двигаться, возвращаться в город.

Рано утром мы вышли со станции Проба и пешком по шпалам к вечеру добрались до больницы им. Мечникова. Из двенадцати девочек дошли только шестеро. Мне надо было идти дальше, в общежитие к Смольному, через Охтинский мост. Наступила ночь, без пропуска через мост не пускали, но мне удалось проскочить.

Вернулась на фабрику, там получила шестидневную порцию хлеба, немного придя в себя, решила разыскать родственников. К сожалению, на Васильевском меня ожидало печальное известие. Все умерли, кроме тети, которая жила на Садовой. Она как

могла, поддерживала меня в это трудное время.

С фабрики пришлось уволиться. Далеко не дойти. Да к тому же ее переделали под госпиталь.

Так как я оканчивала курсы медсестер, военкомат хотел отправить меня на фронт. Но на лесозаготовке я сильно простыла и стала терять слух, поэтому меня оставили в городе.

Мы были комсомольцами и выполняли задания райисполкома. Ходили по квартирам, подбирали осиротевших детей. Выносили мертвых и грузили их на машины. А к весне приводили в порядок улицы и дворы нашего города.

В мае 1942-го меня направили на аэродромы в Янино, Колтуши, Кудрово, Лисий нос на строительство ангаров. В этом же году, в ноябре, я встретила своего будущего мужа. Поженились же мы только в 1944 году. Но наше счастье длилось не долго. На второй день после бракосочетания он был сбит над Финляндией и там же похоронен.

А 27 сентября 43-го года в Кудрово нам вручали медали «За оборону Ленинграда».

После тяжелой полостной операции работу на аэродроме пришлось оставить. Трудилась в городе на подхвате.

День Победы я встретила на лесоповале на реке Свирь, в Лодейном поле. Там я пробыла два месяца и вернулась оттуда инвалидом в 23 года.

В Ленинград приехала летом 1941-го

Галина Тимофеевна КОШЕЛЕВА (ОБУХОВА)

Галя Обухова приехала в Ленинград летом 1941 года из Павловска. К его окрестностям уже подбирались немцы.

Пришлось бросить работу в парикмахерской рядом с вокзалом, где она к двадцати годам стала перворядным мастером.

На первое время девушку приютила двоюродная сестра Серафима. Так что война для Галины началась как и для большинства ленинградцев. Сначала отправилась рыть окопы, потом тушила зажигалки на крыше дома, помогала эвакуировать население.

Знакомый управдом пообещал предоставить жилье, но время шло, а обещанная помощь не приходила. Тогда девушка отправилась в парикмахерское управление. Молодому специалисту обязательно найдет-

ся работа. Но начальник управления только развел руками.

- Не знаю, миленькая, куда тебя пристроить. Все парикмахерские закрыты.

И все-таки место нашлось. На самой окраине города, в районе Лахты была большая по тем временам парикмахерская - пять кресел.

Заведующая приветливым нравом не отличалась. Она отвела девушке маленькую комнатку, а на то, что из всех вещей у нее только чемоданчик с инструментами, не обратила внимания.

Выручил случай. В парикмахерскую приходило много военных из госпиталя, который находился по соседству.

Начальник госпиталя майор Еремчук попросил молодого мастера придти к ним поработать. Каждый день Галина трудилась в госпитале. Раненых было много, всех вновь поступивших нужно постричь и побрить. В благодарность за работу повариха Таня наливала жиденького больничного супчику. А иногда и сами больные угощали девушку сухариками.

- А Еремчук, дай бог ему здоровья, увидев, что у меня нет теплых вещей, вызвал старшину. Тот подобрал и сапожки, и фуфайку, и даже шапчонку - вспоминает Галина Тимофеевна.

Так в Лахте Галя проработала до 42-го года, а в 42-ом ушла на Ленинградский фронт. Работала при санитарной части.

У Галины Тимофеевны две внучки. Она надеется, что они никогда не узнают, что такое война.

Моя победа

Екатерина Ивановна КУЗНЕЦОВА

Я с двоюродными сестрами была на детском сеансе в кинотеатре «Форум» на 7-й линии. Смотрели «Дело Артамоновых». Запомнился только праздничный стол с разными блюдами и танцующая на нем невеста.

Когда мы вышли на улицу, нас ждала страшная новость. Мужской голос объявил по репродуктору: «Началась война!» На улице стало тихо. Никто не двигался и не разговаривал.

Помню, как первая бомба попала в дом, который стоял рядом с нашим. У нас задрожали стены, попадали вещи.

Но мы не испугались. Страшно стало, когда кончились продукты. А припасов мы не заготовили.

Отец все время был в командировках по делам Кировского завода. Он лишь раз заехал к нам, но помочь ничем не смог.

Было голодно, и все время хотелось есть.

Вскоре приехала мама, привезла сводного брата Павлика и оставила у нас. Хотела пойти на фронт, но ей отказали. Сыну не было еще трех лет. И она осталась в 1-ом медицинском институте на хирургии, на казарменном положении.

Братишку пристроили в ясли. Я же день проводила в институте, а вечером уходила к брату. На ночь воспитатель закрывала нас в комнате, и мы оставались вдвоем.

Жить было очень тяжело, и в начале января 1942 я уже с трудом ходила.

Мама отправила нас на Васильевский остров к бабушке.

Шестого февраля умер Павлик.

Весной слегла бабушка. И чтобы выжить, приходилось заставлять себя двигаться.

Я отстаивала очереди за хлебом, приносила воду. А потом стала доходить и до института.

Мама давала еду, а я все относила домой. Кормила бабушку. Так я помогла ей выжить.

На частые бомбежки внимания уже не обращала.

Но были в дни войны и светлые моменты. В мае начали ходить трамваи.

Помню, проехала одну остановку, от бани до Первой линии. Вышла и почувствовала себя такой счастливой! А баня! Какое чудо! Вода из крана лилась почти холодной, чуть-чуть теплой.

Но кое-как я помылась. Описать это было невозможно – трамвай и баня!

Бабушка стала поправляться, начала ходить по квартире.

Все это: баня, трамвай, а главное – живая бабушка Оля – большая победа для меня в этой войне!

Екатерина Андреева

Формула ленинградцев

Людмила Петровна КУЛЬБАХ

*Еще до войны
На земле говорили:
Всегда и везде
Различишь Ленинградца.
Он славен.
Он был человеком блокады,
Держал оборону
Без хлеба и света*

Анатолий Чепуров

Мои воспоминания не об ужасах войны, а о тех уникальных людях, благодаря которым наш город выжил.

Все 900 дней мы с мамой жили в блокадном Ленинграде! И хотя я была совсем маленькой девочкой, войну помню, помню героических людей. Падая от голода и усталости, они продолжали работать, приходили на помощь друг другу.

Читателям сегодняшним рассказывают много страшного о том времени, а важно знать другое...

...Я осталась единственным ребенком на весь наш многоквартирный дом. Смольнинский район – самый прекрасный в нашем городе – теперь стал угрожающе тихим. На нашей Кирилловской улице, где прежде я играла с подругами, больше не звенели детские голоса. Да и взрослых не было видно – все взрослые в нашем доме работали, работали много, в буквальном смысле до потери сознания.

У нас в районе жил участковый милиционер – дядя Вася и немолодая дама, детский доктор... Они постоянно приходили ко мне, помогали, обогревали и, если могли, подкармливали. Сколько жизней ленинградских ребят спасли! Сколько развалин облазали, вынимая детей из разбомбленных домов или просто из пустых, вымерших квартир! А ведь они жили так же, как и все, получали те же самые блокадные скудные граммы. Помню соседку тетю Марину, она работала в госпитале где-то на Ржевке. Эта заботливая женщина опекала меня и, когда появлялась возможность, забирала меня с собой на дежурство.

И вот еще о чем хочу сказать. Ленинградцы без радио не могут. Оно у них всегда работает. Привычка с блокады. Когда по радио передавали и сводки Совинформбюро о делах на фронте, и наши городские известия, когда в эфире звучали голоса любимых ленинградских поэтов и корреспондентов: Берггольц, Маграчева, Макогоненко, становилось ясно – выстоим, победим!

Шаг к победе!

Генриэта Ивановна КУРИЦЫНА

В городе темно, в домах все окна замаскированы. И от этого ощущение, что вся страна погрузилась во мрак. Такой я запомнила войну в Ленинграде.

Нас, школьников, отправили в больницу Мечникова. Там мы работали при эвакуопункте. Встречали эшелоны с ранеными, дежурили в перевязочной, стирали бинты, мыли и переодевали солдат.

Помню, как наши военные заводили патефон. По госпиталю разносились любимые мелодии и начинались танцы. Какая выдержка и сила духа была у бойцов! Они не унывали, даже в это тяжелое время старались забыть о своих ранениях.

В самую голодную пору, зимой 42-го, слег мой брат. Он умер в феврале. Я завер-

нула его в простыню и отдала свою хлебную карточку, чтобы его увезли в морг.

Отец работал машинистом на паровозе, получал военный паек. Чтобы я окрепла, оправилась, он забрал меня к себе. Жили мы в вагончике, прицепленном к паровозу. Вскоре я тоже начала работать.

На станции Кушелевка был склад топлива. Мне приходилось колоть дрова, разгружать уголь. Физически работа была очень тяжелая. Как может девушка расколоть огромное метровое бревно?!

Трудиться приходилось до поздней ночи. И хотя с наступлением темноты практически ничего не было видно, но все равно паровозы загружали углем и дровами. И каждый рабочий знал, что его труд – шаг к победе!

В блокадном Ленинграде

Роза Степановна МАЛЫШЕВА

Перед войной мы с семьей жили на Выборгской стороне за кинотеатром «Гигант». Дома были в основном деревянные одно и двухэтажные. Но был и большой пятиэтажный, каменный. Когда-то эта территория входила в Полюстровский курорт, который создали в 19 веке на месте бывшей дачи Кушелевых-Безбородко.

Я плохо помню, как тогда выглядел район. Ведь в 1941 году мне исполнилось 4 года (я была младшая в семье). Но отдельные моменты блокадного быта запомнились отчетливо.

В 30-е годы мой отец, Степан Афанасьевич Малышев, окончил танковую школу и одно время даже преподавал в ней. Но потом, по семейным обстоятельствам, оставил военную службу и работал на заводе «Большевик», потом на «Арсенале». В начале войны отец решил уйти на фронт и даже записался добровольцем, но его оставили работать в литейном цехе «Арсенала». Вся наша семья тесно связана с этим заводом. Из нашей родни здесь работало 20 человек. Их общий трудовой стаж перевалил за двести лет.

В блокаду отец почти всё время проводил на заводе. А когда приходил домой, то приносил игрушки. Их отдавали ему рабочие, потерявшие своих детей. Одну из тех игрушек, маленького беленького медвежонка, мы бережно храним до сих пор.

Весной 1942 года отец потерял карточки (скорее всего, их у него украли), когда он шел с работы домой и упал в сугроб от голода и усталости. Нас спасло только то, что большая часть карточек была отоварена и то, что окружающие нас люди поделились с нами своими крохами.

Началась эвакуация. Должны были уехать и мы. Но так уж распорядилась судьба, что две наши попытки эвакуироваться оказались «неудачными». В первый раз, еще до начала блокады, за нами пришла машина. Но сестре стало плохо, и мама решила отложить отъезд.

1944 г. Роза Малышева.

Вторая попытка была предпринята в начале блокады. Но мы опять не смогли уехать. А потом выяснилось, что эшелон, на котором мы должны были эвакуироваться, разбомбили на станции Мга, а баржа потоплена в Ладожском озере. После этого родители приняли решение – никуда мы не поедим. «Уж если умирать, то всем вместе». Так мы и остались в осажденном городе. Как маме удалось сохранить всю семью – для меня загадка.

В одну из первых бомбежек в наш большой пятиэтажный дом попала бомба. Наша квартира тоже пострадала. В декабре 1941 года мы переехали к дяде моего отца в Парголово. Летом 1942 года после того, как отец заделал стену и утеплил квартиру, мы снова вернулись в город.

Весной 1942 года моей старшей сестре Нине исполнилось 16 лет, и она начала работать на фабрике имени Бебеля. Однажды, возвращаясь домой, попала под бомбежку. Недалеко от Финляндского вокзала, на углу улиц Лебедева и Комсомола, на неё упала балка дома. Сестра была контужена. Она стала брать работу домой. На машинке фирмы «Зингер», предназначенной для шитья тонких тканей, шили патронташи для гранат и бутылок с зажигательной смесью, сумки для противогазов, мешки для саперных лопаток. Сложенный брезент клали на

чугунный утюг и били по сгибам молотком. Эту работу поручили мне.

Часто, когда сестра шила, а я разбивала молотком ткань, другая сестра или брат, устроившись рядом с «буржуйкой», при свете коптилки читали книги. И какую книгу не возьми – везде про еду. Как будто люди только и делают, что едят и ничем больше не занимаются. Теперь-то я понимаю, что мы ничего другого в книгах и не замечали!

Даже в блокаду родители покупали книги и газеты. Не сожгли их в то тяжелое время! Несколько книг и газет, купленных в блокадном Ленинграде, хранятся у нас и теперь.

Наступил январь 1943 года. Блокаду прорвали, и нам даже стало казаться, что люди вокруг нас изменились. Все стали моложе и краше.

Я стала совсем большой. В феврале 1944 года мне исполнилось 7 лет. По меркам того времени – взрослый, самостоятельный человек.

Осенью 1944 года в первый раз в школу пошли «семилетки». До этого за парту садились с 8 лет. Моей сестре Любе и мне в школу приходилось ходить дальше других. Дело в том, что в соседних школах преподавали немецкий язык. Мы с сестрой не хотели его учить, а мама с пониманием отнеслась к этому. Поэтому и ходили в 150-ю, где иностранным языком был французский.

Из школьных лет хочу вспомнить один эпизод, связанный с войной. В конце улицы Жукова пленные немцы строили ТЭЦ. Их водили колонной по Кондратьевскому проспекту, как раз тогда, когда мы с Галей Сысоевой и моей сестрой шли в школу. Мы не хотели учить немецкий язык, но пленных немцев нам было жаль. И вот, три полуголодных девчонки делились с ними своим скудным завтраком.

Май 45 года... Все знали, что пришла Победа, ждали объявления. В наших квар-

1941 г. Малышевы Надежда Матвеевна и Степан Афанасьевич.

тирах никогда не выключали радио, и когда рано утром сообщили о Победе, мы все высыпали во двор. Я точно помню, что весна в том году была ранняя, и в мае все вокруг уже зеленело. Во всю цвели одуванчики, мать-и-мачеха. На тополях появились первые клейкие листочки. На яблонях, что росли в питомнике недалеко от наших домов и вдоль дорожек, проложенных к полуостровским ключам, уже набухли цветочные почки. Все вокруг радовались, обнимались, ликовали. Прыгали не только дети, но и взрослые. А за людей в военной форме становилось страшно. Их обнимали, целовали, тормошили, подкидывали в воздух. И я боялась, что их уронят, что они разобьются.

Вечером был салют. И все у кого имелось оружие, стреляли в воздух. Шум стоял – не слышно, что говорят рядом. Все что-то кричали, целовались, смеялись. И плакали...

Первое лето

Антонина Дмитриевна МАСЛОВА (ИВАНОВА)

Завершились занятия в школе. Я перешла в пятый класс и на летние каникулы вместе с крестной поехала на дачу в Тверскую область. Но мы даже не успели разобрать свои вещи, как по радио услышали объявление о войне. А уже на второй день над нашей деревней пролетел немецкий самолет и чуть не сбил трубу дома, в котором мы жили.

26-го июня крестная получила телеграмму. Ее отзывали из отпуска и просили вернуться на завод. Мы отправились на станцию Панино. Но когда мы подошли к кассе, оказалось, что детских билетов нет.

Выезжать разрешалось только взрослым. И если бы не тетина сообразительность, мы так никуда и не уехали. Недолго думая, она достала вещи из бельевой корзины и поместила меня туда. Так я в корзине и ехала до самого Ленинграда.

Но дома никого не застала. Папа ушел добровольцем на фронт. Мою сестру и двоюродного брата уже эвакуировали в Боро-

вичи. Мама была на оборонных работах в Ленинградской области. В городе остались только бабушка и дедушка.

Мы разузнали точное местонахождение сестры и брата. И я вместе с тетей поехала за ними. Как мы их оттуда вывозили, не помню. Запомнилось только, что наш состав сопровождал вражеский самолет. И все же мы целыми и невредимыми добрались до города.

В городе с каждым днем становилось все хуже и хуже. Голод и холод уносил жизни людей. И нас тоже не миновала эта беда. Первый ушел от нас мамин отец. А потом не стало и бабушки. А вскоре умерла и моя тетя. Она лежала в больнице Эрисмана. И даже супчик, который мы ей приносили, не помог.

Когда их не стало, отца отпустили на три дня домой. Он вызвал маму, к тому времени слег еще один наш дедушка. С ее приездом наша жизнь оживилась. Мы, как и все, возили воду на саночках с Невы. Топили печку, которую нам сложил отец. От папы приходили нас проведать военные, но не часто. Они приносили то продукты, то деньги.

Дедушка пошел на поправку. Но весной 42-го года пришла похоронка на моего отца. Мы остались вчетвером.

Потеплело. Мама где-то раздобыла семена капусты и моркови, разбила огород. В госпитале, где она работала, ей дали несколько картошин. А я с сестрой ходила в парк Ленина, собирала траву, рвала листья с деревьев и что-то из этого готовила. Так мы просуществовали до сентября 1942 года.

Детский садик на Кировском проспекте, который посещала моя сестра эвакуировался. И я уехала вместе с сестрой. Нас посадили в поезд и привезли на станцию Карасук, а потом в село Краснозерское. Там мы немного ожили. Ведь некоторые дети не в состоянии были передвигаться самостоятельно-

но, и их пришлось переносить на носилках. Но все равно нам казалось, что мы никогда не наедемся. И мы продолжали собирать на полях мерзлые кочерыжки и есть их.

Нас было 150 детей, и почти все выжили. Учились и выступали в клубе и по радио. Нас снабжали продуктами, да и мы, кто постарше, не тратили время даром. Помогали взрослым на кухне. Возили на быках с речки воду. А весной нам выделили немного земли, на ней посадили просо. Обрабатывали участок и ухаживали за ним сами.

Стали забывать про бомбежки, но не забывали о родных. Ведь наша мама осталась

в Ленинграде. У остальных детей родственники находились в разных городах, воевали на фронте. В нашей комнате висела карта, отыскивая на ней Ленинград, представляли наш дом, нашу улицу.

А когда объявили об окончании войны, я думала, что наши сердечки не выдержат.

К этому времени уже закончились школьные экзамены. Семилетка осталась позади. Стали приходить запросы от родителей. Все готовились к возвращению домой. Пережитые страхи постепенно уходили на второй план.

Начиналась мирная жизнь.

Это забыть невозможно

Надежда Михайловна НИКОЛАЕВА

1943 год. Фотография с пропуска на завод.

Лето. Самая прекрасная пора для школьников. Занятия завершены. Можно часами гонять мяч или загорать. Ребята покидали город, отправлялись в пионерские лагеря. И я с братом поехала в один из таких лагерей. Но об отдыхе пришлось забыть. В нашу беззаботную жизнь ворвалась война.

Начались бомбежки. Всех детей посадили в багажные вагоны и отправили в Боровичи. Временно поселили в школе. Но немцы уже наступали на Москву, и детей решили вернуть в Ленинград. За нами приехал отец. Три дня не могли выехать. И, наконец, мы едем домой.

Сидим в теплушках на соломе, тесно прижавшись друг к другу. Есть было нечего. Впереди идущий поезд бомбили. В щели вагона мы увидели страшную картину: по обочинам лежали трупы детей и взрослых. Стало страшно – ведь мы впервые столкнулись со смертью.

Таким было наше возвращение в Ленинград.

Город готовился к войне. Ребят, оставшихся в нашем доме, собрал управхоз. Мы получили инструкции и начали дежурить в бомбоубежищах и на крышах во время налетов. Носили песок и воду для того, чтобы тушить зажигательные бомбы. За это время мы резко повзрослели.

22 декабря 1941 года от голода умер мой отец. Брата отправили в эвакуацию с детским домом, а мы с мамой и сестрой остались в городе.

Родители друзей уходили на фронт. На заводах к их рабочим станкам вставали подростки. И я, как большинство моих сверстников, устроилась фрезеровщицей на завод имени Кулакова.

Паспорта у меня еще не было, всего 14 лет летом исполнилось. Пришлось сдать свидетельство о рождении. В нашей бригаде сплошь молодые ребята. Работать приходилось очень много. Завод выпускал автоматы, нам же приходилось их пристре-

Память сердца

ливать. Для этого выезжали куда-то за город в закрытый тир.

Мы были на казарменном положении. Жили прямо на заводе. Спали по очереди в раздевалке на ремнях от станков. В цеху только два взрослых человека – мастер и бригадир. Они опекали нас, как родители. Мастер маленького роста, очень энергичный и решительный. Мы прозвали его Карандашом, по аналогии с любимым клоуном.

В те дни, когда нас с сестрой отпускали домой, мы топили печку. Ее сложил отец, когда еще был жив. Труба выведена в форточку, поэтому дыма в комнате никогда не было. Эта печурка согревала всю нашу квартиру! Помню, как я притащила столб от забора. Это была большая удача – к этому моменту всю свою мебель мы уже сожгли.

После смерти мамы мы перестали возвращаться домой. Теперь нашей семьей стал завод, где жили дружно, объединенные одной мечтой о конце блокады. Когда в цеху отключали свет, машины прекращали ра-

ботать, а от мороза замерзала эмульсия. У нас начинались танцы. От этого становилось теплее, и на время забывалась война.

Наступила весна 1943 года, надо было чистить город. И подростки опять не отставали от взрослых. Кололи лед, чистили дороги, вывозили трупы из квартир.

На заводе к супу из лебеды прибавилось еще одно блюдо – шроты. Но все равно постоянно хотелось есть. И прямо под обстрелами немцев выкапывали на поле, на Средней рогатке, картошку. Найти десяток – большое счастье.

Этой же весной я заболела желтухой, болела очень тяжело и долго. Никто не думал, что выживу. Но я все-таки выздоровела.

Помогли ребята с завода, они делились своим пайком, подкармливали меня. Выжить в это сложное время нам помогла дружба. Выстоять – мечта о снятии блокады. Как радовались мы 27 января! Плакали, смеялись, обнимались и целовались. Это забыть невозможно!

«Блокадный хлеб». Безродный Роман. 192 гимназия.

Праздник врагу не испортить

Валентина Владимировна ПОЛЕЖАЕВА (ЧЕЛОВА)

До войны у нас была большая семья – семнадцать человек. Жили дружно. Все праздники старались встречать вместе. Получалась шумная и очень веселая компания.

После войны за праздничным столом собралось только семь человек. Остальные погибли. Я могу позабыть, что было вчера, но все, что касается войны, помню очень хорошо. События тех дней как кусочки лоскутного одеяла – складываются из маленьких историй.

***

Я была уже достаточно большая, и мне доверяли самое важное – ходить за хлебом. Старалась приходить пораньше, иногда помогала работникам булочной. Подвозила хлеб на саночках. Держу в руках маленькие кусочки блокадного хлеба и думаю: после войны у меня обязательно будет много муки

и подсолнечного масла. Сколько блинов я тогда напеку!

У моей бабушки было восемь детей. Самому младшему, дяде Коле, тогда исполнилось двадцать, старше меня всего на пять лет. Мы с ним крепко дружили.

И вот его забирают на фронт. Я и его сестра тетя Шура пришли к нему в воинскую часть.

– Знаете что, девчонки, принесите мне махорки, – попросил нас Николай.

Просьбу выполнили, выменяли целых четыре пачки!

На следующие утро снова поехали к дяде в воинскую часть, привезли ему махорку. Но мы опоздали, ночью всех новобранцев увезли на фронт. Больше мы нашего Колю не видели. Рядовой Николай Голубев погиб под Синявино.

Моя тетя Прасковья Степановна Голубева, одна из моих любимых тетушек. Всю блокаду она провела в Ленинграде.

* * *

Праздничный стол накрыли белой, хорошо крахмаленной скатертью. На столе стояла ваза, в нее мы, дети, сложили елочные игрушки в виде фруктов. Там яблоки, груши и даже апельсины. Рядом с вазой – пузатый самовар, в нем сладкая бурда – вода с сахарином. Бабушка разложила кашу

по тарелкам, получилось по ложке каждому. Наша семья села за стол. У нас праздник – встречаем новый, 1942 год.

Ровно в двенадцать начинается налет. На улице все свистит и клокочет, дрожат оконные стекла. Мы сидим за столом, разговариваем, шутим. У нас праздник, и врагу его не испортить!

Это довоенная фотография нашей семьи, семьи Голубевых. На этой карточке мои бабушка и дедушка Степан Иванович и Евдокия Яковлевна, мои тетушки: Ирина Михайловна и Александра Михайловна – тетья Шура, и маленький Коля.

Вспоминая пережитое

Надежда Федоровна НИКОЛАЕВА

Когда началась война, всех учеников нашей школы собрали вместе с преподавателями и отправили в Кингесепп рыть окопы. Почти сразу начались бомбежки и обстрелы с самолетов.

Мы возвратились в город, где тоже было беспокойно. Дежурили на крыше школы, сбрасывали зажигалки.

Взрослые уходили на фронт, рабочих рук не хватало, и тогда к станкам вставали подростки. И я в 1942 году устроилась на Кировский завод учеником слесаря. А также освоила профессии сверловщика и токаря. Со мной рядом трудились учащиеся ремесленного училища.

Немцы регулярно бомбили, но мы не обращали на это внимание и продолжали работать прямо под открытым небом. Чтобы немного согреться, жгли костры. Наша смена продолжалась по 12 часов. Выходных не было, а порой по несколько дней не покида-

ли цех. Несмотря на голод и холод, выполняли, а порой и перевыполняли норму.

Однажды во время очередного налета, я была ранена и оказалась на больничной койке. Для поддержания ослабленного организма врачи посоветовали есть побольше сладкого. И тогда ребята, с которыми я работала, стали приносить мне свой сахар.

В нашем доме жил сосед по фамилии Сажухвалов. Он находился на казарменном положении и предложил нам поселиться в его квартире. Отдал свои дрова, которыми мы отапливали холодные помещения. На огне топили снег, грели воду. Это помогло нам выжить в военные годы.

Люди были добрыми и помогали друг другу. Хотелось бы, чтобы и в наше время было побольше таких людей. А главное, чтобы новое поколение никогда не испытало тех ужасов войны, которые пришлось пережить нам.

Татьяна Николаевна ОВЧИННИКОВА

Мне сейчас за семьдесят. Прожита большая жизнь. Вспоминается многое. Но особенно отложились в памяти военные годы. Мне в ту пору было всего 9 лет. Наша семья жила в Смольнинском районе, в небольшом доме на Дегтярном переулке. Это был чудесный дом. Все соседи дружили между собой. Помню школу. В ее стенах кипела интересная жизнь. До войны ученики устраивали праздники и спектакли, с которыми выступали в Таврическом саду.

И вот в нашу беззаботную детскую жизнь вмешалась война. Сначала меня отправили в эвакуацию вместе со школой. Но почему-то всех детей вернули назад. Было страшно, город бомбили. Занятия в школе все время прерывались, и мы спускались в бомбоубежище. Мама работала в гостинице «Октябрьская», и я, сестра и брат какое-то время там жили в бомбоубежище вместе с другими детьми сотрудников. Позже из гостиницы сделали стационар, в котором спасали умирающих от голода людей. Мама дежурила возле них сутками. Меня брала с собой на работу. Домой возвращались поздно. Было темно, кругом все разрушено и по улицам ходили какие-то странные люди. Папа был начальником пожарной охраны на заводе. Там выдавали напиток из сосны, который спасал от цинги, и жмыхи от клюквы. Жмыхи нам, детям, казались лакомством.

Ели всё: студень из столярного клея, лепешки из вымоченной горчицы, иногда маме в госпитале отдавали картофельные очистки. Но этого было все равно мало, и я настолько ослабла, что перестала ходить. На мне лежала любимая кошка, а под боком старший брат. Мы умирали. Отец при-

носил какой-то суп, грел его на буржуйке и подкармливал нас. Сейчас я понимаю, что весь свой паек он приносил домой.

Но долго он не продержался, весной 27 апреля 42-го года отца не стало. Похоронить его помог завод. Нам дали лошадь, сделали гроб. Откуда тогда могла взяться лошадь – не знаю. Похоронили его на Охтинском кладбище. Перед майскими праздниками маме на службе выдали водку и папиросы, которыми мы и расплатились с могильщиками. Но окончательно рассчитаться с ними мы так и не смогли. Со временем его могила затерялась. Сейчас я езжу на кладбище одна. От остальных только кланяюсь.

Наш дом на Дегтярном давно расселили, и мы живем далеко друг от друга. Но часто вспоминаем то время, блокадный Ленинград.

Что помогло нам тогда выжить? Наверное то, что в июле 42-го нас с мамой и братом эвакуировали. А старшая сестра все таки осталась в Ленинграде. Она была военным чертежником-картографом и не имела права на выезд. Мама так переживала за нее, что перед отъездом даже сходила к ее начальнику, попросила присмотреть за дочкой.

Ленинградцев спасала взаимовыручка. У моей сестры была подруга, ее отец всю блокаду шил обмундирование для военных. Ему полагался специальный паек, часть которого он отдавал моей сестре. Я до сих пор не могу понять, когда мы перебирались через Ладожское озеро и нас бомбили, мы больше переживали за себя или за тех, кто остался в осажденном Ленинграде.

Юный боец трудового фронта

Виктор Дмитриевич САМОУМОВ

В страшные дни войны многие мальчишки и девчонки сменили у заводских станков ушедших на фронт родителей. Витя Самоумов тоже начал работать в те суровые годы.

С 14 лет он учился в ремесленном училище № 43 при Лесотехнической академии. Вспоминает, что практически сразу начались бомбежки.

– Нашу столовую перенесли в небольшое деревянное здание недалеко от Выборгского дома культуры. Добираться туда приходилось пешком. А однажды смотрим, а здание разбомбили. В потолке дырка, повсюду висят макароны. Нас кое-как покормили и отправили обратно на Сердобольскую учиться.

Ребята выполняли для фронта небольшие заказы, которые были им по силам. Так, однажды в училище прибыла машина, полная замков. К каждому из них требовалось сделать по два ключа. И, несмотря на то, что

учеников оставалось совсем мало, заказ они выполнили.

Чуть больше месяца Виктор провел в финской деревеньке под Ленинградом, всего в 2 км от фронта. Рыл окопы. Вражеские самолеты пролетали прямо над головой!

Постепенно Ленинград пустел. Готовился к эвакуации и Виктор. Две недели он прожил в общежитии в районе нынешней площади Мужества, ожидая, когда появится транспорт, но всех распустили по домам. Машин для эвакуации не было.

От голода юноша заболел, не мог ходить и два месяца пролежал в кровати. Выжить помогло опять-таки ремесленное училище.

Карточек ученикам не полагалось, продукты выдавали сухим пайком.

– Старшая сестренка с трудом (ноги были стерты в кровь) ходила получать паек с Костромского проспекта, где мы жили, к Кантемировскому мосту. А там и крупа, и печени немного, даже масла чуть-чуть. Это очень поддерживало нашу семью, потому что в январе пропал хлеб, вместо него стали выдавать муку. А нас четверо: я, две сестры и мать.

Виктор стал поправляться. Встав в первый раз с кровати, он отправился к колодезю за водой. Принес совсем чуть-чуть, не больше чашки. Вся семья собралась у окна и наблюдала за ним. На глазах у родных блеснули слезы. Не могли поверить, что выжил!

Когда юноша окончил училище, его направили сборщиком на станкостроительный завод имени Ильича. Он стал слесарем-станочником. Так для Виктора Дмитриевича начались нелегкие годы военных трудовых вахт.

В 43 году Виктор стал бригадиром. Теперь в его подчинении было 5-6 человек. Ра-

ботали помногу, по 10–12 часов. А после, голодные, шли ломать на дрова деревянные дома, разгружать вагоны с бревнами. Правда, официально оформили только спустя 3 ме-

сяца. До сих пор хранится в семейном архиве метрика, в которой стоит штамп: «Принят на работу 4 июля 1942 года».

Антонина Бойцова

1943 год. Встали к станкам мальчишки. Слева направо: второй Витя Самоумов.

Воинское звание - лейтенант

Евдокия Ефимовна РУЛЬКОВА

Уже целую неделю шла война. Конечно, мы тогда не могли даже и представить, что нас ждет. Это было только началом череды испытаний, уготованных нам.

Я уже окончила техникум. Меня призывали в армию как медицинского работника. В здании, в котором до войны находилось немецкое консульство, открыли госпиталь № 919. Именно там 16 сентября и началась моя служба палатной медсестрой, воинское звание – лейтенант.

Началась блокада.

Буквально через несколько дней наш госпиталь был переполнен ранеными. Приходилось работать по двое суток подряд из-за нехватки персонала. Трудились, не жалея собственных сил. Об отдыхе не могло быть и речи. Очень тяжело было...

При коптилках перевязывали, делали уколы. Постоянно чего-то не хватало, даже белья. И раненым приходилось ходить в том, в чем они поступали.

Позже наш госпиталь передали 13-й воздушной армии. Теперь принимали только летный состав. Отношение к летчикам в войну было особым, а требования к качеству лечения – самыми высокими. Больные были тяжелые, часто обожженные. Для таких пациентов отводили отдельные палаты.

Страшный 42-ой. Мы ломали пустые деревянные дома, пилили и кололи дрова, носили воду с Невы. Тогда я уже думала, что блокада никогда не закончится.

Праздником стал первый прорыв в 1943, но как было еще далеко до полного освобождения от проклятого кольца!

Салют 1944. Мы все вылезли на крышу госпиталя. Верили и одновременно не верили, плакали и смеялись.

И день Победы – это незабываемо... Медаль «За оборону Ленинграда» стала самой дорогой для меня наградой. Как и сама долгожданная для всех Победа!

Вера Петровна САВИЦКАЯ

Хорошо помню ночь с 8 на 9-ое сентября 1941 года. Сильно бомбили город. Горели Бадаевские склады. По небу стелился черный дым. Я с другими подростками тушила зажигалки на крыше нашего дома на Петра Лаврова. Хотя мне и было только 13 лет, но я старалась воспринимать события такими, какие они есть. Не впадать в уныние и что-то сделать для победы.

Отец был главным технологом военного завода. И находясь на казарменном положении всю войну, жил на производстве, домой не приходил.

Самый сильный голод с 1941 на 42. Этой же зимой были сильнейшие морозы, и мы с мамой перебрались к бабушке на канал Грибоедова, в ее комнате можно было топить камин. Наверное, благодаря ему, мы не окончели в ту страшную зиму.

За водой ходили к Зимнему дворцу, там была прорубь. Брали ведерки, кастрюльки и черпали поварешкой. Хлеб получали по кар-

точкам: я – 125 грамм, бабушка – 125 грамм, а мама – 250.

Зимой 42-го года мы с мамой устроились работать в свиновхоз №5 на Торфяной улице. Мама очень хорошо стреляла, и ее взяли в охрану, а я пилила дрова. Мне выдали рабочую карточку. Эта скудная прибавка хлеба тогда была спасением.

А потом, в 43-м, открыли школу рабочей молодежи на Введенской улице. Я пошла в седьмой класс. Теперь моя жизнь складывалась из работы и учебы. Утром на работу, а вечером – в школу.

В 44-ом ленинградцы, наконец, вздохнули свободней. Обстрелы стали редкими. Но самым большим счастьем для нас было, когда пошли по Невскому трамваи.

Мне очень нравилось смотреть на них. Последний трамвай перестал ходить в 1942 году, а теперь мы вновь возвращались к жизни.

Статистика нашего двора

Алла Александровна САМОХВАЛОВА

30 июня 1941 г.

Это карточка сделана в салоне Карла Буллы на Невском проспекте.

Очень трудно писать о Блокаде. Не только потому, что о ней много написано. Не только потому, что воспоминания о ней с годами не тускнеют, а становятся все более трагичными и болезненными. Главное то, что трудно, а может, и нереально найти слова, которыми можно было бы описать чувство непроходящего хронического голода.

А ведь был еще космический холод, тьма, бомбежки, артобстрелы и страх за судьбу дорогих, близких людей...

В то время наша семья жила на Каменном острове.

8 сентября 1941 года, ближе к вечеру, бабушка отловила меня во дворе и велела привести себя в порядок. Мы пошли гулять, как это довольно часто делали, на Елагин остров в ЦПКиО. Когда дошли до дуба Петра Великого, раздался сигнал воздушной тревоги. Дежурный милиционер предложил всем прохожим войти в здание дома отдыха, что мы и сделали. Все были спокойны, так как

тревоги объявлялись и раньше, но все заканчивалось благополучно. Ведь наши истребители не подпускали немецкие самолеты к городу.

Что произошло на этот раз, описывать не буду. Это общеизвестно. Скажу только, что когда нам разрешили выйти, мы увидели за Малой Невкой огромное кучевое облако от горевших Бадаевских складов. Мы с бабушкой вернулись домой, полные ужаса и тревоги.

К счастью, дом и близкие не пострадали. С этого дня жизнь стала резко меняться. Нормы выдачи продуктов, а главное – хлеба, начали катастрофически сокращаться и дошли до 125 граммов.

В этих условиях моим дорогим землякам-ленинградцам предстояло жить, бороться и сохранить в себе человека.

Я помню, как в сентябре 1941 года бабушка повела меня в школу, чтобы узнать, когда и где будут проходить занятия. У входа нас встретил часовой и не разрешил

Память сердца

Моя мама, Анастасия Семеновна Самохвалова, военный врач 42 армии. На фронт ушла в сентябре 1941 года. Со своей частью от Ленинграда через Псковщину она дошла до Латвии. Домой вернулась в июне 1946 из Северной Кореи.

пройти в здание. К нам вышел военный, как выяснилось, политрук и объяснил, что здесь теперь госпиталь. Какие школы будут работать, ему не известно.

Мне врезалось в память то, как он говорил бабушке:

– Сейчас вы должны ее сберечь. Если вы ее сохраните, она выучится. А сейчас, главное, ее сберечь!

И когда мы уходили, он вслед нам несколько раз повторил:

- Берегите ребенка, это главное!

Трагической зимой 1941-42 в городе работало только 39 школ, где обучались старшеклассники. Младшие школьники не учились.

Дома со мной, по мере сил, занимались дедушка и бабушка. Старались, чтобы я не забыла пройденное в школе, приучали к чтению. Пытались отвлечь от постоянного чувства голода.

Здесь я должна с благодарностью вспомнить наших соседей. Это дочь и сын академика Владимира Михайловича Бехтерева со своими семьями.

Сын, Владимир Владимирович Бехтерев, – инженер-кораблестроитель.

Дочь, Ольга Владимировна Никонова, – хирург больницы им. Эрисмана и ее муж, Борис Николаевич Никонов, – в прошлом литератор и театральный критик, публиковавшийся под псевдонимом Бронников.

У них была внучка Леля, моя ровесница, с которой мы вместе росли. И как все соседские дети, не только тесно общались, но еще были и свои люди в домах друг у друга.

В их доме была прекрасная библиотека. Здесь я впервые увидела книги, выпущенные в свет крупнейшими российскими издательствами, такими, как Брокгауз и Эфрон, Маркс, детская серия «Золотой библиотеки» и другие. Когда мы во время тревоги все вместе сидели в нашем хлипком подвале, игравшем роль бомбоубежища, или траншеях, вырытых около дома в начале войны, а наверху были взрывы, свист бомб, и я, сжимаясь в комок, тряслась, как осиновый лист, Ольга Владимировна и Борис Николаевич начинали рассказывать мне что-нибудь интересное. Они пересказывали содержание литератур-

Мой двоюродный братик Игорек. Мы пережили вместе страшное время. Он остался жив, сына назвал в честь отца Константином.

ных произведений, читали стихи. А еще Борис Николаевич рассказывал об артистах и их выступлениях, о которых он писал в свое время.

Так я узнала, как пел Шаляпин, как танцевала Анна Павлова, как играл Арбенина Ю.М. Юрьев, о романсах, которые пела В. Вяльцева и т.д.

Ближе к зиме бомбежки прекратились и начались артобстрелы, от которых мы уже не прятались. Но наше общение продолжалось. И когда позволяли силы и обстоятельства, я заходила к Никоновым – Бехтеревым. Они давали мне книги для чтения и, пока не наступили холода, Борис Николаевич играл мне на рояле и объяснял, что он играет, кто написал эту музыку и на что я должна обращать внимание.

Члены семьи Владимира Владимировича тоже были внимательны ко мне. Когда я приходила, они старались посадить меня около «буржуйки», рассказать что-то интересное. А рассказать им было что. Они также давали мне читать книги. Среди них была одна поваренная – Елены Молоховец, которую я читала, как сказки Шахерезады. Некоторые советы в моем блокадном сознании не укладывались в рамки реальности.

Я вспоминаю все это не для того, чтобы похвалиться знакомством с близкими людьми всемирно известного ученого Владимира Михайловича Бехтерева, а для того, чтобы помянуть их добрым словом за доброту и

моральную поддержку в то страшное время, и сказать, что светлую память о них я сохранию до конца своих дней.

Мы, бывшие дети блокадного Ленинграда, храним благодарную память о людях, которые оберегали нашу жизнь: наших близких, воинов героической Советской армии, тружениках, которые в осажденном городе, умирая от голода и погибая под бомбами, создавали оружие для фронта, выпекали легендарные 125 грамм хлеба «с огнем и кровью пополам» и делали многое другое.

Вспоминаю дядю Костю, который умер и, предположительно, покоится на Пискаревском кладбище. Его имя числится в 13-ом томе «Книги Памяти». Двоюродного брата Шурика, он тоже похоронен на Пискаревском кладбище, в могиле № 21, его маму, пропавшую без вести. Такая трагичная ситуация была практически в каждой ленинградской семье.

Перед войной в нашем доме было тринадцать детей – шестерых из них эвакуировали летом 41-ого. В блокадном городе осталось четыре мальчика и три девочки. Весной, когда мы начали выходить на улицу, выяснилось, что нас только трое – две девочки и один мальчик. Такая грустная статистика нашего двора!

Блокада закончилась и стала историей, но она не ушла из нашего сердца и не перестала быть болью, очень личной и сокровенной.

Галина Григорьевна САМОНИНА

Галина Григорьевна признается, что иногда ей снится школа! Это не удивительно, ведь шестнадцать лет отдано педагогике. А еще как настоящий профессионал, даже вспоминая свое блокадное детство, рассказывает о любимой первой учительнице Ие Николаевне, о преподавателях: Нине Сергеевне и Валентине Леонидовне, которые вложили в Галю и ее одноклассников столько сил, помогли ленинградским ребятам учиться и верить в победу.

Утром пришла встречать папу на вокзал. Его состав – а он, бригадир поезда, – пошел на Сортировочную. А мы с ним в депо на Боровую. Я осталась ждать около конторы, а папа пошел отчитываться. И вот он выходит, я вижу, что у него изменилось лицо.

– Беда, – говорит отец.

Так я узнала о начале войны.

А 26 июня отца взяли на военный санитарный поезд, с которым он не расставался всю войну.

Мы, шестеро детей, остались с мамой в Ленинграде. И вот началась блокада. Помню наши поездки на Мальцевский рынок. Фетровые боты, которые мы меняли на еду. Постепенно из дома уносили другие вещи.

Жили на окраине города, видели, как через Ленинград шли беженцы с коровами и козами. Кольцо блокады смыкалось. В первые же дни от голода умер младший брат. Я сидела с детьми, оставалась за старшую. Мама работала с огромной нагрузкой, так продолжалось до 42-го года.

От переутомления и голода мама заболела и потеряла зрение. Теперь весь груз лег на мои плечи. Приходилось дежурить у матери в больнице, тянуть семью.

В 43-м устроилась на завод. Работала подсобницей. Получала рабочую карточку. А потом была прорвана и снята наконец

блокада. Жизнь отчетливо стала меняться. Открыли школу рабочей молодежи, выросли первые побеги на нашем огороде. В воздухе запахло весной, и пришла долгожданная победа.

А после войны моя мама получила медаль материнства второй степени.

Блокада ленинградская, где жили брат и я

Надежда Ивановна СВИРИДОВА

При свете коптилки мама читала нам с братом сказку «Терем-теремок»: «Там лягушка пироги печет, а петух с колючим ежиком режут сало острым ножиком». Я настолько хорошо представляю эту картинку, что почти физически ощущаю вкус пирогов и сала. Мысленно повторяю эту фразу и представляю, как режут сало, кладут его в рот. Наверное, это помогло мне преодолеть мучительный голод...

Я хорошо помню нашу комнату в коммунальной квартире на Петроградской. В ней холодно и неуютно. Всю мебель: шкаф, стулья – мама порубила на дрова. Мы с братом лежим в кровати под двумя одеялами, согреваем друг друга теплом своих истощенных тел и тихо умираем.

Город постоянно бомбят, но нам уже не страшно: сумели привыкнуть к этому грохоту и свисту. Во время очередного налета просто выходим в коридор и прижимаемся к стене. Мама говорит, что так безопасней.

В самом начале войны отец ушел в ополчение. Жил в казарме. Он все время думал о семье, старался навещать как можно чаще. Весь свой продуктовый паек приносил нам, детям.

Голод давал о себе знать. Однажды папа упал в обморок прямо на горячую плиту и получил сильнейший ожог. Ни о какой работе не могло быть и речи. Его сразу отпустили домой. Только до нас он так и не добрался. Переходя мост Свободы, потерял сознание. Люди помогли папе дойти до нашей тети на улице Куйбышева. А через несколько дней его не стало. Ему было тридцать восемь.

Эта фотокарточка – единственная память о моем отце.

Этой же страшной голодной зимой, в феврале, умер мой маленький четырехлетний братик.

Как сейчас вижу: лежит на столе его маленькое вытянутое тельце. Белая рубашечка, короткие штанишки на бретельках, чулочки... Наверное, он так и не смог представить

ни пирогов, которые пекла лягушка, ни сало которое резали острым ножиком.

В память о брате я написала это стихотворение:

*В ту пору довоенную,
Когда цвели сады,
Раздался вой сирены
Средь мирной тишины.*

*Куда-то все бежали:
Кто плакал, кто кричал.
И только он, испуганный,
В стороночке стоял.*

*Потом все стало ясно –
Что к нам пришла беда,
По радио сказали,
Что началась война.*

*Воздушная тревога,
Огня безумный шквал.
По радио призвали:
Спуститься всем в подвал.*

*В подвале, словно мыши,
Сидели тихо мы.
И было как-то жутко
От этой тишины.*

*Еще страшнее стало,
Когда вдруг хлеб пропал.
Лежа со мною рядом,
Братишка умирал.*

*Он не стонал, не плакал –
Так мало было сил.
Чуть шевеля губами,
Он хлебушка просил.*

На этой фотографии мы с мамой и братом.

*...Над братскою могилой
Вдруг сердце защежит!
Здесь, голодом сраженный,
Братишка мой лежит.*

*Давно прошли те годы,
Но в памяти жива
Блокада ленинградская,
Где жили брат и я.*

Блокаду пережили — значит победим

Нина Ефимовна СУВОРОВА (СТОЛПОВСКАЯ)

Нина Ефимовна с 1936 года трудилась на мешочно-ткацкой фабрике «Работница», ныне завод «Мезон». В войну из-за отсутствия сырья производство остановилось. Город бомбили. Началась эвакуация. В первую очередь, женщин с детьми. Из оставшихся работников формировали пожарные и медико-санитарные бригады.

— Я возглавляла медико-санитарную команду. По тревоге мы собирались в здравпункте и оказывали помощь пострадавшим.

День наша команда начинала с обхода жилых домов и общежитий. Вывозили умерших мы на телеге, запряженной лошадью. Так и ехали до Пискаревского кладбища, а дорогой нас обгоняли грузовики, полные заколоченных трупов. У меня в памяти отпечаталась жуткая картина: мертвая женщина с длинными развевающимися вдоль борта машины волосами.

Дежурства проходили напряженно. Порой по тревоге приходилось выезжать на места происшествия больше двадцати раз,

иногда и нам приходилось обращаться за медицинской помощью.

Как-то ночью снаряд попал в здание столовой, оно находилось рядом со здравпунктом. Взрывной волной в нем выбило стекла, осколками которого мы были ранены.

А в свободное время кем только ни приходилось работать: и трубочистами, и печниками, и даже молотобойцами!

В булочной по карточке я получала 250 граммов хлеба, кроме того, в заводской столовой нам давали тарелку дрожжевого супа или чечевичную кашу.

Вспоминая блокаду, вспоминаешь людей, с которыми переживал это страшное время. Так меня спасали девочки, соседки по комнате, делясь со мной хлебом. Ведь я умудрилась потерять свою карточку!

К сожалению, из всей нашей комнаты, а нас было девять девчат, выжила только я...

Зимой обогревались у печек. Дрова для них искали в разбитых домах или вылавливали в Неве, когда ходили за водой.

В город начали приходиться вагоны с продовольствием, на разгрузку которых выходила наша бригада. Большим подспорьем стали подсобные участки, на них выращивали овощи.

Одной из бригад руководила я при посадке картофеля. Огороды охраняли по очереди, боялись, что наш урожай кто-нибудь выкопает.

Блокаду мы пережили, осталось совсем немного — победить.

Мне снится город довоенный

Людмила Михайловна СОКОЛОВА

Помню, как выглядел город до войны. Наш двор – типичный ленинградский колодец. Мы жили на Рубинштейна, а гулять ходили, естественно, по Невскому. Поэтому каждый уголок мне знаком и дорог. Идешь и вспоминаешь: вечером у театра толпился народ, значительно больше, чем теперь. А вот тут было студенческое кафе, всегда шумно и весело. И все-таки, чтобы там ни говорили, но тогда это был совершенно другой город! По улицам ходили добрые, приветливые люди. И они гордо назывались – Ленинградцы! Их узнавали и любили во всех городах Советского Союза.

А потом началась война, гул, бомбежки, холод, бесконечные очереди за блокадными граммами хлеба...

Разве смог бы город выстоять, если бы его граждане не помогали друг другу?!

В 1942 году меня с мамой эвакуировали в Ярославскую область. Тогда мы верили в победу, сейчас я хочу верить в то, что наш город изменится к лучшему.

Начинали все заново

Надежда Сергеевна СМИРНОВА

О начале войны я узнала от женщин. Они скапливались на улице кучками и, рыдая, обсуждали известие о нападении немцев на нашу страну.

А вскоре и до нас докатилось эхо войны. Я жила тогда на Васильевском острове, возле Смоленского кладбища. Там, среди деревьев, были установлены зенитки. И когда в небе появлялись вражеские самолеты, они грохотали, а дома качались. У меня дрожали колени, и зуб на зуб не попадал.

Нам пришлось приспособливаться. Поначалу мы вместе со взрослыми рыли траншеи и укрывались в них при первых звуках самолетов.

А потом вообще никуда не выходили. Одетые, оставались в доме и с нетерпением ожидали, когда из репродуктора донесется голос диктора.

– Отбой воздушной тревоги! – звучало из тарелки.

Тяжелое было время. Родители работали. У папы была бронь. Мы же, три сест-

ры и брат, ходили в школу. Правда, учеников можно было пересчитать по пальцам. Классы отапливались дровами, и нам приходилось их пилить. А еще таскали песок на чердак и крышу. Таким образом старались утеплить помещение. Когда наступили холода, школу пришлось закрыть, так как дрова кончились, и топить печь было нечем.

Появилось много свободного времени. И мы стали помогать отцу и матери. Мне, тринадцатилетней девчонке, и старшей сестре было поручено отоваривание продуктовых карточек.

После пожара на Бадаевских складах начались трудности с продовольствием. Приходилось в буквальном смысле караулить, куда привезут продукты. Ведь от этого зависела наша жизнь. Других источников питания у нас не было.

В городе началась массовая смертность. Она не обошла и нас. Вскоре, в конце февраля, умер мой брат Коля. Ему исполнилось только десять лет. Мама зашила его в байко-

вое одеяло, и до потепления он лежал в комнате под окном. Похоронили брата на Смоленском кладбище, рядом с могилкой деда. После Колиной смерти отец решил отправиться на фронт, хотя мог остаться дома. В сорок один год он был похож на старика. А нас включили в список на эвакуацию.

– Иначе мы все погибнем, – сказал отец.

В апреле его отправили на Волховский фронт. Этот день я хорошо запомнила. 10 июня 1942 года приехала грузовая машина с двумя матросами.

Они довели нас до Дороги жизни, прямо к Ладожскому озеру. Было страшно. Наши катера обстреливали. Но нам повезло. Пострадало только судно с вещами, а людям удалось проскочить!

Нас вывезли в Костромскую область, где поселили в ветхом пустующем доме. Местные боялись подходить к нам. Наверное, мы были похожи на кого угодно, но только не на людей. Нашей семье сочувствовали. Приносили молоко, хлеб и оставляли на крыльце. Вот так мы и выжили.

В 1943 году вернулся отец. Его демобилизовали по инвалидности.

А в 45-м и наша семья возвратилась в Ленинград, но уже по другому адресу. В наш дом попала бомба, и его разобрали на дрова. Пришлось начинать все заново. Мы поселились в пустой комнате без стекол (до войны там находилась сберкасса). Забили окна фанерой, а потом постепенно вставили стекла. Жили мы в этой комнате до 1952 года.

А фрица посадим в сундук

Людмила Владимировна СТРЕБУЛАЕВА

Конечно, многого я не вспомню. Но отдельные моменты своего блокадного детства могу рассказать.

Во время войны мы жили на Петроградской стороне на улице Полозова, в красивом доме, фасад которого отделан плиткой.

Мама до войны не работала, в семье нас было трое детей. Папа ушел на фронт добровольцем. Брата вскоре эвакуировали. Надо было как-то выживать, кормить нас с сестрой. И мама пошла на стройку. Разбирала разрушенные дома, подбирала умерших людей и свозила их в сарай на Гатчинскую улицу.

Целыми днями мы с сестрой оставались одни в квартире. Окна в доме были занавешены байковым одеялом, и все время горела синяя лампа. Начались морозы, лопнули фановые трубы, а по комнате стали бегать крысы.

Нам предложили переселиться в большую коммунальную квартиру в этом же Ждановском районе на улице Шамшева –

там пустовало несколько комнат. Мы заняли самую маленькую – 14 квадратных метров. Ее легче было отапливать. В этой комнатухе чулком мы так и прожили (но уже впятером – брат женился на женщине с ребенком) до 1967 года.

Наша улица упиралась одним концом в Пушкарскую, а другим – в Дерябкин рынок. На этом рынке меняли вещи на продукты. В пять вечера его закрывали, и вся толпа шла в сторону Большого проспекта к кинотеатру «Молния». И там расходились кто куда. Сопровождали это шествие милиционер и дворник со свистком.

Я сидела на каменном приступке около подъезда и дожидалась маму с работы. Обычно она возвращалась со стороны проспекта Щорса. В один из таких дней, когда толпа с рынка проходила мимо нашего дома, ко мне подошел мужчина и сказал, что он мой папа.

Этот «папа» взял меня на руки. Дал кусочек дуранды и вместе со всеми пошел в сторону Большого проспекта. И надо же такому случиться! Около кинотеатра «Молния» мать увидела меня на руках у чужого дядьки! Закричала что есть мочи, и я была спасена.

Во время работы при разборке разбомбленного ремесленного училища на маму упала балка и разбила ей голову. И она долго лежала в госпитале. А нас с сестрой сразу же определили в детский сад. Кажется, он находился на Крестовском острове.

После снятия блокады, уже на Новый 1945 год нам, ребятишкам, дарили подарки. Их прислали в детсад из Америки. Мне досталась маленькая куколка из дутого шоколада. Мальчишкам – маленькие шоколадные машинки.

Я свою куколку завернула в тряпочку и легла с ней спать. А когда проснулась, то об-

наружила, что вся постель вымазана растаявшим шоколадом. Наша нянечка пыталась меня утешить, потому что слезы мои текли рекой.

Прошло столько лет, и я, конечно, не помню ни имени, ни как выглядела эта няня, но зато помню, какая она была добрая, как всех жалела.

Ближе к концу войны меня перевели в детский садик на Большом проспекте около площади Льва Толстого. Во время обстрела воспитательница и няня выводили нас в коридор, где мы сбивались в кучу. А эти добрые люди обхватывали нас руками и уговарива-

ли не бояться и не плакать. Обедали мы в детском саду за белыми столиками на четыре человека. Группа была маленькой. Давали жиденький суп. Вспоминаю, как мальчик Боря, сосед по столу, все время лез ложкой в мою чашку с супом.

А еще один паренек, чуть постарше меня, научил нас петь песню про Фрица. Всю песню я не помню. Но пелось в ней о том, как поймали Фрица и посадили в сундук. Заканчивалась она словами: «Крышку я закрыла и замок повесила». Очень нам нравился такой итог!

Поклонитесь низко людям

Тамара Владимировна ТЕРЕНТЬЕВА-ЗЕРЩИКОВА

23 июня 1941 года мой отец, Владимир Григорьевич Терентьев, пошел в военкомат, его взяли сразу. Набирали в народное ополчение.

И мы, трое детей, остались с мамой, Верой Александровной Терентьевой, которая никогда не работала. На ее вопрос: «А на кого же ты нас покидаешь?». Отец ответил: «Через месяц разобьем немцев и я вернусь». Отец не вернулся ни через месяц, ни позже. Мама получила извещение о том, что он пропал без вести под Ленинградом.

Надо было как-то выживать, и она пошла работать. Без специальности устроилась на стройку. Стала маляром. Постепенно начали восстанавливать разрушенные дома. Но случилось несчастье. Мама упала со строительных лесов и с сотрясением мозга попала в больницу.

В Ленинграде наступило самое тяжелое время. Голод. Съели всех собак и кошек. И хотя мы остались одни без мамы, но у нас были продуктовые карточки.

На третий день, когда я, как обычно, пошла их отovarивать, какой-то мужик выхватил карточки из моих рук и исчез. Я стояла в растерянности. Ведь теперь мы должны были умереть с голоду.

Но мир не без добрых людей. О моем горе узнала школьная учительница Лариса Емельяновна Терлецкая. И хотя сама голодала, отдала нам свою карточку. В то время ее поступок был героическим.

На следующий день Лариса Емельяновна в школе не появилась. Мы пошли ее проведать. Она лежала в постели в неотопливаемой комнате. Ребята помогли ей добраться до больницы. И учительница не умерла.

До сих пор храню благодарную память о таких людях, как Лариса Емельяновна Терлецкая, Владимир Григорьевич Терентьев и Вера Александровна.

Могу рассказывать о блокаде много, но один весенний день 42-го года вспоминаю до сих пор. Я пошла занимать очередь в магазине за хлебом. Было раннее утро. Передо мной, покачиваясь, шел мужчина. Когда я дошла до булочной, то его там не оказалось. На обратном пути уже светало. Вдруг я наткнулась на этого мужчину. Он лежал весь в крови. Это очень страшная картина. Но в то время это было обычным явлением.

После такого потрясения я слегла на шесть месяцев. У меня началась жуткая дизентерия. Надо было что-то предпринимать. И мама попросила врача выписать мне белый хлеб. На что доктор ответила: «У нас есть дети, которых еще можно спасти».

Но все-таки я выжила. Вопреки всем ужасам блокады, в нашем городе оставалось еще много таких людей, как моя учительница. Они и помогли выжить нам, блокадным детям.

«За хлебушком». Картошкина Алиса.
12 лет. ДДЮТ Калининского района.

И наступила пора воспоминаний

Марина Семеновна ХАРАД

Июнь 1941 года, лето, жара, лежим на пляже Петропавловской крепости – загораем! Моя сестра Софья Лакони со своим партнером Михаилом Степановым, артистом Ленконцерта, репетируют свой номер «Акробатические миниатюры». Ничто не предвещает беды. И вдруг – сообщение: война!

В течение 10 минут на пляже не осталось ни одного человека! Кто побежал домой, кто на работу, а многие в свой военкомат. А мне 16 лет. Что делать?

Моя сестра записалась в Народное ополчение Кировского завода, куда вошли многие артисты нашего города, и, организовав концертную бригаду, отправилась на фронт.

А мы, подростки, под управлением самого главного человека во дворе, дворника дяди Феди, установили график дежурств на чердаке. Было очень страшно, и когда начали бомбить наши дома, хватали зажигательные бомбы и тушили их песком, трясясь от ужаса.

Шло время, кольцо блокады сужалось, и стало совсем плохо. 125 граммов хлеба в день, нет света, воды. Оставшиеся в живых соседи перебрались с верхних этажей к нам на второй и стали жить коммуной, хоронили умерших, заботились о живых.

У моих родителей, как у всех ленинградцев, началась цинга. Я решила пойти работать в поликлинику, все-таки норма хлеба побольше. Из Москвы на помощь городу прислали молодых врачей, и меня прикре-

пили к одному из них. Моя работа заключалась в том, чтобы обойти дома, выявить умерших, а живым выдать рецепт на хвойный экстракт, который можно было получить бесплатно в аптеке. Набегавшись по этажам, а вес мой составлял чуть больше 40 килограммов, я отчитывалась своему врачу. Так, работая в блокадном городе, я и начала мою медицинскую карьеру.

Всем известно, что воду приходилось везти на санках из проруби на Неве. Сколько чайников и кастрюль хранятся на дне реки. Сколько посуды выскочило из ослабших, обессиленных рук! И все-таки что-то получалось донести до дома.

Жили мы на Васильевском острове, на второй линии. Рядом на Неве стоял крейсер «Киров». Муж моей сестры служил на нем и помогал чем мог: приносил свой паек, папиросы, которые на рынке меняли на муку. Кто-то из арти-

стов, друзей моей сестры, привез нам дуранду – это такие отруби, из которых мы пекли лепешки, это считалось большим деликатесом.

Своих родных мы похоронили на Пискаревском кладбище.

Многие ленинградцы-блокадники знают так много горького и ужасного, что, вспоминая об этом, не верят, что смогли выжить и остаться добрыми, честными, сердечными и отзывчивыми на чужую беду людьми.

Честь и хвала этим героическим людям!

Софья Лакони и Михаил Степанов репетируют на пляже Петропавловской крепости.

Видимо, сердце предчувствовало...

Нина Алексеевна ФИЛИППОВА

Отца призвали на фронт. Он получил повестку. Их, будущих солдат, собрали, одели в форму, но еще несколько дней не отправляли дальше: формировались роты. Мы с мамой поехали к папе в казарму.

Помню, как мы сидим на какой-то площадке, видимо, около железнодорожной станции. Я примостилась на коленях у отца, а он дает мне кусок копченой колбасы. Я уронила его на землю. Мама меня отругала, а отец ее успокаивал. Я очень расстроилась, что огорчила папу своей неаккуратностью. Видимо, сердце предчувствовало, что я его больше не увижу.

Этот момент запомнился мне на всю жизнь. И то ощущение – как сердечко защемило. Отец пытался меня развеселить, но тут прозвучал сигнал сбора. Мы попрощались навсегда.

Через несколько дней их отправили на фронт. Мама ездила провожать его на вокзал уже без меня.

Ленинградские солдаты защищали Москву. Отец был ранен и лежал в госпитале, поправлялся, чтобы вернуться в армию.

А в городе тем временем становилось все беспокойнее, стали пропадать с прилавков продукты, враг все ближе подступал к Ленинграду, началась эвакуация. Отец в письмах уговаривал мать уехать из города. А куда? Кому мы нужны?

Мы жили в совхозе. Были какие-то овощи, бабушка успела насолить ведро капусты, где-то купили мешок отрубей. Но приближалась холодная и голодная зима, продукты в магазинах исчезли, хлеб стали выдавать только по талонам, пропали все животные и птицы: их ловили и ели, кошек, собак, мышей – всех.

Постоянно слышался грохот пушек и гул самолетов, особенно вечером. Все окна были заклеены черной бумагой, чтобы было не видно света. Когда на город летели немецкие самолеты, а их уже все различали по гулу, в городе выла сирена и по радио объявляли: «Воздушная тревога». Все старались укрыться, спрятаться.

В мае появилась кое-какая травка: крапива, лебеда. Горожан не пускали к полям, прогоняли. Работникам совхоза все же удавалось собирать травы. Из крапивы варили щи, а из лебеды пекли лепешки. До сих пор помню их противный вкус. Овощи не разрешали брать даже работникам обыскивали, все отправлялось на фронт или в госпитали. Весной в совхоз откуда-то привезли дуранду – спрессованные отжимки льняного и подсолнечного масла. Они были в виде огромных колес, их разламывали и раздавали кусками. Для нас это было настоящее лакомство: по вкусу напоминало халву, только очень твердую и не сладкую.

Летом стрельбы и налетов стало больше. Иногда думалось, что Ленинград не выдер-

жит: осада слишком затянулась. Отец уговаривал в письмах мать, чтобы мы куда-нибудь эвакуировались. Приближалась зима, я ослабла, была не совсем здорова. Но решил и подтолкнул к отъезду случай.

У соседей оставался запас муки, и мать в отчаянии решила у них ее «позаимствовать». Когда мать пришла в очередной раз, ее схватили за руку. И мать, и бабушка от позора и страха, что еще одну голодную зиму они не переживут, решились на эвакуацию.

Шел ноябрь 1942 года. Запасов еды у нас уже не было никаких, только вещи.

Нам назначили время и место сбора. Посадили в автобус и повезли к Ладоге.

Спустя много лет я видела такой автобус в музее. Переправа шла по ночам. Нас ждал катер. Дети с матерями сидели внизу, в трюме, а остальные на палубе. Было страшно, холодно, штормило, хотелось есть. Мы переправились благополучно. Блокадный Ленинград остался позади...

Антонина Бойкова

Нет больше родственной души

Нина Антоновна ЧИЖЕВСКАЯ

Нина была обычной ленинградской школьницей. В старом здании школы, расположенном на Фонтанке, отзвенел последний звонок учебного года. Позади остался седьмой класс, впереди были летние каникулы. В теплое июньское воскресенье Нина шла по улице. Внезапно она услышала обращение Левитана: «Началась война!» Она опрометью бросилась домой, чтобы сообщить страшную новость родным.

Уже на следующий день Нинин папа, Иван Антонович, ушел на фронт. Офицер, участник Финской войны, он был мобилизован сразу. Мама Мария Александровна отправилась провожать его. Дети остались дома. Тяжкие предчувствия овладели сердцем девушки. «Уже тогда я понимала, что никогда больше не увижу папу», – вспоминает Нина Ивановна.

А через 3 дня добровольцем на фронт ушел и старший брат Виктор. Ему тогда было 17 лет. Остались мама, Нина и младший брат, двенадцатилетний Павлик.

В августе ввели продуктовые карточки, но еще кое-где можно было купить продукты. А в сентябре начался голод. Чтобы дети могли как-то прокормиться, мама отправила их в ремесленное училище, которое располагалось на Фонтанке, 6. У самой Марии Александровны была рабочая карточка.

А 15 ноября случилось страшное. Мария Александровна попала под бомбежку. В тот день она взяла Павлика и поехала на улицу Ватутина к своей матери. На обратном пути, обрушившееся здание погребло их под своими обломками.

– Я была на крыше дома, когда меня позвал участковый, в его руках была мамина сумка. Сперва я не поняла, что случилось. Меня попросили опознать вещи. Мама умерла сразу, а братика отправили в больницу Софьи Перовской.

Несмотря на все трудности, Марию Александровну удалось похоронить в гробу на Богословском кладбище. В те времена добиться этого было нелегко.

Дети остались одни. Павлика после больницы отправили на завод им. Кирова, где он трудился у станка. Время было очень голо-

дное, случались дни, когда есть было совсем нечего. Павлик заболел и слег. Встать с кровати он так и не смог от истощения и холода он умер.

Примерно в это же время на фронте погиб Нинин старший брат Виктор. Писем от отца уже давно не было.

В это тяжелое время она активно включилась в работу по обороне города, стремясь заглушить физическим утомлением душевную тревогу. Рыла траншеи, участвовала в противовоздушной обороне.

Когда война закончилась, Нина чувствовала себя совершенно опустошенной.

Казалось, что нет больше родственной души, что совсем она одна. А потом Нина познакомилась с Евгением Ивановичем. Вскоре он стал ее мужем.

У супругов двое детей – старшего сына зовут Геннадием, младшего Нина назвала в честь брата – Виктором.

Екатерина Андреева

О чем говорят березы

Татьяна Викторовна БАЛАШОВА

Жизнь подарила мне счастье трудиться с замечательными людьми и притом в коллективе, который я считаю лучшим. Это сейчас я – ветеран труда, награждена «Почетным знаком», а когда-то, закончив школу, думала – куда идти работать? Да, только на «Холодильник № 6»! Взяли меня помощником на местную телефонную станцию, а на пенсию уходила с должности старшего бухгалтера материального склада. Прихожу на родное предприятие, вижу березки, которые сажал мой отец – вся жизнь перед глазами встает. Как в фильме.

История давно связала мою семью с этим производством, да и с самим Калининским районом.

До Великой Отечественной родители работали на Ленинградском металлическом заводе. Началась война – мама не эвакуировалась, продолжала трудиться, а у папы в 1941 году в трудовой книжке появилась запись об увольнении «ввиду ухода в РККА». Следующая строчка вписана только в сентябре 1943-го: «Принят на должность заведующего складом «Хладокомбината № 6». А между этими двумя датами – война, самое трудное время для моих родителей.

Под Пулковом папа получил ранение, вследствие которого ему ампутировали ногу, долго лежал в госпитале. В этот же период от голода умирает одна моя бабушка – папина мама, а потом и другая. Их хоронят на Пискаревском кладбище. Мой отец Виктор Александрович Чернятинский уже в декабре 42-го был награжден медалью «За обо-

1946 год. А. Белов, С. Кравченко, Т. Егоров, С. Панасюк, А. Тихомиров, С. Павлов, В. Чернятинский (второй ряд третий слева).

рону Ленинграда». Он имеет орден Славы III степени, медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За победу над Германией», орден «Знак почета». Вся его послевоенная жизнь связана с «Хладокомбинатом № 6», да и жила семья жила на территории комбината – вплоть до 1964 года. Занимали три комна-

ты в деревянном доме, который еще до революции строил мой дед – вот какие иногда у судьбы бывают выражи!

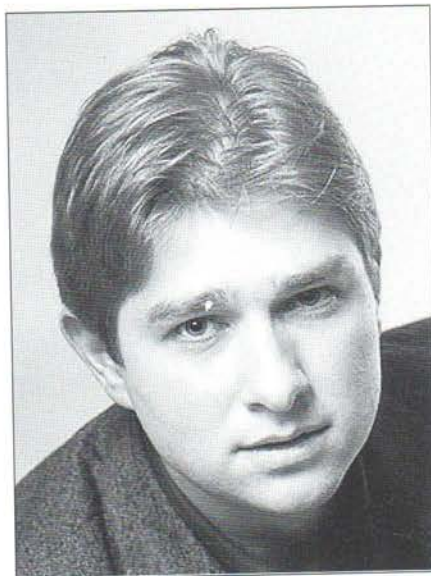
Вспоминаю послевоенное детство. Как и все дети, хорошо помню праздники. Над зданием комбината зажигалась красная звезда, ее свет проливался на деревья, морозным инеем покрыты ветки... А еще незабываемы праздничные вечера в красном уголке. Мы, ребятишки, слушаем, как взрослые поют военные песни. Душевно, красиво! К своим воспоминаниям прилагаю фотографию фронтовиков, сотрудников «Холодильника». Фамилии некоторых из них указаны. Это те самые люди, которые, как и мой отец, поднимали комбинат в сложное послевоенное время. Наверное оттого, что судьба каждого обожжена войной, в них очень сильна была энергия созидания. Комбинат стал их родным домом, семьей, их победой в мирном сражении. Без самоотверженного отношения к делу этих людей не было бы и нынешнего «Петрохолода»!

Не могу не отметить, что ветераны сегодня здесь не обижены и не забыты. Прихожу на комбинат, смотрю на дорогие березки. Не рвется нить, связующая поколения!

Александр Александрович МАЛЬКЕВИЧ

Депутат, главный редактор газеты «Пискаревка»

У многих людей детство вспоминается как самое счастливое и беззаботное время в жизни: его всегда вспоминают с улыбкой, когда перед нами проплывают милые сердцу моменты. Но... около 5 миллионов человек судьба лишила счастливых воспоминаний детства. У них ничего не осталось, кроме слез, о прошедшем времени. Война отняла у них детство.

Война оставляет след в сердце на всю жизнь. А в сердце ребенка – это незаживающая рана. Детство, опаленное войной... Детство, которого не было... Война не знает возраста. Перед страшным ликом ее уничтожающей силы равны и стар и млад. Но насколько трагично потерянное детство, детство, лишённое радости и смеха, наполненное страданиями, голодом, смертями самых близких людей!..

Об этом рассказывают самые, пожалуй, пронзительные страницы нашей «Книги памяти», написанные детьми, пережившими эту страшную Войну. И их воспоминания мы будем передавать из поколения в поколение.

Дети войны помнят, как держали тыл их матери, старики... И нет в Ленинграде – Санкт-Петербурге семьи, которой не коснулась Война; мой отец жил в блокадном городе, был «сыном полка». Работал, старался помогать взрослым, как мог, а вечерами играл на валторне в духовом оркестре Артиллерийско-технического училища. И ждал Победу вместе со своими сверстниками...

Говорят, войну выигрывают генералы. Но не только. Войну выигрывает народ. По крайней мере, если речь вести о нашей стране. И наша «Книга...» – живое тому свидетельство!

